

Мир выживших

Фрэнк Белнан Лонг

Cordie regards,
Frank Belknap Long.

Фрэнк Белнап Лонг

МИР ВЫЖИВШИХ

*

РАССКАЗЫ

Литера-Т

2016

УДК 821. 111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

Л76

Лонг Ф.Б.

Мир выживших: Роман. Рассказы / Пер. с англ. Литера-Т, 2016. — 340 с., ил. (Литера-Т. Коллекция).

Во второй том собрания сочинений классика weird fiction вошли роман «Мир выживших» (1971) и рассказы разных лет.

© Екатерина Абросимова, перевод романа, 2016

© Александр Сорочан, перевод рассказов, 2016

© Юлия Бойкова, перевод рассказов, 2016

© Андрей Косухин, обложка, 2016

© Литера-Т, 2016

МИР
ВЫЖИВШИХ

Survival World, 1971

SIDA

WORLDWIDE

1. *Journal of International Law*, 2010

2. *Journal of International Law*, 2010

3. *Journal of International Law*, 2010

4. *Journal of International Law*, 2010

5. *Journal of International Law*, 2010

Глава 1

— В любой момент могут позвонить, — сказал Дэн Блэкмор серьезной светловолосой женщине, которая стояла рядом с ним. — Вчера вечером Мэйсон предупредил меня по диску, что мой отдых закончится до полудня.

На секунду он отвернулся, ощущая приступ того щемящего чувства, которое испытывает большинство людей, когда им требуется внезапно отвлечься от всего, на миг освободиться от власти Времени.

— Но мы провели хорошие солнечные дни — мы были абсолютно свободны от напряжения, — добавил он, сжав ее руку. — Правда, дорогая?

— Полагаю, ты можешь и так сказать, Дэн, — ответила его жена. — Но иногда я думаю, что мы единственные люди в мире, которые точно знают, что может означать такая свобода.

Это был первый отпуск Блэкмора за четыре года, и он не мог избавиться от чувства, что этот отпуск мог стать последним.

Хорошенько покопавшись в памяти, он мог вспомнить более ранний отдых, который казался бодрящим, но только потому, что тогда Блэкмор был удивительно молод: он мог заниматься спортом на свежем воздухе десять или двенадцать часов подряд и заниматься опасными видами спорта. Например, он забирался на отвесные скалы, увлекался серфингом и подводным плаванием с аквалангом на Багамах, долгими прогулками по пересеченной местности, стрельбой из лука и дартсом, которые могли быть опасными, если ты ослабишь бдительность, а твой соперник останется настороже.

В тридцать четыре года он все еще мог сойти за студента университета, и мог так же сопротивляться физи-

ческой усталости, как и в молодости. Но однажды ты переходишь предел — и забываешь о прежнем авантюризме ради своего собственного блага; тогда формируются запреты, которые уже трудно преодолеть.

Наверное, все это было связано с тем фактом, что он больше не был на Багамах и что большинство молодых людей, разделявших его веру в то, что убийство копьем акул и барракуд — это самый сложный подводный вид спорта, давным-давно сдались и разъехались по домам.

Нечто подобное могло случиться, если бы доска для серфинга, на которой ты стоял, перевернулась там, где уровень прибрежного загрязнения не был определен заранее. В таком случае можно просто захлебываться и задыхаться какое-то время, ощущая резкий вкус во рту. Но гораздо более вероятно, что человек окунулся бы в опасное подводное течение, настолько опасное, что потом пришлось делать пересадку кожи.

С другой стороны, все не так уж сильно изменилось за эти годы. Юноша, которым он был, и он теперешний, оба занимались экологическими исследованиями по правительственному проекту, порой ловя себя на мысли, что у экологии много общего с брошенным щенком, яростно таявшащим вслед людям и мечтающим о несбыточных вещах.

Тогда Блэкмор, движимый беспокойством, вопреки собственной воле подобрал щенка и пошел с ним дальше, а щенок в его руках превратился в дикобраза — чудовищного зверя с огромными иглами и острыми, как бритва, когтями. Это было почти так же опасно, как дергать тигра за хвост.

— Когда ты достиг главного, великого прорыва, — слышал он собственные слова, — возникает чувство, что абсолютная победа может быть вполне достижима; и ради этого можно снова положить голову на плаху и легче принять такую смертельную угрозу.

Ответ Хелен Блэкмор прозвучал не сразу; у Дэна была возможность еще раз осмотреться вокруг и насладиться величественной красотой окружающего мира.

Каким прекрасным все казалось ему, каким далеким от распада и разрушения, охватившего все прочие места! Аквариум с морской водой, который стоял на возвышении посреди застекленной террасы, был таким же очаровательным, как и вид через панорамное окно, напротив которого он возлежал в кресле с мягкими подушками.

За окном тянулась полоса открытой местности, которая отдаленно напоминала море, так как бесчисленные золотые колосья качались на ветру, и в отдалении был виден маяк. Океаническая перспектива простиралась на мили, до самого почти безоблачного летнего неба.

Но еще больше напоминал океан (пусть и небольшого размера) сам аквариум, так как, казалось, он переносил море прямо на террасу, несмотря на тот, что сосуд был невелик и Блэкмор мог охватить его руками, как будто заключая в объятия; точно так же он держал в объятиях жену всего несколько минут назад.

В круглой стеклянной чаше, среди колышущихся ветвей и миниатюрных коралловых рифов, рыбки фантастических форм и размеров резвились в точности так, как будто они были созданы в самом море — великом «Родителе тайн» и, конечно, самого человечества.

Блэкмор чувствовал слабый приступ вины всякий раз, когда цитировал Суинберна, но только в глубине души, потому что ему нравилось думать о себе как о человеке, свободном от эмоциональных расстройств, распространенных в викторианскую эпоху. Но великие поэты, в конце концов, не старели, и, несомненно, это была его привилегия — вызывать в памяти бессмертные строки, от Спенсера до Одена и Роберта Грейвса.

Конечно, не следовало забывать и Шелли, у которого было несколько чудесных вещей о голубом Средиземном море, единственном море, которое оставалось на две трети незагрязненным и которое Блэкмор мог все еще представить себе, так как однажды он пролетал высоко над ним на реактивном самолете.

«Почему так случилось?» — спрашивал он себя тысячу раз. Защищали ли его каким-то непостижимым образом древние боги? Это казалось маловероятным, так как на берегах этого самого моря слуха древних людей впервые коснулся отчаянный крик «Великий Пан мертв!»

Затем заговорила Хелен Блэкмор, по-видимому, отвечая на те слова, которые он произнес минуту назад.

— Мейсону и остальным не нужно закручивать гайки, в чем ты их обвинял. Я точно цитирую твои слова. Неужели они не достаточно проницательны, чтобы понять: что человек, который посвятил лучшие годы своей жизни проведению тщательных исследований, носит в себе своего собственного встроенного надсмотрщика?

Она на мгновение умолкла, а затем продолжила сердито:

— Как они представляют тебя? А себя? Они просто благонамеренные, но сильно напуганные мужчины, или они — тайные палачи, которые чувствовали бы себя как дома в Лондонском Тауэре семь, восемь или десять веков назад? У меня всегда было плохо с датами. Трудно сказать, во всяком случае, когда они начали систематически отрубать головы людям за неудачи в достижении невозможного.

Ее голос звучал все резче:

— Закручивание гаек! Голову на плаху! Если такие средневековые идеи приходят тебе в голову, мне можно начинать беспокоиться о том, что может произойти с вдовой приговоренного мужчины. Они сравнивают его с

землей, не так ли? И выставят его жену и детей на продажу?

Если бы в этот самый момент на месте Блэкмора сидел кто-то другой, он бы не захотел отводить взгляд от панорамного окна. Но Блэкмор сейчас повернулся и обратил внимание на другой очаровательный вид, которым многие готовы были бы любоваться на протяжении лучших дней жизни, не считая, что они приносят какую-то жертву.

Определенно, время и внешние перемены, говорил он себе, никогда по-настоящему не могли затронуть внутреннее великолепие — да и также зримое великолепие — такой прекрасной женщины; понятие «старение» не имело отношения к ней.

— Ты судишь их слишком строго, — сказал Блэкмор. — На них возложены обязательства, с которыми они не могут справиться без посторонней помощи. Они просто рассчитывают, что я уберегу их от катастрофы, когда все за ними наблюдают. Ты знаешь, что может произойти в ином случае. Сейчас не стоит паниковать.

Хелен Блэкмор выдержала небольшую паузу, а затем сказала:

— Сколько у нас есть, Дэн? Пятнадцать лет? Двадцать? Все выглядит так безнадежно.

Она указала на панорамное окно, словно ветер, который дул над пшеничным полем, беспорядочно наклоняя стебли вправо и влево, вызывал в ней такие же сильные сомнения. Надежда и страх, надежда и страх — опасные качели.

— Эти акры золотого зерна — твой личный успех, Дэн, — сказала она. — Но это был самый дорогостоящий экологический проект, который когда-либо устраивали. Потребуется столетие и объединенные ресурсы всех людей на Земле, чтобы продублировать его в большем масштабе. Даже в ограниченном масштабе, здесь, в Со-

единенных Штатах, потребуется много времени. И кто осмелится сказать одним деморализованным людям: «Вы получите достаточно еды, чтобы обеспечить свое выживание», а другим: «Вы не получите еды, и вам придется погибнуть». Это приведет к хаосу — и открытым военным действиям.

Прежде чем Блэкмор успел что-то сказать в ответ, резкий треск прокатился эхом от стены до стены террасы, и маленькая черная дырочка появилась в центре панорамного окна; оно раскололось по всей длине.

Аквариум разлетелся на куски. Когда разбитое стекло звякнуло о пол, вода хлынула вперед мощным потоком, неся с собой рыбок и свернувшиеся комки ярко-зеленых водорослей.

Мгновение рыбки трепыхались на полу, силой вырванные из очищенного микрокосма, который имитировал коралловый риф на каких-то далеких, солнечных Азорских островах.

Потом снова послышался треск, и Блэкмор услышал крик жены, охваченной безумным испугом:

— Дэн, отойди от окна. О Господи...

Лишь на миг Блэкмор неподвижно застыл, его глаза сфокусировались на разбитом аквариуме, как будто нечто, чем бы оно ни было, превращающее террасу во взрывающийся кошмар, сконцентрировалось там, в центре худшей из всех возможных катастроф.

Затем он одеревенел от внезапного ужаса, осознав, что уничтожение аквариума был наименее значительным последствием случившегося. Теперь его жена поднялась на ноги; она вцепилась в руку Блэкмора, стараясь оттащить его в сторону.

Он мгновенно очнулся, подхватил ее и упал на колени, потянув Хелен за собой; они почти тотчас скрылись под подоконником.

Посмотрев вверх, Дэн обнаружил, что от оконного стекла не осталось ничего, кроме нескольких зазубренных осколков, выступавших из рамы, которая, казалось, почернела от дыма. Было сложно все рассмотреть из-под подоконника, с такой неудобной точки. Но казалось, легкое движение — что-то вроде ожившей синевы — можно было уловить краем глаза. Возможно, просто ветер раскачивал стебли пшеницы. Нельзя было сказать наверняка.

— Пригнись! — предупредил он, сжимая плечо жены.
— Ты не заметила его?

— Нет, — выдохнула она. — Только движение колосьев.

— Как далеко от окна?

— В пятидесяти или шестидесяти футах. Дэн, будь осторожнее. Теперь он может быть ближе, ожидая, пока ты не сделаешь что-то безрассудное.

— Не люблю оставаться в неведении, — прошептал Блэкмор. — Если он появился, он так просто не уйдет — если он пришел сюда, чтобы убить меня.

Несколько раз в жизни Блэкмором овладевало такое сильное безрассудство, что он отбрасывал всю свою осторожность, и подвергался почти смертельному риску. Но в такие моменты его разум не полностью бездействовал, поэтому обычно он мог двигаться вперед, усваивая то, что ему удавалось почерпнуть из опыта.

Когда опасность была неминуемой и очень серьезной, часто лучше предпринять необычные действия, серьезно рискнуть и положить конец неопределенности. Если же человек колеблется и робеет, скорее всего, ему суждено проиграть, а не выиграть.

За разбитым стеклом мог прятаться хладнокровный убийца с оружием наготове — ожидая, пока медленно поднимающийся человек не покажется на виду. Он да-

же мог надеяться, что Блэкмор станет легкой мишенью, поднявшись в полный рост.

Дэн, вполне естественно, рассматривал это как невероятное проявление глупости. Но он не позволял себе думать о подобных вещах. Это было, несомненно, самое опасное, что он мог сделать. Но также это был лучший и самый быстрый способ выяснить, насколько серьезной была опасность.

Если в него не выстрелят в упор и если пуля не попадет в него с большого расстояния (а для этого требовалась поразительная точность и ловкость стрелка), то у Дэна останется время, чтобы снова нырнуть под подоконник так же быстро, как он встал. Он останется в поле зрения не более одной-двух секунд и враг просто не успеет прицелиться. Больше он никак не мог осмотреть все пшеничное поле.

Возможно, ему снесут голову. Но это было не хуже, чем ожидать, пока на террасе прогремит выстрел; убийца может перепрыгнуть через подоконник и встать посреди комнаты, переводя дуло ружья с Дэна на Хелен и обратно.

Может, подождать и попытаться поставить подножку предполагаемому убийце, схватив его за ноги, когда он войдет? Нет, шансы на поражение в таком случае будут достаточно велики. Человек, почти несомненно, предугадает такую энергичную попытку и будет настороже, чтобы отразить атаку. В яростной борьбе у вооруженного мужчины огромное преимущество. Даже если у него выкручены руки, и он вынужден стрелять наугад, то выстрел все равно может нанести непоправимый вред.

Блэкмор резко вскочил на ноги, не обращая внимания на испуганный вздох жены. Он тотчас сделал два быстрых шага назад, чтобы держаться от окна как можно дальше, но не выпускать пшеничное поле из вида. С большого расстояния он мог видеть его почти пол-

ностью, но только не те жизненно важные двадцать пять акров, которые находились прямо под окном.

Не одна, не две, а двадцать секунд прошли с тех пор, как Блэкмор посмотрел вдаль, его тело застыло, как тотемный столб. Но если голова на вершине тотема могла оказаться лучшей из всех возможных мелких целей, то человек, которого увидел Блэкмор, больше не мог осознать это.

Он находился, по крайней мере, в восьмидесяти футах и спасался бегством, его тело было гротескно наклонено, а руки крутились. Он расчищал себе путь на бегу, уничтожая растительность, как безумное испуганное животное, которому угрожал приближающийся неумолимый охотник.

Но Блэкмор не был вооружен и, определенно, не бежал по пшеничному полю. Он не мог внушить такой ужас. Но когда убегающий мужчина обернулся, чтобы посмотреть назад, и Блэкмор увидел, насколько тот похож на скелет, — тогда страх, который обуявший стрелка, стал понятнее.

Голод, или нечто близкое к голоду, могло сотворить такое с человеком, могло натянуть его нервы и заставить его обратиться в бегство, ища спасения от собственного акта насилия. Как будто сотворенное зло само по себе стало обвинением, неустанно преследующим преступника.

Внезапно пшеница сомкнулась вокруг человека, и он исчез из вида. Но длинноствольное ружье, которое служило ему для того, чтобы раздвигать колосья, и неистово рассекающие воздух руки еще несколько секунд виднелись над пшеницей. Руки и ствол ружья вздымались прямо, как перископы подводных лодок.

Затем Блэкмор нагнулся и помог жене подняться на ноги. Когда Дэн рассказал Хелен об увиденном, в ее глазах отразилось потрясающее облегчение. Но голос ее

дрожал, и она продолжала держаться за мужа, чтобы не упасть.

— Должно быть, он потерял самообладание, — сказала она. — А, возможно, он просто хотел напугать тебя, просто хотел, чтобы ты знал: ошибочно думать, что ты здесь в безопасности, в то время как другие люди голодают.

Блэкмор покачал головой.

— Он пришел, чтобы убить меня. Я в этом не сомневаюсь. Если бы он лучше стрелял, его первый выстрел разбил бы аквариум. Но сначала пуля прошла бы сквозь меня.

— Дэн, неужели они так видят тебя? Владыка жизни и смерти с золотым ключом от урожая, болтающимся на запястье?

— Боюсь, что так, — сказал Блэкмор. — И это значит, что мне придется последовать за ним. Он первый мародер, который появился на этом участке береговой линии. Пока он не пойман, мы не узнаем, распространилась ли ненависть здесь так же быстро, как и на Западном побережье.

— Но здесь, в Новой Англии, еще не было настоящего голода.

— Это зависит от того, что ты имеешь в виду под словом «голод», — сказал Блэкмор.

Внезапно Блэкмор повернулся и зашагал к противоположной стене террасы. У него промелькнула мысль: коммуникационный диск находится в середине стены, он окружен концентрическими катушками проводов, и такое ощущение, что перед ним мишень. Возможно, это была абсурдная мысль. Но если наблюдатель сосредоточится на объекте, который так выделяется в окружающем мире, то пристальное внимание будет обеспечено.

— Ему потребуется, по меньшей мере, тридцать минут, чтобы выбраться из пшеницы, — сказал он. — Ней-

тронные заграждения, которые я установил, заставят его бежать только вперед, пока он не достигнет дамбы. Я могу подобрать его через десять минут с астросамолета. Итак, у нас осталось достаточно времени, чтобы попытаться ее раз на него взглянуть. Из восемнадцати механизмов передачи изображения, разбросанных по всему полю, будет несложно активировать тот, что находится ближе к нему. Я хочу, чтобы ты увидела, как он выглядел, когда повернулся — как он был истощен. Потом мы еще поговорим о голоде — и истощении, если ты захочешь. Ты можешь и не захотеть.

Блэкмор щелкнул по диску, и подождал, пока он не засветится, прежде чем начать какие-то быстрые манипуляции с циферблатом дистанционного управления. Он знал, что до появления картинки пройдет целых две минуты, даже если ему повезет, так как активированному механизму передачи требуется уловить тепло тела убегающего мужчины и уточнить текстуру его кожи, мускулов и костей, прежде чем он сможет подняться в воздух и последовать за ним.

Понадобилось больше времени, чем он ожидал, почти четыре минуты. Но был важен и компенсационный фактор, так как механизм передачи стабилизировался с помощью рычагов; наконец зернистые помехи на v-образной трубке превратилась в свет, звук и цвет.

Сначала на светящемся диске возникли затылок и плечи убегающего человека, а затем и его лицо; оно виднелось с близкого расстояния.

Хелен Блэкмор вскрикнула и слегка покачнулась. Но она махнула мужу рукой, когда он начал пересекать комнату, чтобы подойти к ней.

— Все в порядке, — сказала она. — Выключи это. Я видела достаточно.

Блэкмор не выключил прибор. Иногда, просто изучая лицо человека, сложно сказать, является ли он жертвой

психического заболевания, особенно если это худое, изможденное лицо голодающего. Удрученный, скрытный, безнадежный вид, вкупе с упадочной меланхолией обычно был опасным признаком. Но взгляд, близкий к маниакальному, казался выражением чего-то иного. Только сильнейший страх мог породить его, чувство, что ты попал в ловушку, и вся надежда на спасение пропала.

Нейтронные поля, которые защищали пшеничное поле на севере и юге, могли удержать мужчину на ограниченной территории, как указал Блэкмор; тому приходилось бежать только в одном направлении. Если бы он слишком сильно отклонился от курса, удар, сопровождаемый мышечным спазмом, мог бы подбросить его вверх, а потом свалить на землю. Этот опыт был болезненным — тут никаких сомнений не возникало.

Блэкмор был уверен только в одном. Ни у одного живого существа не могло быть таких ввалившихся глаз, таких выступающих скул, тонкой, как пергамент, натянутой кожи. Его глаза не просто лихорадочно блестели. Это были словно дыры в черепе, наполненные светящимся мерцанием.

Блэкмор едва ли надеялся, что жена простит его. Но он продолжал смотреть на экран еще минуту, испытывая и чувство глубокого сострадания, и злость, которая была ровной и безличной. Дэн мог бы простить мужчину за то, что тот пытался его убить, и не испытывать к нему недоброжелательности как к отдельному человеку. Но то, что пытался сделать человек, было угрозой, которую нельзя игнорировать, так как она была прямо по тому, что для Блэкмора представляло большую ценность, чем его собственная жизнь. По сравнению с этой угрозой опасность для жизни казалась просто ничтожной.

В течение нескольких оставшихся секунд — он почти дотянулся до диска, чтобы выключить его — устройство

визуальной передачи продолжало следовать за бегущим по полю мужчиной, падающим и парящим, словно кружащая летучая мышь с аномальным зрением, не способная видеть в солнечном свете так же ясно, как в темноте.

Затем убегающий скелет на миг исчез, и показалось широкое пространство открытого неба. Высоко вверху висела одинокая птица с темным оперением. Она была похожа на грифа, но также могла оказаться и вороной. Блэкмор предпочитал думать, что это либо ворона, либо ястреб.

В ту секунду, когда диск потемнел, он слегка подрегулировал циферблат дистанционного контроля, чтобы он не охладился слишком быстро, и пересек комнату, вернувшись к разбитому панорамному окну.

— Извини, — сказал Блэкмор.

— За то, что сразу не выключил его? Я и не ожидала, что ты это сделаешь, правда. Это было бы безумием. Просто...

Она заколебалась, ее взгляд был обвиняющим.

— О, я не знаю. В этот раз все обошлось. Но, кажется, ты всегда в конечном итоге делаешь то, что хочешь. То же было прошлой ночью, когда мы обсуждали новости о цензуре. Ты знал: я подозревала, что ты что-то скрываешь от меня. Но ты не хотел, чтобы я знала о Нью-Йорке, Балтиморе и Чарльстоне. Поэтому ты начал говорить, уклончиво, о новостных отключениях в общем — как полезны они иногда.

— Хорошо, — ответил Блэкмор. — Поставки овощей и молочной продукции из районов, не охваченных голодом, становятся все меньше, особенно в Нью-Йорк. Но там еще не наступил голод. То, что ты только что сказала о Новой Англии, заставило меня подумать: тебе нужно увидеть, что голод может сделать с человеком, который, возможно, местный.

— Так ты выждал, пока он попытается тебя убить, прежде чем решил, что я могу узнать правду. Зачем, Дэн?

— Есть слово, которое может помочь все объяснить, — ответил Блэкмор. — «Экстраполировать». Это значит, конечно, взять известное и сделать на его основе какое-то важное открытие. Я решил пощадить тебя, потому что тебе тяжело временами принимать то, что кажется достаточно простым. Если предпосылка — базовые данные, — с которой ты начинаешь экстраполировать, необоснованна, то картина, которая у тебя складывается, определенно искажает реальность.

Хелен Блэкмор, казалось, внезапно решила больше не сердиться на мужа; ее обвинительный взгляд бесследно исчез.

— Дэн, послушай меня, — сказала она почти умоляюще. — Я хотела бы, чтобы ты сказал мне, как конкретно я искажаю реальность. Мне не придется напоминать тебе, что заболевания растений усложняются и становятся почти неизлечимыми. Если бы это было только истощение почвы — прогноз не был бы не мрачнее, чем, скажем, в 1980-м, когда опасность казалась огромной, и только человеческое упрямство помешало среагировать на происходящее... определенным образом... отрицательно.

— Это была не столько отрицательная реакция, сколько капитуляция, основанная на простой инерции, — сказал Блэкмор. — Кажется, такое всегда происходит, когда усилия продолжаются слишком долго, и шансы на благоприятный исход уменьшаются. Начинают действовать гедонистические побуждения, то же повторяется и на других уровнях.

— В гедонизме нет ничего плохого, до определенного момента, — сказала Хелен Блэкмор. — Он может сделать людей более терпимыми и щедрыми; они пожелают по-

святить свои жизни обретению нового опыта и облегчению человеческих страданий.

— Согласен с тобой, — ответил Блэкмор. — Но камень преткновения, *инерция*, довольно сильно отличается от принципа удовольствия. На самом деле никому не нравиться признавать себя до такой степени побежденным. Человеческая природа не такова. Но когда подобное случается, возникает склонность смешать это с диким восторгом приятного развлечения; человек хочет спокойно перейти через холм к веселой ферме.

— Но неужели, Дэн, все это никак не связано с тем, о чем я только что сказала? Шансы на спасение стали ничтожными. Радиоактивные утечки из «мирно» используемых термоядерных реакторов растут, смертельные ядохимикаты все еще загрязняют реки и ручьи, и это через полвека, число устойчивых к антибиотикам организмов увеличивается с пугающей быстротой год за годом, ужасные бедствия в Восточной Европе, Индии и Китае, и — пять миллиардов голодных ртов, ждущих еды.

— Радиация не достигла критического уровня, — сказал Блэкмор. — Мы все еще можем с этим жить.

— Как чудесно! Выходит, ситуация нормализовалась хотя бы в одном отношении. И если киты и дельфины избегают Северной Атлантики до самого Северного Полярного Круга, то человеку не о чем беспокоиться. У него есть крылья, и Париж так же прекрасен весной — если ты можешь не обращать внимания на полуголодных детей.

— Я мог бы перечислить еще дюжину вредных факторов, — сказал Блэкмор. — Но голод — все еще перво-степенная проблема, и действительно большая. Если бы здесь мы добились успеха...

Он посмотрел прямо на Хелен.

— Есть еще кое-что, о чем, по-моему, тебе уже известно. В Массачусетсе люди собирались на Мысе почти месяц, жили в лачугах на пляжах и ставили ловушки на омаров. Все съедобные водоросли на скалах собрали, а травы, растущие на склонах, в это время года ядовиты. Но из-за них казалось, что еды очень много, все больше и больше людей ели их. Потом люди начали умирать.

Потрясенная Хелен Блэкмор вздрогнула от ужаса.

— Полагаю, не надо тебе говорить, — продолжал Блэкмор, — что может случиться, если все это распространится по пляжам Коннектикута. Вся моя пшеница может сгореть в пламени.

— Но, Дэн, это чепуха! С чего кто-то захочет сжечь ее? В этом не будет смысла.

— Боюсь, что будет. Все, что понятно, имеет смысл, и не важно, насколько искажены причины. Почему этот человек пришел убить меня? Если, как ты только что сказала, я стал символом сохранения разумного изобилия еды, то случившееся может показаться жестоким издевательством. Тлеющее негодование такого рода часто ведет к разрушительному насилию — и никакой заботы о последствиях.

— Но он мог дойти до отчаяния из-за простой нужды...

Блэкмор покачал головой.

— Я так не думаю. Он мог убежать с несколькими стеблями, не рискуя так сильно. Должно быть, его ненависть усилилась. И мне в любом случае необходимо выяснить, выражает ли эта разрушительная ярость и ненависть позицию одного ненормального человека, или зараза начала распространяться. Есть несколько решительных мер, которые можно предпринять...

— Но что ты сможешь выяснить, если его схватят? — усомнилась Хелен Блэкмор. — Что ты будешь делать?

Проведешь несколько тестов, чтобы определить, насколько он ненормален?

— Это может помочь, — ответил Блэкмор. — Это будет гораздо лучше, чем позволить ему убежать. Но насколько заразной может стать такая эмоциональная нестабильность, будут выяснять люди более искусные, чем я. Серьезные психологические исследования сегодня находятся в стадии становления, несмотря на возврат к инфантилизму в ситуации фоновых структурных групп, которые действуют согласно обстоятельствам.

— Техника сравнительных схем никогда меня сильно не впечатляла, Дэн. Дедушка так же относился к гипотезе Фрейда, еще до того, как ее опровергли.

Блэкмор никогда не видел, чтобы она стояла так неподвижно и чтобы в глазах ее отражалась такая боль. Она снова устремила взгляд на пшеничное поле, и ее голос, когда она продолжила, был спокойно-проницательным. Это было, по крайней мере, обманчиво, так как он знал, какую борьбу Хелен ведет, чтобы оставаться внешне спокойной.

— Эта пшеница могла бы помочь нашим потомкам — через сто лет, — сказала она. — Но — у нас их не будет, Дэн. Зачем притворяться? Свет погаснет — это только вопрос времени.

— И я все еще отказываюсь в это верить, — ответил Блэкмор. — Мне надо тебе кое-что сказать. Ты, может, меня не поймешь. Это по поводу пшеницы и по поводу того, чего мне стоило ее вырастить.

Блэкмор раскинул руки, как будто этим широким жестом изображал, как обнимает весь вид за окном.

— Ты можешь быть во многом права, — сказал он. — Но я продолжаю верить, что надежда на выживание людей уменьшится, если что-то случится хоть с одним стеблем пшеницы. В экспериментальном тестовом проекте важен каждый стебелек. Все еще нужно провести

тесты со зрелым материалом, и истинный размер моего успеха — или неудачи — будет определен в соответствии с ценой эксперимента.

— Но ты еще думаешь о чем-то другом, не так ли, Дэни? О чем-то, чего, по-твоему, я могу не понять.

Блэкмор кивнул.

— Это не просто объяснить. Но — что ж, когда человек заплатил высокую цену за что-то, о чем он не может похвалиться себе думать, будто все, сделанное им, может оказаться бессмысленным. Возможно, это и так. Но это означало бы предать самого себя — похвалиться мимолетному чувству огнивания ослепить тебя только потому, что все туманно, что события в будущем могут развиться совершенно иначе и они могут кардинально изменить тенденции, вложенные в настоящее. Никакой катастрофы нельзя избежать; в истории все работает не так.

На приятном лице Блэкмора время оставило свои следы, он выглядел преждевременно постаревшим, но иногда размышления придавали ему вид чувствительного и ученого философа, который опирался на некую мудрость человечества, но также не гнушался обсуждением некоторых из тех приквотов, из которых он черпал жизненный опыт.

— Ты никогда не узнаешь, какую цену я заплатил, — сказал он. — Только невинностью к самому себе...

— Невинностью к себе? Что ты имеешь в виду, Дэни?

— Что ж — тысячи лет символические обряды и церемонии ассоциировались с земледелием и сбором урожая. «Приношение снопов» был чем-то вроде символа торжества, чего-то, чем человек должен гордиться. Обряд берет начало в эпохе неолита. Но были времена, когда я возмущался всякий раз, когда мне приходилось приносить жертвы на этот алтарь. Я возмущался, что это стоило мне спокойствия духа и времени, которое я мог провести, занимаясь с тобой любовью.

— Пожалуйста, Дэн, что необходимо?

— Думаю, да. Или ты не согласен?

— Ты же знаешь, что и не то имели в виду. Я говорю, что тебе необходимо притвориться, будто мы когда-то чему-то помешали... Дэн, почему ты представляешь все хуже, чем оно на самом деле есть? Я точно знаю, что тебе это стоило в другом смысле.

Влакмор ничего не сказал в ответ. Вместо того он шагнул вперед, и обнял Хелси так быстро, что она не могла бы позриуть, даже если бы захотела. Он целовал ее волосы, губы, глаза, сначала легко, а затем так страстно и так требовательно обнял, что они оба застыли, перестав дышать, потом они с трудом, неохотно оторвались друг от друга.

Дэн видел, как сияют ее глаза, он понимал, что они снова бы притянули его к своим объятиям, если бы он не бросил все прочие мысли из головы и просто подчинился бы ее желанию. Но он заставил себя отстраниуть головой и удовлетвориться простым соприкосновением.

— Я представляю все слишком хорошо, — сказал он.

— Он будет у дамбы через пятнадцать минут.

— Все в порядке, Дэн, — откликнулся Хелси. — Но будь осторожен.

Глава 2

Блэкмору потребовалось менее полутора минут, чтобы спуститься с террасы на первый этаж гостиной того, что когда-то было богато обставленной летней резиденцией, пройти в примыкавшую раздевалку, снять костюм и выйти на солнечный свет позади дома. Теперь он облачился в костюм настолько же эластичный, насколько и облегающий; Блэкмор в таком одеянии слегка напоминал водолаза.

Когда Дэн поднимался на борт астро-самолета и склонялся над рычагами, он не переставал упрекать себя за то, что не позаботился посмотреть на часы на террасе,

Дэн находился уже в шестидесяти футах от дома, но преодолел это расстояние, промчавшись по взлетно-посадочной полосе, немного быстрее, чем за последние недели. Аварийные ситуации, которые требовали спешки, были заурядными, например, внезапное ухудшение погоды, когда штормовые облака собирались в вышине в погожий весенний день, что случалось не более восьми раз в месяц. Но подчас выдавались такие ситуации, когда приходилось напрягать каждый мускул, чтобы обогнать часы.

Через секунду астро-самолет взмыл прямо в небо, где он мог парить, словно крошечная гудящая птичка, на высоте тысячи миль, пока пилот не нажмет на рычаги управления, заставив самолет стремительно помчаться вперед — подняться выше или просто остаться на той же высоте и направиться к береговой линии, над полями золотого зерна.

С воздуха поле выглядело в точности как волнуемая ветром поверхность открытого моря — так же, как с террасы, а возможно, немного лучше. Но было одно от-

личие. Теперь вдали виднелось настоящее море, позолоченное, но не такое золотое, как пшеница. Его синева попадала в поле зрения на участке, где возвышался маяк. Также там вздымались пенистые гребни волн, а там, где волны взбивались в пену, вспыхивали отблески фиолетового и более тусклого золотого цвета.

Блэкмор старался соблюдать предельную осторожность, когда он начал медленно кружить над пшеницей, стараясь, чтобы астро-самолет не поднялся выше, так как четкая видимость была крайне важна. На высоте тысячи футов видимость была не слишком хороша, но на более низкой высоте преимущества точности стали бы недостатками.

Сначала следовало сделать широкий обзор, осмотреть всю обработанную землю, окинуть взглядом все ее участки, вплоть до дамбы. Дэн моментально решил: как только он заметит среди пшеницы необычная активность, он без проблем моментально снизится и зависнет прямо в нужной точке.

В футляре на его поясе висел мощный бинокль. Но яркий солнечный свет, сияющий сквозь легкую морскую дымку, мог исказить картинку, и Блэкмор предпочел положиться только на свое зрение и на легкую маневренность астро-самолета. Это было почти равнозначно выходу из тела, бесконечное парение всегда оставалось волнующим; казалось, что он сам летает, обретая ястребиную способность подниматься и опускаться за доли секунды.

Он заметил подозрительную активность поблизости от центра поля. Она нисколько не напоминало движение, возникавшее на других участках, так как стебли гнулись не от ветра; тогда двигались только их верхушки. А в этом случае казалось, что гигантская полевая мышь эпохи первых млекопитающих прокладывала себе

путь сквозь пшеницу, натаптывая тропинку, которая смыкалась сразу за ней.

Блэкмор резко склонился над рычагами, и астро-самолет начал снижаться так быстро, что он завис над подозрительным участком на высоте четырехсот футов еще до того, как снова выпрямился в кресле пилота.

На мгновение он так увлекся стабилизацией самолета на этом уровне, что почти выпустил из поля зрения первый и единственный признак присутствия убегающего мужчины.

Изможденная костлявая фигура попалась ему на глаза всего на секунду, посреди пустого клочка ржаво-красной земли, который самолет обнажил, когда стебли согнулись под действием воздушной волны. Мужчина повернулся на бегу, его правая рука взметнулась в защитном жесте, длинноствольное ружье блеснуло в руке.

Это было так неожиданно, что Блэкмору оставалось только смотреть вниз: он не верил своим глазам, не ослаблял давления на рычаги, и не думал о том, что так крепко держаться за них не стоит, это просто неразумно.

Зато к мужчине вернулась прежняя бодрость; он готовился к бою!

Блэкмор решил не останавливаться на этом. Сейчас не время восхищаться противником. Это было бы вообще неправильно, с учетом того, что означает такое сопротивление.

Очевидно, что-то задержало мужчину — возможно, он никак не мог преодолеть нейтронные поля. Он все еще был на полпути к дамбе.

Убегающий мужчина сейчас явно попал в ловушку, словно заключенный, а стебли пшеницы по краям поля превратились в прут тюремной решетки. По крайней мере, Блэкмор мог еще на десять минут отложить поим-

ку беглеца. Ему в голову пришла новая мысль, и он решил немного увеличить масштаб своих планов.

Если он снова поднимется вверх и пролетит над дамбой и широкой полосой пляжа за ней, то сможет сэкономить время; вдобавок там было кое-что, что ему необходимо узнать. Пустынен ли пляж? Если нет, то у мужчины, который пытался его убить, могли быть сообщники, которые ждали там его возвращения. А если лодка бросила якорь у побережья...

Нет, это слишком вольное допущение. Если нейтронные поля задержали мужчину, ему следовало скрыться в другом направлении. А стал бы он так поступать, если бы собирался уйти по морю?

Возможно, сказал Блэкмор самому себе. Этого нельзя исключать. Поле имеет вытянутую форму, и мужчина не смог бы выбраться из пшеницы быстрее, двигаясь на север или юг, если бы на его пути не было щитов; напрашивалось вполне естественное решение: избежать длинного пути до дамбы, пройти по кругу и в конце концов вернуться к пляжу другим путем.

А вдруг его сообщники, если они существовали, ждали, пока убийца не присоединится к ним на другой, более отдаленной части побережья. Но Блэкмор не мог представить, как пойти на риск, спланировав убийство человека и положившись на далекий корабль, который помог бы убийце скрыться.

Блэкмор посмотрел вниз и увидел, к своему удивлению, что астро-самолет уже вновь начал подниматься; руки Дэна автоматически сжимали рычаги, откликаясь, возможно, на самое таинственное из всех человеческих побуждений — бессознательному внушению, согласно которому для преодоления препятствий нужно только усилить давление.

Астро-самолет почти достиг высоты, которую старался поддерживать Блэкмор, прежде чем увидел признак

движения — и тут небольшой, серо-белый клуб дыма поднялся из пшеницы в восьмистах футах внизу.

Дым рассеялся на ветру так быстро, что Блэкмор не успел понять, что астро-самолет обстреливали, пока не появился второй клуб дыма; приборная панель наклонилась, аппарат затрясся.

В самолете произошло несколько небольших взрывов, они следовали друг за другом с двухсекундными интервалами. Потом появились языки пламени, и один из них взметнулся так близко от Блэкмора, что опалил левую сторону его лица, прежде чем с шипением перекинулся на рычаги, а потом утратил силу.

Огонь больше не появлялся, а когда взрывы прекратились, Блэкмору сначала было трудно поверить, что астро-самолет серьезно поврежден; полет продолжался еще целую минуту.

В течение этой минуты он не бездельничал. Он испытывал все приборы, до которых мог дотянуться руками. Некоторые он толкал и тянул, другие отключал, вращал дюжину переключателей, включал связь и прислушивался к звукам — как узнаваемым, так и новым.

Эти новые звуки тревожили его больше всего. Его тревога усилилась, когда один из них стал очень резким и скрипучим, словно скрежет ржавых петель на массивной двери, которую трепал ураган.

Огромное множество приборов, включая те два, что были жизненно важны, отключились почти одновременно. По крайней мере, Блэкмор понял это, пытаясь быстро перепроверить работу механизмов.

Астро-самолет начал быстро терять высоту, но он спускался не вертикально, а по широкой горизонтальной кривой; аппарат мчался по направлению к дамбе.

С потерей высоты возрастала вероятность того, что самолет вылетит на открытое место, прежде чем разобьется, или развалится в воздухе после очередного

взрыва, который, возможно, будет не таким, как те маленькие взрывы, которые Блэкмор пережил, отделавшись всего лишь ожогом на щеке. Теперь Дэн почти отчаялся.

Если он рухнет в воду — он уже не надеялся посадить самолет, маневрируя — то сможет выбраться и поплыть к берегу, если только самолет мгновенно не затонет. Если он упадет на пляж — что ж, даже тогда его шансы на выживание будут больше. Обширное пространство ровного песка обеспечит плацдарм для аварийной посадки и уменьшит удар при столкновении.

Но Дэн не мог заранее знать, чем все кончится, и его сомнения возросли и стали поистине нестерпимыми, когда он посмотрел вниз и увидел, что дамба находится прямо под ним. Самолет пролетел над ней на высоте менее двухсот футов.

Сама дамба, обеспечивавшая защиту от затопления, и пляж, простиравшийся за ней, вырисовывались в солнечном свете с поразительной ясностью.

Пляж был отнюдь не пустынен. Там находились двое мужчин и одна женщина и клинообразный предмет, по крайней мере, семидесяти футов в длину, который был очень похож на гигантского мертвого ската, выброшенного приливом, его розоватая плоть сморщилась на палящем солнце и покрылась серыми и черными крапинками.

Также на пляже лежали скомканные массы водорослей; на мгновение эта сцена напомнила Блэкмору разбитый аквариум, содержимое которого выплеснулось на террасу. Но почему, он сказать не мог; в отличие от рыб человеческие фигурки не дергались и не суетились; вдобавок он не думал, что клинообразный предмет — это на самом деле скат.

Но все равно было что-то странное в этом зрелище; как будто некая неожиданная катастрофа заставила

пляж, окутанный аурой нереальности, подняться из морской пучины.

Потом, перед тем как астро-самолет опустился на песок, а солнечный свет стал таким ослепительным, что Дэн больше не мог ничего разглядеть — ему в голову пришел ответ.

Фигуры на пляже выглядели ненастоящими, потому что люди были почти обнажены; мужчины крепко сложены, а самый высокий, с темной бородой, глядя в небо, размахивал чем-то, похожим на трезубец. Да, он напоминал Нептуна; его тело, покрытое каплями соленой воды, сверкало в лучах солнца. Женщина рядом с ним поразительно напоминала Венеру, вышедшую из волн; ее темные волосы были распущены и спускались на плечи, ветер, играя, шевелил их. Ее стройное молодое тело также блестело в брызгах прибоя, который бушевал в нескольких ярдах позади нее. Другой мужчина...

Крушение оказалось еще хуже, чем он ожидал. Казалось, будто две стены обрушились в невообразимо огромном гроте, они столкнулись с грохотом, эхо которого разнеслось над морем. Дэн потерял сознание. Но не сразу, а довольно медленно; он успел почувствовать, что оказался немного в стороне от ужасного скрежета и гула; потом шум проник в его голову — и наступила темнота.

Глава 3

Кто-то — или что-то — тянул Блэкмора за руку и быстро шептал ему, повторяя одни и те же слова снова и снова:

— Ты не сильно ранен — просто оглушен. Открой глаза, парень. Посмотри на меня. С тобой все будет в порядке.

Голова его гудела; это звук появился, когда на него опустилась темнота; из-за непрерывного шума было трудно выполнить то, чего хотел человек. Если это человек, «кто-то» — а не просто предмет, «что-то». Неодушевленный предмет не может тянуть за руку и говорить низким, звучным голосом.

Лицо, которое он увидел, открыв глаза, было так близко к нему, что Дэн смог сосредоточиться на нем только после того, как снова закрыл глаза и вновь открыл их более медленно, мигая.

Это было лицо не темнобородого Нептуна. Нет, лицо казалось намного старше, его покрывали морщины, глаза были глубоко посажены, а лоб одновременно выглядел широким и необычайно высоким. Мужчина недавно побрился, и морщины резко вырисовывались на коже; Дэн почти тотчас узнал его — быстрее, чем осознал это. Он лишь мельком видел мужчину до катастрофы...

Нет, нет, он ошибался. Это было знакомое лицо, он видел его давным-давно. Но теперь оно выглядело как-то по-другому. На фотографиях губы были не так плотно сжаты, глаза были менее живыми, менее эмоциональными, в них отсутствовало напряжение, которое люди, которые считают себя независимыми, стараются выразить во время публичных выступлений и интервью.

Теперь Филипп Фаран кивал тепло и успокоительно, как будто хотел, чтобы Блэкмор знал: теперь, когда он

открыл глаза, ему понадобится некоторое время, чтобы решить, как он себя чувствует.

Блэкмор чувствовал себя очень хорошо. Не было смысла это скрывать: определенно, с человека, который не мог радоваться, едва избежав смерти, нельзя назвать нормальным.

— Полагаю, ты знаешь, кто я, — сказал Фаран, смущенно пожав плечами. — Когда люди узнают сумасшедшего, обычно это замечаешь. Их изумление — нет, тревога — в десять раз больше, чем в том случае, если бы они просто встретились со старым другом, опирающимся на трость, хотя они всегда думали, что он всего лишь повзрослел.

Сколько лет? Блэкмор обнаружил, что спрашивает себя об этом. Сколько точно прошло с тех пор, как Фаран исчез?

— Восемь лет могут изменить человека сильнее, чем ты думаешь, — сказал Фаран, как будто прочитав мысли Блэкмора.

— Только если это не определенный образ, — услышал Блэкмор свой ответ. — Хотя в одном ты прав. Я начал считать тебя другом, когда под стол пешком ходил. Мне просто дважды не удалось встретиться с тобой, и я всегда завидовал людям, которые оказались удачливее.

— Боюсь, — ответил Фаран, — что враждебность, а не дружба, стала для большинства из них гораздо важнее. Но все равно спасибо.

Блэкмор чуть-чуть приподнялся и осмотрелся, чтобы убедиться, что он не находился внутри груды обломков. Нет, он был в другом месте. Он лежал, вытянувшись, на песке, чувствуя спиной твердую опору — возможно, валун. Прямо за Фараном, который стоял рядом с ним на коленях, находились молодой мужчина с темной бородой, которого Дэн ошибочно принял за Нептуна, вооруженного трезубцем, и девушка, которая (сейчас Блэкмор

это видел) была слишком молода и стройна, чтобы оказаться даже Венерой Боттичелли, не говоря уже о Венере Рубенса. Они оба носили купальные костюмы, плотно облегающие тело — не удивительно, что с воздуха они казались полностью обнаженными.

Девушке не могло быть больше восемнадцати, и мужчина выглядел немногим старше, возможно, ему исполнилось двадцать. Тем не менее, его борода была длинной и раздвоенной и вместе с высокой фигурой и трезубцем придавала ему вид бога, несмотря на молодость его лица и на то, что Нептун принимал участие в строительстве Трои и был представлен в классической мифологии сидящим в колеснице, запряженной дельфинами; он должен быть почти таким же древним, как и его брат Юпитер. Юпитер и Нептун — Зевс и Посейдон греков. Греческие и римские сказки о богах не старели! Казалось невероятным, что такие мысли могли прийти к нему в голову в такой момент. У девушки были глаза цвета морской волны, и ее красота не вызывала сомнений. Это должно означать, что его так сильно встряхнуло во время крушения, что крупца бреда все еще искажала его мышление; Дэн не хотел, чтобы такое случилось.

Блэкмор закрыл глаза, не желая принимать то, что Фаран сказал о себе, хотя, возможно, это было близко к истине.

Он не думал, что может долго не открывать глаза; Фаран снова тревожно потянул его за руку, пока волны, которые заливали пляж, не обрушились на собравшихся людей.

Известный музыкант однажды пробормотал на смертном ложе: «Ах, Шуберт!» и умер; слава пришла ему в старости. Технологический гений Фарана, возможно, не достигал той же высоты, что и гений бессмертного композитора. Он не играл на клавишах человеческой души и не вызывал того экстаза, который мог вызвать

возглас «Ах, Фаран!» даже у юноши, который мог умереть, не дожив до старости, но который не мог представить, что вообще умрет.

Но для Блэкмора не было большой разницы между музыкальной сферой и технологической изобретательностью, такой безупречной и прекрасной, что она превосходила то, чего достиг Евклид в области математики или Кеплер в своем исследовании небес с помощью математических формул.

Мгновение Блэкмор оставался очень спокойным; в темноте, которая застилала его зрение, он присоединялся к сонму глубоко признательных мужчин и женщин, намеревавшихся воздать Фарану то, что ему причиталось.

Он заслужил это уважение сотней разных способов. Каждое его изобретение обеспечило страховку от общечеловеческой склонности описывать прогресс как бессмысленный для общества, продолжающего повторять ошибки прошлого — общества, которое вскоре может прекратить свое существование.

Прогресс может не слишком отличаться от чьей-то решительной прогулки по коридору к сияющим воротам — человек идет, и ему отрывает голову до того, как он выходит на солнечный свет. Но Фаран упрямо отказывался верить, будто только из-за того, что экологический прогресс застопорился на опасно долгое время, нельзя найти какой-то другой путь предотвращения катастрофы.

Никто не сомневался, что Блэкмор мог сделать больше в этом отношении, так как все его силы были направлены на возобновление экологического прогресса — или на помощь в предстоящем возобновлении. Но это не означало, что Фаран не был здравомыслящим, скрупулезным, дисциплинированным мыслителем, имеющим

право утверждать, что путешествие во времени *теоретически* возможно.

Независимо от того, было ли это утверждение верным или нет, он имел полное право сделать его. Возникал только один вопрос — не зашел ли он слишком далеко, публично заявив, что находился на грани преодоления всех препятствий, которые могли помешать человеку совершить путешествие из настоящего во время, отдаленное от нашего, и вернуться обратно, доказав, что он не пребывал во власти фантазий, вызванных травмой головы.

К собственному стыду Блэкмор вынужден был признать: в некоторые моменты он почти разделял убеждение ограниченных умов — что Фаран психически неуравновешен. В свою защиту он мог сказать, что из-за этой мысли он испытывал чувство вины и что общие протесты удивляли и злили его.

И это было не преувеличение. Это *на самом деле* был протест — почти бешеный, невежественный протест. Фаран питал ложные надежды, усиливая общее несчастье и отчаяние. Ни один человек с такой огромной репутацией не должен выдвигать такие теории. Это могло означать, что он стал или властолюбивым интриганом, преследующим свои интересы, черствым и циничным без меры — или безнадежным психом.

Фаран принял то, что ему, возможно, удалось узнать благодаря исключительной чувствительности; Блэкмор был убежден, что для этого потребовалась огромная смелость. Когда чувствительного и мечтательного человека обвиняют в увеличении человеческих несчастий и сомнений в широком масштабе — он, скорее всего, не захочет усиления подобных настроений в будущем и отступит, несмотря на несправедливость возведенных против него обвинений.

Фаран просто исчез из вида до того, как два обвинения — что он безумец или клинический оппортунист — успели объединить, и миллионы глупых мужчин и женщин смогли убедить себя в том, что он виновен по обоим пунктам.

— Все в порядке, все хорошо, — услышал Блэкмор слова Фарана. — Просто не шевелись, пока не шевелишься... Честно говоря, я изумлен, что ты вообще мог говорить.

Блэкмор открыл глаза, немного подвинулся, чтобы каменная поверхность не так давила на спину — его догадка оказалась правильной; это и был валун — и посмотрел в дальнюю часть пляжа на волны прибоя. Астро-самолета нигде не было видно.

— Астро-самолет... сильно поврежден? — спросил он, — Я его не вижу.

— А ты как думаешь? — спросил Фаран.

— Должно быть, сильно. Рычаги сломались, а солнце ослепило меня в пятидесяти футах от пляжа. Но я слышал начало крушения.

— Он ушел под воду, — сказал ему Фаран. — Примерно на тридцать футов. Из-за отлива полоса песка существенно расширилась, поэтому он с тем же успехом мог упасть и на пляже. Самолет оказался на виду, и мы прошли по песчаной косе вброд и вытащили тебя раньше, чем аппарат мог бы взорваться.

— Ты имеешь в виду, что был взрыв?

Фаран покачал головой.

— Нет. Но такое часто бывает, верно? По сравнению с тем, как он выглядел, Шалтай-Болтай показался бы более-менее целым. Чудо, что тебя не... ммм... не разорвало на куски. Но чудеса и впрямь иногда случаются. Я абсолютно в этом уверен.

— Почему все еще не видно обломков? — спросил Блэкмор.

— Он развалился окончательно, очевидно, и затонул глубже — сразу после того, как мы вытащили тебя на берег. А еще поднимается прилив, последние двадцать минут.

Девушка быстро прошла мимо морского бога, упала на колени рядом с Фараном и в первый раз заговорила:

— Я так рада, — сказала она. — Отец не лучше Роджера умеет скрывать свои чувства, и на мгновение я испугалась, что вы можете... — она заколебалась.

— Ты можешь сказать, — сказал ей Блэкмор, борясь с искушением вытянуть руку и успокоительно погладить ее по голому плечу. Не потому, что оно было голым, и не потом, что он — в определенный момент, как минимум — испытал прилив волнения, к которому восприимчивы даже самые счастливые женатые мужчины; нет, он хотел еще раз убедиться, что перед ним девушка из плоти и крови. Кожа богини, определенно, была бы совершенно другой на ощупь — мраморной, может быть, или пылающей странным огнем.

— Ты подумала, что я мог умереть, — продолжил он, зная, что если попытается улыбнуться, может показаться, что он гримасничает. — Я часто спрашивал себя, сколько потребуется времени кому-то, кто поверил в нечто похожее, избавиться от чувства, что он видит призрака.

— Просто вы были таким бледным, — сказала девушка, почти извиняясь.

Он снова посмотрел на Ферана.

— Я не знал, что у тебя есть дочь, — сказал он.

— Никто не знал, — ответил Феран, — Десятилетняя девочка, спрятанная в коттедже на окраине, как правило, не привлекает общественного внимания. Тем не менее, я всегда следил за этим. Говорят, мальчик может быть очень шумным. Но на самом деле маленькая девочка может создавать больше проблем, если ты вдовец,

и одна сломанная кукла может вызвать вспышку гнева. Но, думаю, оно того стоило.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что стоило, папа, — сказала девушка беззлобно. — Почему бы тебе не рассказать ему, как здорово я тебе помогла.

— Сейчас есть вещи, которые ему важнее узнать, — ответил Фаран. — Женскую незаменимость нельзя долго скрывать.

Он потрепал дочь по плечу, как хотел сделать Блэкмор, но с отцовской простотой, которая до предела уменьшала вероятность того, что обычный смертный мог стать отцом богини.

— Это Гильда, — сказал он, кивая. — Не я выбирал имя. Но моей жене оно нравилось, и позже я осознал, что это был мудрый выбор. Сегодня нам требуется больше Гильд и меньше Кассандр.

Вот так, подумал Блэкмор. Нептун и Венера, а теперь — Кассандра. Кассандра, кающаяся пророчица, плачущая на берегах Трои, потому что пески быстро иссякали, и никто не знал, что с этим делать. Блэкмор всегда чувствовал, что Кассандру не столько не замечали, сколько использовали как оправдание инертности и дичайшего гедонизма. Да, Гильда — имя определенно больше подходило девушке. Что хорошего в предсказании катастрофы, если все становятся беспомощными при столкновении с ней?

Или у Фарана на уме было что-то еще, заставившее его сказать именно эти слова? Был ли он твердо уверен, что не надо отчаиваться и что Кассандры двадцать первого века, как бы их на самом деле не звали, совсем бесполезны?

Что ж, по крайней мере, абсурдный образ Венеры, вышедшей из пены, исчез, и вторая иллюзия начала рушиться. Только то, что дочка Фарана назвала молодого человека с трезубцем именем, разрушающим миф,

сделало трезубец незначительным; теперь Фаран окончательно уничтожил сходство с мифом, сказав:

— Несмотря на все эти механизмы, под рукой у нас не оказалось простых кусачек. Если бы не помощь Роджера, вытащить тебя из обломков нам было бы куда сложнее. У меня остеоартрит шести пальцев. Еще не очень сильный, но это помешало бы...

— Роджер Тайсон, — сказала Гильда, кивая туда, где все еще неподвижно стоял ее спутник в купальном костюме. У Блэкмора промелькнула мысль, что она могла чувствовать, будто его полное имя важно, поэтому девушка поделилась им. Это было одно из тех безосновательных предчувствий, которые чаще всего оказывались совершенно беспочвенными.

Тайсона, казалось, отличала своеобразная застенчивость, которая иногда присуща рослым, внушительным типам, которые не чувствуют себя непринужденно за стенами спортивных стадионов. Он немного отступил, как будто не желая слишком резко вторгаться в разговор и мешать восстановлению сил Блэкмора. Но теперь он шагнул вперед, протянув руку.

— Нам было трудно, пока ты не появился, Блэкмор, — сказал он. — Теперь, кажется, твоя очередь.

То, что Тайсон его узнал, удивило бы Блэкмора больше, если бы он не знал, как широко его фотография распространялась в средствах массовой информации. Очевидно, люди испытывали определенное удовольствие, наблюдая, как человек цепляется за маленькую крупицу надежды, которой не мог поделиться, и гадая, что он будет чувствовать, когда надежду у него заберут. Одно лишь то, что... ну что ж.

Дэн крепко пожал руку Тайсона, поблагодарив его за помощь, и осуждающе посмотрел на Фарана, который начал подниматься.

— У меня такое чувство, что ты тоже меня узнал, — сказал он. — Почему ты ничего не сказал о проекте — о пшенице, которую я вырастил. Честно сказать, только это для меня важно. Даже то, что я все еще жив, важно лишь на одну десятую. Не то, чтобы я тебе не благодарен, но я думаю...

— А, пшеница, — сказал Фаран. — Конечно, я знал, кто ты. Но сначала о главном, парень. Мне не нравится думать, каким может быть будущее без тебя. Что пшеница все еще была здесь в 2207 году. Но если бы тебя убили...

Теперь Фаран встал на ноги, указывая в сторону дамбы. Но внезапно он потряс головой, и его рука опустилась.

— Я не хотел сбивать тебя — так резко, не закончив все. Я бы не хотел, чтобы кто-то так поступил со мной. Надо убедиться, что человек стоит на твердой земле, прежде чем разрушить его вселенную одним ударом.

— Это не будет ударом для него, папа, — быстро сказала Гильда Фарану. — Он тоже пытается построить другую вселенную — вырастив ту пшеницу, когда все думали, что это невозможно сделать.

Блэкмора слишком сильно поразили словами Фарана — и теперь не мог решить, насколько потрясли его слова Гильды.

Пшеница — все еще растет в 2207 году! Гильда Фаран продемонстрировала, что обладает восприимчивым и необычным для такой молодой девушки умом. Завершить на первый взгляд невозможное на самом деле означало построить новую вселенную, в некотором смысле — подчинить законы природы своей воле — и достичь чего-то, что почти равноценно изменению основной структуры самой материи.

Но то, что сказал Фаран, в практическом смысле куда дальше; однако слова его дочери звучали как метафора

— вот оно, тщеславие мысли, фамильярно обходящейся с реальностью.

Если Фаран видел пшеницу через столетие, это могло означать только одно...

Могло ли пережитое потрясение сказаться на слухе человека? Дэн ничего не слышал, но Фаран и Тайсон напряглись и насторожились, вытянув шеи, будто прислушиваясь к неуловимому звуку.

Казалось, он доносился от дамбы, так как они оба установились в ее направлении. Гильда Фаран тоже стояла неподвижно, приложив руки к шее.

Внезапно Блэкмор осознал, что уже не лежит на песке, спиной прижимаясь к поверхности валуна под спиной. Он вскочил на ноги очень быстро; если бы какая-то сила помимо его воли подняла бы его вверх, она бы не смогла действовать с подобной скоростью. Через секунду Дэн пришел к выводу, что с ним происходило нечто в этом роде, но потом осознал — творится что-то иное. Это был звук, который он, наконец, услышал, услышал четко — именно из-за него Блэкмор больше не мог оставаться в лежащем положении.

Крик безумной ярости отразился от дамбы; эхо усилило его. Это могло означать только одно — кричащий спустился на пляж и теперь оказался на обращенной к морю стороне стены.

Огромная волна головокружения захлестнула Блэкмора, затуманивая зрение. Но сквозь мглу, которая танцевала у него перед глазами, он видел, что полоска пляжа между дамбой и валуном — это не просто пространство сияющего песка с разбросанными по нему ракушками, скоплениями водорослей и выгоревшими на солнце корягами. Что-то паукообразное быстро двигалось от дамбы к тому месту, где он стоял, немного вертясь на ходу.

Но паук не мог кричать, и, кроме того, во мгле существо больше напоминало паука, чем человека, и у Дэна

не возникало сомнений, что его вновь атакует изможденный скелет, которого он преследовал в пшенице по воздуху.

За резким предупреждающим криком Фарана почти мгновенно последовал оружейный выстрел, который заставил Блэкмора отшатнуться назад как от взрыва, и упасть на песок.

Хотя он и перестал чувствовать боль, он бы считал себя мертвецом с распоротым животом, если бы песок не взлетел в ярде от того места, где он стоял. Только этот взрыв песка заставил Дэна осознать, что он не ранен и что упал он из-за того, что его как будто сильно ударили в пах.

Должно быть, пуля пронеслась совсем рядом, рассекая воздух как плеть; столкнувшись с такой угрозой, Дэн готовился к неизбежному — еще одному выстрелу, такому близкому, что второго шанса на спасения не могло быть.

Или в него попадет пуля, или его череп будет разбит оружием, которое могло не выстрелить вновь — оружием, которое безумец мог использовать как дубинку, чтобы выместить свой гнев.

Второе опасение Блэкмора оправдалось. Но он увидел, как опускается ружье, и схватил человека-скелета за оба запястья до того, как тот обрушил ружье на его голову.

Он развернул мужчину боком и в сторону от себя, затем ударил его в рот кулаком прежде, чем противник смог вырваться. Рот мужчины приоткрылся, и в мгновение, когда рука Блэкмора одернулась назад, он наполнился сверкающей красной жидкостью.

Дэн ударил его еще два раза, вкладывая в удары всю оставшуюся силу; вскоре он услышал тошнотворный звук сломанного носового хрящика.

Затем в дело вмешались чьи-то другие руки, и изможденный мужчина лишился ружья. Оно упало на песок и было мгновенно подхвачено Фараном, который сделал три быстрых шага назад, на мгновение нацелив оружие на корчащихся мужчин. Затем Фаран встряхнул головой, так как две борющиеся фигуры на песке перекатывались, сплетаясь в единое целое.

Хотя он боялся снова навести оружие на цель (здесь легко было ошибиться), но ничто не помешало Фарану шагнуть вперед и вмешаться, взяв ружье за дуло. Едва он сделал первый шаг, как Тайсон взялся за дело; он наклонился и оторвал костлявые пальцы изможденного мужчины от горла Блэкмора; противников растащить оказалось нелегко, они словно обезумели.

Подняв все еще яростно вырывающегося мужчину, Тайсон, пошатываясь, пошел с ним к краю пляжа и бросил человека прямо в волны прибоя.

— Это должно его охладить, — прокричал он. — Но мы не можем позволить, чтобы все так продолжалось.

— Нет, это было бы ошибкой, — согласился Фаран.

Хоть его голос и не повысился до крика, казалось, он распространялся так же далеко, как и голос юноши. Возможно, на этом конкретном участке было нечто такое, что усиливало звук.

Или так думал Блэкмор, погружая кулаки в песок, пытаясь принять сидячее положение и ненавидя себя за то, что ему пришлось сделать. Но стоило подумать, что если бы он не обрушил кулаки на лицо соперника, то не выжил бы — и тогда он радовался, что не стал искать другой способ.

В конце концов, шансы почти сравнялись — истощенное голодом чучело с оружием и невооруженный мужчина, ослабленный шоком и схваткой со смертью.

Но были ли шансы даже сейчас? Что нашло на Тайсона? Да и на Фарана? То, чего боялся Блэкмор, случилось

и потрясло его; он хотел закричать, выразив хоть таким образом свой протест. Тайсон стоял у края прибоа, подняв трезубец, нацеленный прямо во вздымающуюся грудь изможденного мужчины.

Три зубца, похожих на стрелы, делали оружие намного более мощным, чем копье, у которого было лишь одно лезвие. Мощным в том смысле, что оно могло разорвать и изувечить плоть, в то время как копье с одним острием можно всадить в тело одним ударом, быстрым, почти милосердным. Даже это оказалось бы ужасным — только если человек не был каким-то чудовищем с молниями на кончиках пальцев. Блэкмор спрашивал себя: каким чудовищем должен был стать человек, чтобы оправдать такое нападение?

Он снова поднялся на ноги, схватил Фарана за руку и развернул его к себе.

— Останови его, разве ты не можешь? — умолял он, в его глазах был ужас. — Убийством вы ничего не добьетесь. Теперь нас трое против одного, и у тебя его оружие...

— Подожди! — сказал Фаран. — Ты слишком крепко вцепился мне в руку. Не мог бы ты немного ослабить хватку, сделай одолжение.

Затем заговорила Гильда Фаран:

— Он не знает, отец... он не понимает. Да и как он мог понять?

— Тогда ему придется проявить терпение, — сказал Фаран. — Мы могли бы использовать еще кое-что... нас четверо.

Блэкмору не пришлось проявлять особое терпение, так как все случилось быстро. Но он едва смог поверить в то, что увидел. Тайсон поднял трезубец повыше, солнечный свет и тени переплелись на его напряженной спине, как будто мускулы сжались, когда он приготовился метнуть трезубец в трясущуюся грудь скелета.

Но Тайсон не опустил свое оружие. Он держал трезубец ровно, и от острых зубцов исходило почти слепящее пламя.

Человек в полосе прибоа на миг скрылся из виду, исчез, окутанный чем-то, похожим на огненный шар, танцующий над прибоем и затмевающий полуденное солнце.

Затем огненный шар исчез, а мужчина снова появился. Он нетвердо поднимался на ноги, его руки свободно повисли. Он медленно шел, пока не встал прямо посреди песчаной полосы с отсутствующим выражением лица. Это выражение было таким абсолютно равнодушным, что его можно было рассмотреть даже с того места, где стояли Блэкмор и Фаран.

— У него просто парализованы руки, — сказал Фаран. — Паралич пройдет примерно через десять минут, и его память вернется. Но это даст нам время убедиться, что он в безопасности под... не под замком, точнее говоря, а за скользящим экраном, который сохранит его словно в тюрьме.

Внезапно он повернулся, и жестами привлек внимание Тайсона.

— Все в порядке, — закричал он. — Заставь его идти. Он показал нам, как все это действует. Теперь он беспомощен и вынужден подчиняться тебе. Но тебе придется немного его подтолкнуть.

— Не беспокойся, я прослежу за ним, — крикнул Тайсон в ответ. — Я могу поднять его и перенести — если понадобится.

— Если ты нанесешь триединым оружием удар по ногам мужчины, то он не сможет ходить, — сказал Фаран, отвечая на безмолвный вопрос, отразившийся в глазах Блэкмора. — Но Роджер был аккуратен и не сделал этого. Пламя, которое ты видел, крайне избирательно, и это

все, что мы о нем знаем — кроме того, что оно делает что-то очень странное с мозгом.

Фаран посмотрел вниз, на ружье, которое все еще сжимал, и осторожно опустил его на песок.

— Об этом я знаю еще меньше, — сказал он. — Я не уверен, что смог бы ловко управиться с пусковым механизмом, даже если бы моя жизнь зависела от этого. Присмотрись к нему. Как ты думаешь, когда наши сегодняшние технологии сделают достаточно большой скачок вперед, чтобы сконструировать такое же сложное оружие, как это?

Блэкмор наклонился и поближе взглянул на оружие, лежащее на песке; так подробно он изучил его впервые. Устройство было не только чрезмерно сложным. В нем было что-то такое, что сбивало с толку и мешало сосредоточиться; едва начав приглядываться к оружию, Дэн почувствовал, что его мозг как будто сжали невидимые тиски. Там было, по крайней мере, тридцать затейливо связанных частей, и ни одна из них не напоминала спусковой механизм, а некоторые, казалось, не были ни треугольными, ни круглыми, но каким-то странным образом деформированными, геометрически неправильными... что ж, видимо, именно так они и должны были выглядеть. А возможно, это просто металлический блеск заставляла их, казалось, гармонировать, разделяться и снова соединяться, приобретая все более невероятные конфигурации, чем дольше он на них смотрел.

— Если ты говоришь о времени, отстоящем примерно на век от настоящего... например, о 2210-м или 2220-м... мне придется согласиться с тобой, — медленно продолжал Фаран. — Потому что именно тогда подобное оружие стало совершенно обычным. Также как и триединое оружие, которое Роджер не смог бы использовать с большей точностью и умением, если бы оно попало ему в руки задолго до этого. Фактически...

Внезапно Фаран остановился, его взгляд снова метнулся к линии прибоя. Теперь мужчина, совершивший покушение, нетвердо шел по песку, трезубец был прижат к его пояснице. Тайсон шагал решительно, без всяких колебаний.

— Есть кое-что занятное в Роджере, — сказал Фаран. — У него зрелость мужчины... ну, по крайней мере, полных сорока лет. Но у него есть свойства годовалого жеребенка, и иногда это буйство выходит из-под контроля. Мгновение назад он маршировал по пляжу с тем оружием только для того, чтобы покрасоваться перед Гильдой. Но, полагаю, немногие мужчины могут устоять перед подобными искушениями и не предаться такому безобидному тщеславию. Те, которые не могут, мне никогда определенно не нравились.

На мгновение он остановился, а затем добавил:

— Роджер чувствовал, что это оружие гармонирует с морем, заставляет его чувствовать себя Посейдоном. Как ты, возможно, заметил, оно похоже на трезубец.

Блэкмор хотел откинуть голову назад и рассмеяться, чувствуя, что безудержное веселье было единственным противоядием против совпадения, такого невероятного, что реальность никак не удавалось с ним примирить. Но, в конце концов, было ли оно таким неслыханным? Может, оно просто подтверждало то, в чем он никогда серьезно не сомневался — что человеческое мышление, в определенных случаях, могло подчиняться одним и тем же законам, определяя поведение двоих или более людей?

Учитывая юношескую энергию, крепкое телосложение, и полущутливое желание попозировать — разве не могло искушение стать непреодолимым, когда молодой человек решил разыграть роль морского бога, даже в отсутствие Гильды?

Каждый человек немного актер, и Блэкмор мог представить себя в этой роли; он мог вообразить, как вонзает сверкающий трезубец в песок энергичным движением и наблюдает за его движениями; кажется, оружие качается как флаг на блестящей поверхности волн, пока он кричит, призывая дельфинов приблизиться по волнам прилива.

Блэкмору было трудно не отводить глаз от Фарана, продолжавшего говорить; оружие, лежавшее у его ног, все еще привлекало внимание, и он не вполне разделял чувство Фарана, что у линии прибоя все пройдет хорошо и Тайсон добьется успеха, заставив изможденного человека подчиняться приказам.

— Тебе будет трудно принять тот факт, что мы действительно путешествовали во времени, — говорил Фаран. — Но надо с чего-то начать. Поскольку у нас всего минута или две, может, будет лучше, если мы просто предположим, что это начало. Я не вполне уверен, как скоро может вернуться память Маладора, и Роджеру понадобится помощь.

— Маладор?¹ Его на самом деле так зовут?

Фаран кивнул.

— Это его единственное имя. Удивительно, сколько имен, нам знакомых — обычных имен, например, Браун, Голдсмит, Хендерсон — остались неизменными в этом веке. Но появились и новые, необычные имена.

Блэкмору пришло на ум, что множество современных имен, особенно европейских, остались неизменными со средних веков. Но он не испытывал ни малейшего желания прерывать Фарана, напоминая ему об этом.

В любом случае, Фаран остановился, прикрыв глаза от яркого света и посмотрев туда, где Тайсон и человек

---

¹ Malodor — вонь, зловоние.

скелет все еще шагали вдоль пляжа, не сбиваясь с ритма и не меняя первоначального положения.

Блэкмор впервые осознал, что двигаясь в этом направлении, они придут в отдаленную часть пляжа, которая была ему знакома. Это была бы просто ровная полоска песка, ничем особо не выделявшаяся — если бы в центре участка не возвышался не клинообразный объект, который он увидел с воздуха за мгновение до крушения. Дэн в первый раз взглянул в том направлении: до сих пор то, что происходило между дамбой и линией прибоя, полностью поглощало его внимание.

Но теперь он рассмотрел все более отчетливо. Объект уже не выглядел так, как при первом быстром взгляде с воздуха. Он все еще был покрыт серыми и черными крапинками, но казался твердым, металлическим, механическим; прежний образ гигантского ската, выброшенного приливом, высохшего и потемневшего на солнце, стал абсурдным. Розоватые пятна, которые легко можно было разглядеть то тут, то там, подумал Дэн, могли быть вызваны... да, горением топлива, которое могло поднять ракету со стартовой площадки, объятый пламенем. Из-за этого появились и пятна...

По-видимому, Фаран проследил за направлением его взгляда и верно догадался о ходе мыслей; теперь он кивал, в глазах его отражались уверенность и понимание. Хотя Фаран даже не указывал в направлении клинообразного объекта, но выражение его лица говорило так же ясно, как слова: «Да, это она, Блэкмор. Это машина для путешествий во времени, которую, как все думали, никогда не удастся построить».

Казалось, он предполагал, что Блэкмору все должно быть ясно — и поэтому продолжил без дальнейших околичностей.

— Изначально у нас не было намерения сокращать путешествие и возвращаться без ответа, каким будет

настоящее будущее. — сказал он. — Век — это не более чем продолжение настоящего, в известном смысле. Там, определенно, произойдут изменения. Но всеобщая безнадежность — за исключением некоторых катаклизмов, которые положат конец всему — не дает достаточно времени для чего-то иного: тени просто удлинняются и сгущаются.

— Настоящее будущее. — услышал Блэкмор свои слова. — О каком промежутке ты говоришь?

— Тысячу лет, по крайней мере. — ответил Фаран. — Возможно, две тысячи. К тому времени все изменится — к лучшему или к худшему. Есть ограничения того, насколько далеко мы можем путешествовать — технологические ограничения. Мы не можем путешествовать в прошлое, хотя решение проблемы может находиться там. Сомневаюсь, что нам понравилось бы то, что мы там могли обнаружить, и что присутствие человека двадцать первого века в прошлом стало бы долго терпеть. Его могут не терпеть и в будущем, но на этот риск нам придется пойти.

— Почему ты вернулся? — спросил Блэкмор. — Ты намеревался проделать намного более длинное путешествие, и я не понимаю, почему ты его не продолжил. Когда ты начинаешь делать что-то такое, что требует долгих лет планирования, когда оно длинное и путающее — оно пугающее, знаешь ли... Тогда вполне естественно для человека — пройти через это, пока ты взвинчен и чрезмерно чувствителен. Есть эмоции, которые не могут длиться долго, и тебе они нужны, как я думаю, чтобы путешествовать во Времени на десять или двадцать веков.

— Да, на этот счет ты прав. — сказал Фаран. — Но возникли неожиданные технологические трудности, когда мы достигли начала двадцать второго века. Преодоление их не будет серьезной проблемой. Но эта труд-

ность помогла мне справиться с искушением и воздержаться от продолжения: я решил вернуться и не убедиться, что все пойдет правильно. И когда я принял это решение, я мгновенно принял и другое, которое, кажется, было совсем не мудрым. Привезя с собой Маладора, я почувствовал, что могу...

Гильда Фаран молчала так долго, что Блэкмор почти забыл, что она все еще стояла рядом с ними. Но теперь она дернула отца за руку и указала на пляж, заставив Фарана резко прерваться.

— Роджер не хочет проблем с ним, — сказала она. — На мгновение они остановились, и я испугалась... Но теперь он машет. Посмотри, отец! Он хочет, чтобы ты знал, я думаю, что они будут внутри примерно через десять секунд.

Далеко на пляже Тайсон кричал, махая рукой, но звуки его голоса, хоть и разносившиеся по ветру, не четко долетали до того места, где они стояли. Но в позе Тайсона было что-то такое, что внушало уверенность, и несколько слов, которые уловил Блэкмор, не оставляли сомнений: дочка Фарана не ошибалась.

В следующий миг обе фигуры исчезли из вида.

— Что ж, это облегчение, — сказал Фаран. — Когда Роджер внутри, ему потребуется сделать всего лишь пять шагов, чтобы дойти до отсека, в котором есть все охранные устройства тюремной камеры. Если бы Маладор был преступником (а он преступником не является), он мог бы открыть замок отмычкой. Но скользящая панель, которую можно герметично запечатать — это охранное средство, которое можно обнаружить в двадцать втором веке. Есть некоторые вещи, которые нельзя улучшить, даже в век, когда тюрьмы растут как грибы.

Фаран посмотрел через пляж на маяк в открытом море, и мрачный блеск появился в его взгляде, как будто в нескольких местах, где море становилось свинцово-

серым, он видел под водой потерянный город из ужасных грез, где здания были такого же свинцового цвета, а половину из них составляли массивные конструкции, которые вполне могли служить тюрьмами или чем-то худшим.

— Уверен, больше Роджеру не грозит никакая опасность, — сказал он, — И есть кое-что, я думаю, о чем тебе следует узнать. Это касается Маладора и того, что я начал тебе рассказывать о нем. Я не мог этого предвидеть, и об этом нелегко говорить. Но когда что-то уродливое таится у тебя в голове, было бы ошибкой держать это в тайне. Думаю, сейчас самое подходящее время рассказать.

— Если бы я думал, что Роджер не справится с Маладором один, — продолжил он после паузы, — я бы не рассказал тебе так много. На это могло не остаться времени. Но с таким человеком, как Роджер, не слишком хорошо спешить с предложением помощи, когда он все хорошо делает один и предпочитает работать в одиночку. Только если помощь необходима, лучше убедить человека, что ты ему всецело доверяешь, и это поможет ему оставаться стабильным. В противном случае ты все поставишь под угрозу.

— Я бы никогда не подумала, что ты так сделаешь, папа, — сказала его дочь, — Когда ты в лодке — или где-то еще — ты привносишь только устойчивость.

— Что ж... кажется, это подтверждает все, что я рассказал Блэкмору, — сказал Фаран. — Вопреки распространенному мнению, дочь вызывает больше проблем, чем сын. Но если она вырастает, сохраняя о тебе такое мнение, ты едва ли можешь сказать, что оно того не стоило. Это не правда, конечно. Я могу дрожать как осиновый лист, когда нужно принять решение за доли секунды.

— Это чепуха, и ты это знаешь, — сказала его дочь.

— Не совсем, — возразил Блэкмор, пытаюсь защитить Фарана. — Я совершенно уверен, что временами Колумб и Дрейк чувствовали то же самое. — Затем на его лице вновь отразилась озабоченность. — Что ты собирался рассказать мне о Маладоре? — спросил Дэн.

— Я увидел возможность доказать, вопреки всяким сомнениям, что путешествие во времени — это свершившийся факт, — сказал Фаран. — Оружие и другие предметы из будущего в определенной мере могут подорвать скептицизм. Для человека с твоим прошлым они, возможно, будут абсолютно убедительными. Я чувствую, что ты больше не колеблешься между верой и сомнением. Но в основном люди верят, что я наделен поразительными возможностями и могу подделать даже такое сложное оружие, которое ты только что испытал. Не существует замены *живому свидетелю*.

— Но разве не будет сама машина времени — или как там вы решили ее назвать — убедительной? — спросил Блэкмор. — Если бы вы пригласили в путешествие человека, чье слово не поставили бы под сомнение?

— Думаю, нет такого человека, — ответил Фаран. — Да и в любом случае — я бы все равно не предпринял такой демонстрации. Я могу обойтись без пассажира, который бы определенно стал моим антагонистом с самого старта и пребывал бы в полной уверенности, что я проделал путешествие под гипнозом, или подмешал вызывающие галлюцинации наркотики в его еду, или нечто в этом роде.

— Но как ты можешь доказать, что Маладор действительно из будущего? — настаивал Блэкмор. — Он тоже может страдать галлюцинациями — или большинство людей в это могут верить. Судя по его поведению, самое безопасное место для него сейчас — это психиатрическая больница.

— Я могу заверить тебя, что Маладор полностью вменяем, несмотря на то, что ты предпочитаешь верить, будто жестокая, неконтролируемая ярость может воз-

никнуть только при безумии. Это едва ли логично, знаешь ли. И мне не следует тебе напоминать, что сейчас у нас есть психологические средства, определяющие с абсолютной — или почти абсолютной — точностью, нарушена или нет целостность человеческой личности; это позволяет исключить психотическое поведение и жесткую, постоянную систему заблуждений, которая обычно сопровождает его.

Это было правдой, конечно, осознал Блэкмор, вспоминая, что он сам говорил своей жене о сравнительных таблицах до того, как начал преследовать мужчину. Они могли быстро разрешить все сомнения, например, насчет того, говорил ли правду мужчина, который, как утверждали, прибыл из будущего; они всегда могли разоблачить как мошенничество бесконечно сложные и изобретательные воспоминания, которые иногда сочиняют верующие в реинкарнацию, пытаясь доказать, что они могут вспомнить тысячу и одну деталь своих предыдущих жизней.

— Может быть, ты прав, что Маладор важен, — признал Блэкмор. — Но потребуется значительное время, чтобы преодолеть те предубеждения, с которыми миллионы людей относятся к путешествиям во времени. На уровне принятия решений тебе пришлось бы столкнуться с огромным гневом и сопротивлением. Это не мешает твоим планам?

— Помешает, — ответил Фаран. — Но если что-то задержит меня, и мне потребуется больше технологической помощи, чем казалось первоначально, Маладор — или просто способность контролировать его — может заставить меня понять, что чувствует мужчина, когда у него больше страховки, чем необходимо. Это приятное чувство. Когда враждебность широко распространена, никогда не знаешь, какая страховка тебе понадобится.

— Ты заставил его вернуться с тобой? — спросил Блэкмор.

Фаран покачал головой.

— Нет. Он отчаянно хотел поехать, и это помогло мне принять решение.

— Кое-что ты пропустил, папа, — сказала дочь Фарана. — То, насколько тяжело было нам с тобой наблюдать, как надежда умирает в глазах сотен голодающих мужчин и женщин, с которыми мы говорили; ведь мы сказали им, что можем спасти только одного из них. Возможно, двух — но возник бы большой риск при дополнительных пятидесяти фунтах веса — как ты мне сказал, — потому что блок стабилизации тебя беспокоил. Но если бы только ты думал о безопасности, у Маладора появился бы попутчик. Та девушка, которая цеплялась за мои колени и рыдала, или маленький мальчик с большими, грустными глазами, по сравнению с которым Оливер Твист казался круглолицым. Не отрицай это, отец. Ты не можешь отрицать, потому что это правда.

— Голод — ужасная вещь, — сказал Фаран. — Как ты думала, я буду себя чувствовать?

— Спасибо, папа — за то, что вышел из своей раковины, — сказала Гильда. — Хотела бы я, чтобы ты делал это чаще.

— Если бы я ушел в него глубже или укрепил внешнюю оболочку, Блэкмор бы пожалел о случившемся, — сказал Фаран. — Оказаться на волосок от смерти — тоже ужасная вещь. И мне не нравится то, что я собираюсь ему рассказать; ему будет сложнее, чем мне, принять факт, что в этом есть и светлая сторона.

Он повернулся и посмотрел прямо на Блэкмора.

— Светлая сторона потрясающая, потому что человеческая тирания не может длиться вечно. В конце концов она обрушится под собственным весом, и то, чего ты достиг, превратит Джона Ячменное Зерно в ничтожную легенду, затерянную в тумане времени.

Глава 4

На мгновение Фаран замолчал, и прежде чем он смог продолжить, что-то заставило его прикрыть глаза и посмотреть мимо маяка туда, где море потемнело, приобретя почти багряный оттенок. Существуют побуждения, которые могут вызвать поразительный, абсолютно неожиданный взгляд на вещи, и тишина станет более значительной, чем самый громкий и властный человеческий голос.

Блэкмор тоже это испытывал — чувство, что он должен посмотреть в сторону моря; он не мог противиться магнетической силе, привлекавшей его внимание к огромному кораблю, появившемуся из-за изгиба береговой линии.

Это был Траулер, один из нескольких оставшихся кораблей — грабителей морей, объявленных вне закона всеми правительствами Земли. Поэтому командир и команда судна пошли на немыслимый риск, отважившись зайти в воды Новой Англии, где их могли атаковать и потопить через несколько минут после включения тревоги. Подобное поведение можно было считать проявлением невероятной храбрости в исполнении долга — если уголовное преступление можно назвать исполнением долга — либо выражением человеческого безумия.

Траулеры могли плыть как в бурных, так и в спокойных водах со скоростью, в два раза превышающей скорость гелиолайнеров, что, возможно, объясняло, почему капитан пошел на огромный риск. Но Блэкмор считал иначе: корабль не смог бы скрыться за горизонтом или заплыть в одну из скалистых бухт, чтобы избежать налета с воздуха. Это удалось бы только в том случае, если его приборы были очень чувствительны и могли уловить вибрации взлетающих астро-самолетов через несколько

секунд после того, как они оторвутся от земли. Все равно — экипаж судна крупно рисковал.

Блэкмор зарыл глаза и на мгновение снова перенесся на Багамы. Он стоял на ярком тропическом солнце, наблюдая, как Траулеры выходят в море с поднятыми сетями, и следя, как блестящие саваны сетей окружают корабли.

А «Рыжий» Симонс снова говорил ему с почти умоляющим видом: «Парень, зачем тебе возвращаться? Что тебе может дать университет? Это просто огромная куча камней, которая скоро начнет рушиться, как и все остальное на севере. Чертова экология! Единственная надежда, которая у нас осталась — в море. Почему бы тебе не пойти на флот? Мне все равно, что ты скажешь. Это единственная разумная вещь — единственный смелый поступок, который надо совершить».

«Это не смелость — вытащить еще что-то из моря, и к тому же это не разумно», — слышал он свои возражения. — «Теперь море надо оставить в покое — на три или четыре поколения, по крайней мере. В конечном счете, это оставит какую-то надежду, но и ее недостаточно. Большого улова не будет — ни рыбы, ни ракообразных, ни других видов морских существ, годных в пищу. Это продлится еще полтора века. Траулеры занимаются такими делами ради прибыли, они наживаются на человеческом несчастье. Они еще не осознают предстоящих трудностей. Без экологии скоро не останется человеческих несчастий, которыми можно воспользоваться».

«Рыжему» Симонсу стукнуло восемьдесят, и он давным-давно отбросил мысли о вступлении в траулерный флот. Но долгими днями и, возможно, ночами море напоминало ему о первой и последней любви, и он не отрываясь смотрел вдаль...

Ничего не изменилось с тех далеких дней, когда старик был молод. В Вест-Индии время двигалось против

часовой стрелки, вопреки всеобщему течению. Здесь все еще существовали соборные колокола, и обедни, и монахи в капюшонах, а, если ты проявлял неосторожность, на тебя все еще могли наложить проклятье вуду. «Рыжий» Симонс всегда в это верил.

Блэкмор открыл глаза, возможно, потому, что видение семнадцатилетней давности не могло продлиться вечно; северная тьма, о которой предупреждал его «Рыжий», делала появление Траулеров в северных водах почти невероятным. А, возможно, дело было просто в том, что Фаран тянул его за руку.

— Должно быть, они сошли с ума, — бормотал Фаран. — Их в любую минуту могут атаковать. Как они рассчитывают избежать этого? Если этот корабль взорвется на воде, боюсь подумать, что может случиться с нами. Мы в опасной близости от него.

Корабль был прекрасен. Блэкмор не видел его так давно, что несколько секунд он мог только смотреть, в глубине души разделяя опасения Фарана, но едва ли осознанно. Сейчас гибкие стальные сети были развернуты как опахало; они так плавно двигались по воде, что, казалось, скользили мимо маяка по ледяной равнине. Даже волны, которые разбивались о нос судна, напоминали осколки льда, сияющие на солнце и подбрасываемые высоко в воздух острым килем Траулера.

Блэкмор услышал рокот астро-самолетов, преодолевающих звуковой барьер, еще до того, как увидел их. Но они быстро приблизились: шесть одинаковых точек далеко на севере, сияющие как звезды на фоне низких облаков.

Самолеты продолжали двигаться тем же курсом. Возможно, на палубе Траулера началась суeta, и половина команды собралась у поручней, но Блэкмор смог разглядеть только быстрые передвижения на корме. Казалось

невероятным, что вид шести астро-самолетов, парящих прямо над головой, не вызвал никакой паники.

Однако для раздумий уже не осталось времени: бомбы начали падать до того, как самолеты сделали первый круг над кораблем.

Внезапно возникла ослепительная вспышка пламени. Густой столб дыма взвился в небо.

На миг две трети разрушенного и пылающего корпуса Траулера взмыли над завесой дыма и повисли в воздухе как гигантский валун, выброшенный из кратера извергающегося вулкана.

Затем корабль рухнул обратно в море, а дым стал таким густым, что скрыл даже маяк. Тем не менее, самолеты оставались на виду. На секунду они разделились, но теперь снова сблизилась и помчались плотным строем высоко над дымовой завесой.

Закончив перестроение, астро-самолеты опустились ниже и направились прямо к пляжу, как клин летящих гусей.

Тот факт, что, уже преодолев звуковой барьер, они не издавали ни звука, делал их быстрое приближение еще более пугающим, чем в противном случае: Что может вызвать в сердце большой ужас, чем смерть, летящая на бесшумных крыльях?

Гильда Фаран указала на них и закричала, сжимая руку своего отца так сильно, что он почти потерял равновесие.

— Отец, они нас тоже взорвут! Должно быть, они думают, что мы...

— Знаю, — сказал Фаран таким спокойным голосом, что Блэкмор начал восхищаться им еще больше. — Они думают, что мы разместились здесь с передающим устройством, чтобы просигнализировать предупреждение Траулеру, если взлетят самолеты. Скорее всего, это конец. Мы

должны принять его. Я люблю тебя, дитя, даже сильнее, чем говорил тебе.

— У нас все еще есть шанс, — сказал Блэкмор, его голос был значительно менее спокойным. — Просто оставайтесь там, где стоите. *Стойте очень спокойно.*

Самолеты находились в двухстах футах от пляжа и продолжали снижаться. Но Блэкмор даже не посмотрел на них, пока не подошел к линии прибоя.

Он упал на колени, и выждал, пока расстояние не сократилось до ста футов, и затем начал подавать сигналы руками.

Он использовал простейшую сигнальную азбуку, снова и снова повторяя сообщение из трех слов: «Я Дэн Блэкмор. Я Дэн Блэкмор. Я Дэн Блэкмор». Затем выбросив одно слово: «Дэн Блэкмор. Дэн Блэкмор». И, наконец: «Блэкмор, Блэкмор, Блэкмор. Я Дэн Блэкмор».

На секунду он подумал, что сообщение не принято, так как самолеты продолжали движение. Они еще снизились и зависли прямо над ним, пока не появилось ответное сообщение.

Оно состояло из коротких и длинных сигналов, разнесшихся в воздухе: «Извините, Блэкмор. Наша ошибка. Нам не нравится то, что нам пришлось сделать. Но корабль надо было остановить. Удачи с пшеницей».

Звук оказался таким сильным, что при каждом щелчке передающего механизма в ушах у Блэкмора звенело. Он не подать ответный сигнал, даже если бы захотел, так как самолеты пролетели над дамбой и снова превратились в точки высоко в небе еще до того, как он поднялся на ноги. Но он бы не захотел отвечать, потому что увиденное разъярило его и вызвало отвращение.

Добрые пожелания звучали издевательством; ведь пилоты только что проявили расчетливую жестокость, отправив сотни мужчин в мир иной и не дав им шанса на капитуляцию. Возможно, погибло несколько сотен

человек — на Траулерах было много людей. Ловля рыбы считалась преступным предприятием, но одно дело — настаивать на прекращении преступлений, и совсем другое — устраивать такое ужасное наказание.

В памяти Блэкмора всплыло то, что он бы предпочел держать спрятанным даже от самого себя — знание, что ему не нравилось время, в котором он жил; Мэйсон и остальные могли только мечтать о таком. Но пока человек не мог окончательно исчезнуть из своего времени, ему приходилось заключать некий договор с этим временем, неразрывно связанным со всеми условиями жизни. Мог ли человек сделать самому себе сложную хирургическую операцию, отрезать большую часть детства, многих близких друзей — бесполезно притворяться, что некоторые из них согласны с тем, во что он верил — и надеяться выжить? Дэн всерьез сомневался в этом.

Пелена дыма, которая все еще скрывала большую часть моря между маяком и пляжем, теперь начала рассеиваться. Сквозь растворяющийся туман Блэкмор мог различить плавающие обломки. Нечто, очень похожее на гигантского угря, медленно дрейфовало к пляжу. Извивающееся и, казалось, корчащееся, оно притягивало и отражало солнечный свет.

Но Блэкмор знал, что это не мог быть угорь или какое-то другое морское существо.

Должно быть, он видел какую-то часть взорванного Траулера, возможно, термоядерного реактора, который некогда позволил кораблю выйти в море и превзойти в скорости движения самых скоростных глубинных чудовищ.

Почему он не затонул на глубине в двадцать морских саженей, Блэкмор не знал. Возможно, взрыв сделал этот объект пористым, как губка, невероятно растянул его и уничтожил разрушительный, радиоактивный потенциал. Возможно, глубоко под водой разрушительное воз-

действие распространяется во всех направлениях, убивая даже тех немногих морских созданий, которые спаслись от сетей Траулера.

Нелепо рассуждать о том, насколько ничтожное значение имело такое дополнительное загрязнение. В глубинах Атлантики... сколько там появилось очагов радиоактивного загрязнения с тех пор, как первая атомная подводная лодка исчезла с утесов Бермуд? Двадцать тысяч точно — а до тех пор, пока Траулеры оставались в открытом море, их будет еще больше.

Много веков приливы выносили на берег черепа утонувших моряков, светившиеся там, где когда-то были глаза. Но это свечение было вызвано всего лишь планктоном. Это было естественное явление, неотделимое от моря, а не ужас, созданный человеком.

Блэкмору не понравилось направление, в котором двигались его мысли, и он отвел взгляд от моря и посмотрел на побережье, на волнорез.

Пляж больше не был пустынным. Роджер Тайсон шел к ним по песку в нескольких футах впереди линии прибоя; он двигался очень быстро — казалось, почти бежал.

Это совсем не удивило Блэкмора. Вряд ли Траулер мог взорваться на кусочки так близко к темному объекту, в котором он исчез, не причинив ему беспокойства, пока плененный Маладор не создал новых проблем, более значительных, чем ожидал Фаран.

По-видимому, Гильда смотрела в том же направлении, так как она побежала навстречу Тайсону до того, как Блэкмор повернулся. Ее голые ноги со свистом поднимались над песком пляжа, а волосы развевались на ветру; она бежала параллельно волноломам, указывая на маяк и плавающие обломки, как будто не была уверена, что Тайсон осознал всю мощь катастрофы, которая постигла Траулер. Блэкмор сомневался, что мужчина все понял — разве что он появился на пляже как раз вове-

мя, чтобы увидеть самолеты и Траулер накануне взрыва.

В тот миг, когда расстояние между Тайсоном и Гильдой сократилось до нескольких футов, девушка внезапно оказалась в объятиях молодого человека. Это также не удивило Блэкмора, хотя до сих пор он тешился сомнениями, насколько важным стал для Гильды и как важна она для него.

Она прижалась к Тайсону только на секунду, и ее руки скользнули по его голым плечам. Затем они оба повернулись, и пошли немного медленнее, чем двигался один Тайсон, пересекая пляж по направлению к тому месту, где стояли Блэкмор и Фаран.

Они оба немного запыхались, но это не помешало Тайсону заговорить, когда он подошел к Фарану.

— Гильда рассказала мне, что Траулер мгновенно взорвали шесть самолетов, — сказал он. — Я не видел этого, только слышал, как падают бомбы. Когда я спустился на пляж, все выглядело так же, как и сейчас. Там не может быть выживших. И никогда не случалось, чтобы против одного корабля вылетало столько самолетов.

— Если бы Дэн не просигналил им с пляжа, здесь было бы так же плохо, — сказал ему Фаран, — Шесть самолетов — и ни одного выжившего. Мы бы, наверное, испарились.

— Но почему? Не вижу для этого причин. Они должны были знать...

— Как они могли знать, что мы не несем здесь вахту, чтобы подавать сигналы тревоги? — сказал Фаран. — Всего лишь один взгляд с воздуха на мое устройство для путешествий во времени убедил их, что присутствие Траулера в этих водах было бы менее самоубийственным, если бы здесь появилась какая-то новая технологическая защита. Чудо, что они не разнесли машину на кусочки до того, как атаковали корабль.

— Да, об этом я не подумал, — сказал Тайсон, нахмурившись. — И разнесли бы вместе со мной. О, брат! Полагаю, я в большом долгу у Блэкмора.

Он повернулся к Блэкмору, протянув ему руку, такую огромную и мускулистую, что ей мог бы гордиться любой профессиональный борец. Хотя Блэкмор однажды видел эту руку вблизи и рискнул пожать, но сейчас он не очень хотел этого делать, так как в глазах Тайсона отражалась просто опасная благодарность.

Есть рукопожатия, которые могут раздробить кости, и хотя пальцы Блэкмора были достаточно крепкими, чтобы выдержать такое давление в обычных обстоятельствах, сейчас он совсем не был уверен в своих силах.

К счастью, пальцы Тайсона всего лишь коснулись его руки. Казалось, он довольствовался простым: «Спасибо, Блэкмор».

— Нет, мы с папой отбросили формальности, — сказала Гильда, — Он «Дэн», сейчас и навсегда.

— Понятно. Что ж, это хорошо. Спасибо, Дэн.

— Он выдающаяся личность, — сказала Гильда, — Он просто просигналил свое имя восемь или десять раз, и самолеты приняли сообщение. Такое могло случиться и с папой.

— Это уже было и будет снова, — заверил ее Тайсон. — Но я не думаю, что твой отец придает этому такое уж большое значение.

— Боюсь, что так, — сказал Фаран. — У большинства мужчин достаточно тщеславия, чтобы такой отказ звучал как выражение ложной скромности. В этом я уверен. Но на практике все уходит в других направлениях.

— Роджер, — сказала Гильда, — Мы все еще живы, и это единственное, что сейчас важно. Нам нужно выкинуть этот... ужас из головы.

Она кивнула в сторону усыпанного обломками моря между маяком и пляжем, где почти рассеялась завеса дыма. Там все еще плавали пятнадцать или двадцать кучек обломков, большинство медленно дрейфовали в направлении берега. Два больших обломка были выброшены на берег, недалеко от волноломов, и еще один скрылся в волнах прибоя и ушел глубоко в песок.

Вот чего боялся Блэкмор и чего они благополучно избежали — там, где обломки исчезли, вода покраснела; все еще виднелись небольшие водовороты, нечто вроде раскручивающихся водяных смерчей.

— Теперь мы ничего не можем сделать — нет выживших, которым мы можем помочь, — сказала Гильда.

Она смотрела Тайсону в лицо, и Блэкмору показалось, что он знает, почему в ее голосе нет сильного беспокойства. Тайсон сжал губы; он был более чем встревожен. Как будто мужчина внезапно вспомнил что-то такое, что предпочел бы забыть.

— Нам всем придется с этим жить, — сказал Тайсон. — Все закончилось. Нет ничего, что нельзя выкинуть из головы, если постараться и если нет другого выбора. Сейчас не тот случай, Гильда. О чем-то таком я думал.

Ветер трепал коротко подстриженные волосы Тайсона — русые с легким рыжеватым оттенком. Но волосы спускались на лоб косой челкой и обвивались вокруг его правого уха, почти скрывая его. Резким движением ладони он отбросил непослушные пряди назад, открывая темный, набухающий синяк пониже виска.

— Маладор затеял драку, — сказал он. — Довольно дикую. Паралич прошел, как только я открыл панель. Он повернулся ко мне и сбил с ног. Я поднялся до того, как он успел снова ко мне подойти, схватил его за плечи и швырнул в отсек. Затем я ухитрился его запереть, пока он не помешал мне. Он вытянул руку вперед и попытался замедлить движение двери. Я с силой по ней

хлопнул. Мне пришлось схватить его за руку и отталкивать назад дюйм за дюймом. Если бы он продолжал заклинивать панель в открытом состоянии, она бы могла все равно закрыться. Но я бы отошел назад — и у меня осталась бы одна его рука, оторванная до локтя. Обе наши руки могло отрубить, пока я боролся с ним; если бы панель пришла в движение, она, скорее всего, сработала бы как стальное лезвие. Но все равно мне распорол кожу на одну восьмую дюйма; потом я сдался, отдернул руку, и панель закрылась.

Тайсон вытянул руку, и в первый раз Блэкмор увидел темное пятно на дюйм ниже обратной стороны локтя; кровь уже начала сворачиваться.

Гильда немного пошатнулась, и Фаран что-то сказал шепотом, но Блэкмор этого не расслышал. Это мог быть вздох восхищения и одобрения, или наоборот, неодобрения за риск, на который решиться только безрассудный человек.

Было бы больше смысла, сказал Блэкмор про себя, если бы Тайсон позволил мужчине выйти, а затем снова бы с ним схватился, или зашел бы в отсек вместе с ним. Но даже так, если у него было оружие, почему он им не воспользовался во второй раз?

— Оружие... — сказал Блэкмор, — Не мог ли ты просто отступить назад и снова применить его?

Тайсон покачал головой.

— У меня его не было, — ответил он, — Маладор вырвал оружие у меня, когда я схватил его за плечи и толкнул в отсек. Думаю, он знал, что не сможет крепко его держать, потому что как раз в этот момент я поднял правую руку. Он отнял оружие так быстро, что это застало меня врасплох. Но я бы забрал трезубец обратно, если бы он не отбросил его от меня как можно дальше, когда ему представилась такая возможность.

— Он мог подобрать его снова, когда ты толкнул его в отсек, — сказал Блэкмор. — Почему же он этого не сделал?

— Панель уже закрылась, — ответил Тайсон. — Очевидно, у него не было времени осмотреться и узнать, где лежит оружие. Единственный способ, каким он мог предотвратить закрытие панели — просунуть руку в щель.

— Так теперь он заперт в отсеке с этим оружием, — вздохнул Фаран.

— Да, — подтвердил Тайсон. — Но оно не может прожечь дыру в стене из цельного металла или разрушить механизмы панели. Не забывайте — панель практически утоплена в массивный лист металла толщиной в несколько дюймов, и на ней нет ничего, на что он может подействовать.

— Ты уверен? — спросил Фаран. — Откуда мы знаем, на что способно оружие?

— Он рассказал нам в точности, чего оно *не может* делать, — сказал Тайсон, — Он рассказывал это нам полдюжины раз, но, если вы вспомните, он делал это эмпатически, когда мы просили его присоединиться к нам в учебной стрельбе. Это не то, что...

Тайсон указал на более сложное с виду оружие, которое все еще лежало на песке у ног Фарана.

— Мы обсуждали оба типа оружия; он сказал, что собьет ту чайку, помните? Это было до того, как он воспрянул духом и побежал к дамбе. Ненависть к пшеничным полям еще не овладела им. У него, наверное, был повод солгать нам...

— И мне это по-прежнему не нравится, — сказал Фаран.

— Помните, каким дружелюбным он был до того, как увидел пшеницу, — настаивал Тайсон. — Он был таким кротким... Гильда поверила ему, и я тоже. Он был так

благодарен тебе за то, что ты спас его от голодной смерти. Я это чувствовал, временами он был словно... ну, словно какая-то бедная гончая, с которой плохо обращались и которую ты спас от злобных детей, таких жестоких, какими могут быть только дети — дети и дикари — потому что бездумная жестокость... это что-то особенное и отдельное...

Тайсон покачал головой.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Есть благодарность и верность, которые тоже ни на что не похожи. У меня возникло такое чувство, что он бы умер за тебя — или за Гильду. То, что он смог обмануть тебя, когда речь зашла о возможностях ружья... Нет, я отказываюсь в это верить.

— У него могли быть свои причины — даже если то, что ты сказал о нем, правда, — заметил Фаран.

— Я верю всему, что он сказал нам *до того*, как взбесился.

— Хорошо, оставайся при своем. Но мне все еще не нравится мысль, что он заключен в тот отсек с оружием, о котором мы почти ничего не знаем.

— Я собираюсь вернуться, — сказал Тайсон. — Но не думаю, что у него есть хоть малейшая возможность выбраться из отсека. Я больше беспокоюсь о том, что он чувствует по отношению к Дэну. Я никогда не видел, чтобы человек так сильно взбесился и испытал такой приступ ярости. Он продолжал проклипать Дэна даже тогда, когда я боролся с ним, и его глаза были дикими.

Тайсон снова забеспокоился, и Блэкмор увидел, что Фаран разделяет это беспокойство.

— Плохо, — сказал Фаран. — Это может привести к разного рода осложнениям, и ни одно из них неприятно наблюдать. Мы не можем постоянно держать его под замком, но только если мы сможем договориться с ним и побороть его предубеждения ...

— Мы можем попытаться, — сказал Тайсон, — Я поговорю с ним через звуковую трубку, и посмотрю, что можно сделать. Я напомню ему, что его не было бы в живых, если бы ты не забрал его с нами. Думаю, мы все еще можем урезонить его.

— Я пойду с тобой, — сказал Фаран. — Вероятнее всего, он послушает меня.

Он кивнул Блэкмору.

— Пойдем только я и Роджер, — произнес он. — Гильда может остаться здесь с тобой. Мы ненадолго.

Глава 5

Прежде чем Блэкмор успел что-то ответить Фарану, тот уже изменил свое решение. Он начал двигаться к Тайсону, но внезапно нахмурился и резко остановился.

— Это может подождать пять минут, — сказал он, возвращаясь к месту, где стояла его дочь. — Есть несколько вещей, касающихся Маладора и пшеницы, которые я собирался рассказать Дэну, когда Траулер появился из-за маяка, и мы увидели самолеты. Пока он не узнает, что трагически поредевшее население Земли будет думать о пшенице через сто лет, ярость Маладора останется ему непонятной. Думаю, ему надо узнать это прямо сейчас. Так мы можем прийти к взаимопониманию.

— Взаимопониманию? — переспросил Тайсон. — Я не вполне...

— Нам надо стать ближе друг к другу. Потому что я собираюсь в долгое путешествие, и я сомневаюсь, что в нем будем участвовать только мы трое — и Маладор. Решать Дэну. Но я не хочу, чтобы Дэн оставался в неведении, когда это абсолютно не обязательно. Я могу уделить этому несколько минут, если ты вернешься и убедишься, что Маладор не вышиб себе мозги о стену отсека и не валяется на полу. Никогда не знаешь, что такому взбешенному человеку может прийти в голову. Сомневаюсь, что он навредил себе, но тебе лучше убедиться.

— Боже милостивый! — сказал Тайсон. — Что если он обратит оружие против себя самого? Об этом я не подумал.

— Подумай об этом теперь, — вздохнул Фаран. — Но если от этого тебе станет легче, я скажу, что это почти невозможно. В первый раз в своей жизни он узнал, что

значит смотреть на звезды, вдыхать соленый морской воздух, бродить по пляжу с солнцем и ветром в волосах, не думая, что он умрет — и скоро.

— Есть нечто большее, отец, — сказала Гильда, — Это знание, что ты рядом с людьми, которые о тебе заботятся.

— Думаю, он знает, что мы заботимся — или заботились — о нем, — подтвердил Тайсон. — Ты могла забыть то, что я говорил о гончей. Это прозвучало не так, как мне хотелось. Я просто думал о том, насколько он, казалось, был благодарен — тебе и твоему отцу. Но если человек становится одержим убийством, немного сложнее о нем заботиться.

— Поэтому я не хочу, чтобы Дэн судил его слишком строго, — сказал Фаран. — Чем быстрее он узнает правду, тем лучше. Хорошо — посмотрим, что ты можешь сделать. Поговори с ним, если хочешь. Скажи ему, что я скоро приду. Если не удастся тебе, я почти уверен, что он послушает меня. Если мы хоть немного сможем унять его ярость, это поможет.

Тайсон положил руки на талию Гильды, притянул ее ближе и легко поцеловал в щеку, прежде чем повернулся и направился обратно к волнолому; сначала он пересек линию прибоя, как будто рокот волн стал ему настолько хорошо знаком, что каким-то образом успокаивал, и он не хотел расставаться с этим дивным звуком.

В любое другое время легкость объятий позабавила бы Блэкмора, так как они сильно отличались от тех, которыми молодые люди обменялись несколькими минутах ранее, и Тайсон должен был знать, что Дэн не мог их не видеть. Но его мысли были слишком мрачными, чтобы оставалось место для развлечения — и, кроме того, это была не слишком удивительная вещь. Не важно, какого уровня близости достигли их отношения; есть мужчины, которые становятся сдержанными в присут-

ствии отца и даже, иногда, в присутствии человека более старшего возраста. Он надеялся, что Тайсон и Гильда не думали так о нем, но десять лет, в конце концов, это большая разница.

Блэкмор был почти уверен, что Фарана обрадовали эти быстрые объятия, так как Дэн внимательно следил за ученым в те двадцать или тридцать секунд, пока Гильда и Тайсон оставались очарованными, а рокот прибоя сливался со стуком сердец.

Мгновение Фаран молчал, его взгляд был прикован к высокому, гармонично сложенному мужчине, который, казалось, обладал странным свойством — Блэкмор заметил это и раньше — он выглядел на значительном расстоянии таким же высоким, как и вблизи. Затем Фаран повернулся и указал на дамбу.

— Я бы начал с точного рассказа о том, чего ты достиг, вырастив эту пшеницу, — сказал он. — Затем я подумал, что будет мудрее сначала рассказать тебе о темной стороне... что ж, думаю, я смогу тебя убедить: иногда что-то, что сначала кажется темным, может измениться и стать сияющей надеждой.

— Наверное, ты имеешь в виду, что... по-твоему, мне понадобятся бинты, чтобы перевязать рану. Если Маладор ненавидит меня так, как кажется...

Фаран улыбнулся.

— Полагаю, рана уже нанесена — просто самим знанием, что тебя ненавидит кто-то, кого ты никогда не видел, кто-то, кому ты ничего не сделал, кого ты, в меру своих знаний, спровоцировал. Тот факт, что он прибыл из далекого времени, не делает рану менее болезненной.

— Но это вызывает ощущение несправедливости, — сказал Блэкмор. — Не важно, что он за человек. Когда кто-то нерационально тебя ненавидит, это — как удар ниже пояса. Ты спрашиваешь себя, почему, но ответа нет.

— Боюсь, ответ есть, — вздохнул Фаран. — Что касается ранения — потока крови не будет. Время, из которого мы только что вернулись, не может нанести тебе прямой физический удар, когда Маладор там, где он сейчас. И я не думаю, что ты захочешь попасть в то время, когда услышишь, о чем я собираюсь тебе рассказать.

Будущее, да — но не то. Вот почему тебе важно узнать, что мы о нем выяснили. Начало двадцать второго века указывает, как, возможно, ни одно другое время, во что превратится жизнь на земле через тысячу лет.

Если бы мы отправились в будущее на тысячу лет и не обнаружили и следа твоей пшеницы — у нас был бы повод почувствовать, что битва проиграна. Но мы нашли не просто следы. Не сегодняшнее поле, конечно, но урожай в пятьдесят тысяч раз обильнее.

Но не только это поле тысячи раз повторялось по всей Земле. Яблочные сады, акры сливовых, вишневых и грушевых деревьев, банановые и дынные плантации и поля золотой кукурузы — все использовали почвенновосстановительные технологии, которые ты изобрел.

Блэкмор был практически уверен: судя по тому, как пристально смотрел на него Фаран, на его лице, вопреки волевому усилию, отразилась странная смесь удивления и неверия. Он с трудом сохранял твердость в голосе.

— Я думал, это едва ли возможно через тысячу лет, — сказал он. — И когда я подсчитал, чего это будет стоить...

— Цена почти разорит все народы Земли, — сказал Фаран. — Видишь ли, в начале двадцать второго века нации все еще разделены. Но они объединены в свободную конфедерацию. Конфедерация такого рода позволяет тирании на уровне принятия решений процветать сильнее, чем позволило бы Мировое Государство, где тирания была бы намного строже ограничена. К сожа-

нию, это произойдет, хотя, с другой стороны, получится не такая уж плохая правительственная система. По крайней мере, она устраняет войну.

Фаран на секунду остановился, чтобы посмотреть на море, как будто серая необъятность Атлантики символизировала для него высоту, глубину и ширину правительственных систем, которые создавались и уничтожались с самого Начала Времен.

— Есть два способа, — сказал он. — Попытаться вновь постичь особые свойства, которые отделяют один век от другого. Ты можешь заставить тысячи ученых писать книги о времени в кабинках без стен, и ты получишь множество томов для консультации в удивительно короткое время. Но сейчас я едва ли выбрал бы этот способ.

Второй способ, возможно, лучший — попытаться вновь ухватить внутреннюю сущность времени, рассмотрев, как — и до какой степени — доминирующие характеристики могут быть сформированы эпохой, непосредственно предшествовавшей изучаемому периоду. Ты игнорируешь все, кроме характеристик, выделяющихся настолько, что их отсутствие бросается в глаза.

Возможно, прямо в яремную вену, как внезапно выпрыгнувший на дорогу оборотень. Как я уже говорил, за исключением некоторых неожиданных катаклизмов, век обычно не является достаточным промежутком времени для решительных изменений; тени просто удлиняются и сгущаются.

Хорошо. Сначала подумай о начале двадцать второго века как о времени неуклонно сгущающихся теней. О времени, также, в котором технологии, особенно в отраслях, связанных с созданием оружия, совершили существенный скачок вперед. Ты можешь не придавать этому значения, если думаешь, что при отчаянной нуж-

де, когда люди столкнулись с голодом, им не понадобится оружие.

Теперь представляю еще один фактор, самый важный из всех. Тирания, часто бессознательно мотивированная, и к ней склонны — я говорю, конечно, о признании ее необходимости — даже люди доброй воли.

Существует множество различных видов тирании, и некоторые объясняются жадностью или безумной жаждой власти. Но один лишь страх может вызвать самый ужасный вид тирании. В начале двадцать второго века на уровнях принятия решений сотни мужчин и женщин стали безжалостными тиранами просто из-за *Большой Паники*.

— Большой Паники? — с любопытством спросил Блэкмор.

— Да, не могу придумать названия лучше, — кивнув, сказал Фаран. — После долгих лет голода, лишений и человеческих несчастий, когда люди повсюду умирали как мухи, человек может подчиниться страху настолько, что его не обрадует внезапная перемена к лучшему. И его эмоции и разум становятся почти патологически искаженными.

— Но я не понимаю, как это делает его тираном.

— Слушай внимательно; думаю, ты поймешь. Человек задаст себе все возможные мучительные вопросы. Сколько может продлиться изобилие еды в нескольких отдельных районах? Что если какая-то будущая болезнь растений уничтожит все усилия? Не будет ли ошибкой распространять даже маленькую его часть?

Почему некоторые люди становятся скрягами? Обычно потому, что во время их молодости они терпели лишения, запавшие им в память. Испытать их снова было бы немыслимо, и они продолжают копить в десять, двадцать раз большее состояние, чем им может понадобиться — или в тысячу раз большее.

Ты не понимаешь? Люди на уровне принятия решений, таком болезненном, могут искренне поверить, что, отказавшись распространять доступную еду там, где она очень нужна, они действуют трезво и дальновидно, в общественных интересах. Вся пшеница должна накапливаться и храниться за высокими стенами, подняться на которые для голодающего человека равносильно самоубийству.

Через тысячу лет будет все равно достаточно еды — но это может оправдать утаивание, возможно, ее трети, просто в меру предосторожности. Однако ничто не может оправдать сохранение оставшихся двух третей, их укрывание от голодающих. На самом деле, спрятано было девять десятых. В некоторых областях — все поля. Голод в Восточной Индии не может сравниться с теми ужасами, которые мы видели.

Фаран снова взглянул на море, как будто он все еще видел под водой город ужасных ночей, но превратившийся из тюремной метрополии в мегаполис, в котором не было сделано ни одной попытки оградить жителей от саморазрушения, когда они сражались друг с другом за остатки пищи или прыгали с высоких террас на темные тротуары далеко внизу.

— В одной вещи я не уверен, — продолжил Фаран. — Узнал ли Маладор твою пшеницу по отличительным характеристикам, и осознал ли, что он в одном времени с ненавистным символом из прошлого, который все еще можно атаковать и уничтожить? Жестокость его легко понять. Вплоть до этого момента пшеница, которую ты вырастил, должна была казаться человеку из двадцать второго века навсегда спасенной от человеческой ярости просто потому, что и пшеница, и ее создатель перестали существовать. Ты не можешь покарать мертвого. Но когда он осознал, что он заблуждался...

Что ж, это кажется наиболее возможным. Он на самом деле узнал поле. Вполне понятно, что он разъярился сверх меры, увидев нечто настолько похожее на многие охраняемые поля, которые делали призрак голода таким ужасно реальным для него.

С другой стороны я понимаю, что грубые наброски твоего поля были везде. Грубые — но достаточно точные и детальные. На них виднелись маяк, дамба, отдаленный волнолом, похожий на скелет кита, севшего на мель на песчаной отмели, широкий изогнутый пляж, и даже то, как несколько стеблей пшеницы высились над дамбой с той стороны.

Очевидно, поле в том виде, в каком оно существует сейчас, не укрылось от внимания фотографов, наделенных достаточной интуицией; они знали, что участок вскоре станет легендарным. Скорее всего, микрофильмы воспроизводились на широких экранах на протяжении многих лет, прежде чем люди, принимающие решения, поняли, что это не слишком хорошая идея — привлечь внимание голодающих мужчин и женщин к чему-то, что могло их озлобить. В итоге люди захотели бы узнать, почему поле пшеницы, выращенное век назад, так высоко ценилось, а все, что произошло от него, не представляло для них никакой выгоды.

Теперь Фаран смотрел на Блэкмора так, как будто чувствовал: то, что ему пришлось сказать, он бы предпочел оставить невысказанным.

— Когда такая ярость и ненависть развивается тайно, дело может принять скверный оборот. *Граффити*. Ты знаешь, где чаще всего можно на них натолкнуться, и в словесной, и в изобразительной форме. Все в начале двадцать второго века могли прочесть то, что сказано о пшенице, которую ты вырастил; искушение добавить один-два комментария к грубому рисунку и какому-нибудь грязному символу временами становилось не-

преодолимым. Ненавистные поля на ненавистных.... Вот так.

— Вот та темная сторона картинки, к которой ты обещал в конечном итоге подойти, — сказал Блэкмор. — Ты сказал, она может показаться мне темнее, чем тебе — и ты прав. Я всегда думал о своей пшенице как о чем-то... что ж, довольно светлом. Мне приходилось так думать. А в *граффити* нет ничего светлого, и не важно, где оно находится.

— Время сотрет все. Послушай меня, мальчик. Человека и его труды могут проклинять в одном времени и ставить на высокий пьедестал в другом. Уверен, так и случится.

Фаран посмотрел куда-то в сторону, на участок пляжа между волноломами и дамбой; когда он продолжил, Блэкмор был почти уверен, что ученый хорошо представлял, о чем говорил.

— Мы все были на пляже, — произнес Фаран. — У Маладора было оружие. Он показывал нам, как с ним обращаться. Мы попросили его продемонстрировать оружие — скорее для того, чтобы удовлетворить наше любопытство. Над морем носилась чайка, и нам было интересно, как быстро он собьет ее. Затем хотел попытаться свои силы Роджер. У меня не было большого желания, как я уже сказал, и я не уверен, что смог бы управиться с этим аппаратом, даже если бы моя жизнь зависела от него.

Маладор уже рассказал нам, что триединое оружие могло сотворить с разумом — как тебе надо легонько ткнуть человека, чтобы заставить его идти, и когда начнется паралич. Мы никогда не думали, что когда-нибудь используем оружие против самого Маладора. Для Роджера эта штука стала словно бы игрушкой — сияющей безделушкой.

Тот человек сказал нам, что оно может сделать живое существо беспомощным, поэтому выследить человека не будет составлять труда... — Фаран потряс головой, черты его лица немного ужесточились. — Через сто лет наказание за убийство животного — смерть. А наказание за убийство человека куда менее строгое. Иногда никто даже не интересовался, что стало с пропавшим родственником или другом.

— Пожалуйста, папа! — сказала Гильда. — На самом деле мы не видели, как кого-то выслеживают. Все, что мы видели, было довольно плохо. Если мы продолжим вспоминать все, что слышали...

Фаран кивнул.

— Конечно, ты права. Не стоит об этом задумываться. Я мог бы вспомнить дюжины таких вещей, как каннибализм, но я не собираюсь. Если человек доведен до такой крайности, что ему приходится резать и есть своих собственных...

— Нет, папа... пожалуйста.

— Я просто хотел, чтобы Блэкмор знал, как редко случалось человеку того времени заснуть ночью с чистой совестью. Подумай об этом, мальчик. Если они совершили отвратительное преступление против твоей памяти и пшеницы, это не должно тебя сильно беспокоить. Это было неизбежно в таких обстоятельствах.

Фаран снова остановился. Но в этот раз его взгляд не был устремлен к морю. Вместо этого он посмотрел вниз, на свои загорелые ноги — замечательно крепкие для мужчины шестидесяти трех лет — и Блэкмор был почти убежден, что Фаран спрашивает себя: что бы он почувствовал, если бы был вынужден расстаться с одной из них ради спасения жизни.

Не то, чтобы такая героическая мера была возможной; насколько знал Блэкмор, люди в здравом уме ниче-

го подобного не предпринимали. Палец руки или ноги, да. Об этом он слышал.

— В первый раз у Маладора появилась возможность по-настоящему осмотреться вокруг, увидеть весь пляж, дамбу, и столько пшеницы, сколько мы смогли разглядеть отсюда, — сказал Фаран. — Я уверен только в том, что он перестал показывать нам, как обращаться с оружием, и обвел пляж глазами, сначала посмотрев на волнолом, а затем на дамбу.

В то же мгновение он начал трястись и сжимать оружие сильнее. Его глаза сузились, темный румянец выступил на его скулах. У него был вид человека, трясущегося от ярости. Но то ли от того, что он узнал пшеницу с рисунков, которые видел, то ли он разъярился просто от того, что она была обнесена высокой стеной... что ж, обе догадки могут быть верны.

Я только знаю, что он развернулся и побежал к дамбе, все еще крепко сжимая оружие. Он уже был на другой ее стороне, прежде чем Роджер преодолел половину пляжа.

Роджер мог сделать несколько вещей. Если бы он был меньше удивлен, то смог бы применить триединое оружие до того, как Маладор достиг стены. В противном случае он смог бы преследовать беглеца среди пшеницы. Он даже мог бы попытаться развить большую скорость и поскорее добраться до стены. Но ты должен помнить: мы понятия не имели, что нашло на этого человека.

Ну, то есть не прямо тогда. Позднее мы сложили два и два — или умножили шесть на восемнадцать — и решили, что можем догадаться о его мотивах. Но к тому времени он был далеко в пшенице.

Мы поняли, что есть несколько вещей, которые можно сделать. Он был чужаком в чужом времени. Чуждом ему. Казалось вероятным, что вскоре его припадок безумия утихнет, он запаникует и вернется на пляж.

Больше всего мы боялись того, что он побежит дальше по полю, обнаружит хозяина пшеницы и...

— Он обнаружил, — сказал Блэкмор. — Если бы вы преследовали его, я бы не пострадал так сильно, как морально, так и физически.

— Ты имеешь в виду, что он уже нападал на тебя с этим оружием? О Боже...

— Дважды, — ответил Блэкмор. — В первый раз он выстрелил в меня через окно летней резиденции, где я отдыхал. Во второй раз он выстрелил из пшеницы в астро-самолет, когда я преследовал его. Именно поэтому я разбился...

— Мы уже хотели бежать за ним, когда астро-самолет появился из-за дамбы. Нам потребовалось немало времени, чтобы решить, какие меры лучше предпринять. Боюсь, что мы слишком сильно полагались на его возвращение. Мы подумали, что лучше остаться и подождать.

— Для меня это не имеет значения, — сказал Блэкмор.

— Буду благодарен, если ты воздержишься от обвинений до того, как я расскажу тебе, почему мы ждали, — сказал Фаран. — Если он был вооружен и действовал таким образом, то я бы не хотел, чтобы он вернулся на пляж, где оставалась только Гильда. Что если бы он использовал оружие против нее? А поле, которое ты вырастил, огромно. Поисковая команда, состоящая из двух мужчин, могла потеряться в нем на долгие часы. Конечно, только Роджер мог пойти туда. Но он очень не хотел оставлять меня и Гильду одних. Я изобретаю оружие, но не использую его для самозащиты, и только он владел трезубцем — или так думал. И он считает, что мой остеоартрит немного замедляет мои физические реакции, что, возможно, чепуха. Но все равно...

— Но в конце концов вы бы пошли за ним? Ты только что сказал...

— Все трое, — ответил Фаран. — Но одна мысль о том, что Гильда бредет по пшенице, возможно, случайно отстав от нас, а Маладор на свободе... Сначала я отказывался рисковать, и Гильда потратила, по крайней мере, двадцать минут, чтобы убедить меня, что я недооценивал ее возможности. Затем мы увидели твой астро-самолет...

На мгновение на губах Фарана появилась легкая улыбка.

— Должно быть, прошло не меньше часа, пока мы спорили о том, что делать. Когда человек в таком напряжении, иногда он совершает безумные вещи. Ты видишь, солнце почти над головой. Но полтора часа назад было еще жарче, и Гильда с Роджером пошли купаться, оставив меня здесь вариться на солнце как новоанглийского омара. Мне надо было остыть еще больше, чем им, потому что я злился на Гильду сильнее, чем когда-либо. Она думала, что хрупкая девушка восемнадцати лет может шагать по пшенице, не отставая от выносливого Роджера. Да, и не уступая ему в способности к самозащите.

— Дело не в физической силе, папа, а в уверенности, — сказала Гильда. — Это ценное качество для женщины.

Блэкмор не смотрел в сторону дамбы, когда услышал высокий женский голос, превратившийся в то, что (показалось ему поначалу), могло быть только истерическим криком.

Он резко повернулся и посмотрел в ту сторону, прикрывая глаза ладонью от солнца. Фаран и его дочь обернулись так же быстро.

Это была не истерика, но крик. Он осознал случившееся, когда увидел, как его жена спускалась к дамбе,

не переставая махать ему; она двигалась так быстро, что Блэкмор испугался — в любой момент она может потерять равновесие и упасть.

Ему надо было окликнуть ее и попросить идти аккуратнее и не рисковать, напомнить, что ей нет нужды так спешить теперь, после крушения астро-самолета, болезненного пробуждения, нападения мужчины из будущего и поединка с использованием слепящего оружия. Дэн рассказал жене обо всем этом и о многом другом — но мысленно; она достигла пляжа раньше, чем он успел сказать хоть слово, и теперь бежала к нему по песку.

В следующий миг она была в его руках, напряженная, ее пальцы запутались в его волосах.

— Когда ты не вернулся, мне оставалось только одно, — выдохнула она. — Ничто не могло остановить меня; я побежала через пшеницу, и тебе следовало знать, что я так сделаю.

— Я не знал, — сказал он, глядя ее волосы. — Вынужден признаться... Я думал, ты будешь ждать, пока я не вернусь, потому что я все-таки отсутствовал не было слишком долго.

— Нет? Очевидно, ты не понимаешь, насколько долго, иначе ты бы не говорил так. Где астро-самолет? Ты догнал его? Кто эти люди?

— Астро-самолет разбился, и его унесло течением, — ответил Блэкмор. — Его обломки — по крайней мере, мне так сказали.

Она оттолкнула голову Дэна от себя, и посмотрела прямо ему в глаза; во взгляде жены Дэн прочитал невероятный, невиданный прежде страх.

— Дэн, почему ты всегда говоришь так, как будто с тобой случилось что-то ужасное, что ты хочешь от меня скрыть? Если тебя заставили опустить самолет, и он разбился — почему тебе нужно притворяться, что в этом

есть что-то забавное? Твое тело тоже могло унести в море!

— Хорошо, такое могло случиться. Катастрофа была просто сокрушительной — по крайней мере, для самолета. Тот человек снова попытался убить меня, из пшеницы. Он разрушил почти все мои приборы, и я долго снижался, меня отнесло за дамбу и в море, где воды было едва ли по щиколотку. Только чудо спасло самолет от взрыва. Но они вытащили меня.

— Кто, Дэн?

— Я, но не без помощи других, — сказал Фаран., — Это помощь была очень важна. Я Филипп Фаран. Блэкмор не знал, что у меня есть дочь, но я всегда знал, что у него есть жена. Средства массовой информации позаботились об этом, но должен сказать...

Веселые искорки блеснули в глазах Фарана.

— Это было бы тратой времени — а у нас его не оставалось — проклинать СМИ за неточность твоего образа на диске. Слишком сильный, ослепительный блеск может вызвать зависть... ну, людей менее удачливых, чем Блэкмор, а журналисты, возможно, хотели избежать такой реакции.

Хелен Блэкмор смотрела на Фарана так же сурово, как и на своего мужа. Но теперь в ее глазах было не только волнение, но и облегчение и благодарность. Выражение ее лица на секунду озадачило Блэкмора, пока он не вспомнил, где до этого видел такой взгляд. Он видел его на старых фотографиях мужчин, первыми высадившихся на Луну. Это было после того, как они вернулись на Землю, сняли скафандры и сели, чтобы дать интервью; но их мысли все еще находились в двух тысячах миль от Земли, в лунном кратере, позолоченном солнечным светом, и на дне моря, которое на самом деле не было морем, которое напоминало загадочную пещеру.

Именно Фаран рассказал Хелен все, что ей следовало знать; время от времени ученый указывал вдоль пляжа на волнолом. Когда он закончил, Блэкмор не удивился, что всего через секунду они пошли вдоль пляжа в направлении волнолома. Хелен, как он догадывался, не успокоится, пока сама не увидит машину времени.

Глава 6

Время бежит очень быстро при естественном ходе событий, идет ли речь о времени людей или каком-то ином времени — Блэкмор это было очень хорошо известно. Но ему редко приходилось замечать, что время пролетает так быстро, как в тот час, когда Фаран водил их по машине.

Казалось, они прошли от отсека к отсеку — от ошеломляюще невероятных до просто чудесных помещений — за несколько минут, самое большее, за десять или пятнадцать.

А еще Блэкмор знал, что в жизни человека есть моменты, до того наполненные поразительными откровениями, что разум заключает их в сияющий кокон, который остается в стороне от остальных воспоминаний, от колыбели и до могилы.

Теперь они стояли в металлическом отсеке, освещенном бледно-синим светом, льющим из того, что Фаран называл иллюминатором. Он был примерно двадцати футов в длину и десяти в ширину, и через него были отчетливо видны волнолом и узкая полоска сияющего пляжа.

— Когда сканеры активируют основное поле и машина приходит в движение, — сказал Фаран, — вы видите временами непрерывное мерцание. Но также появятся и картинки. Тем не менее, они очень быстро исчезнут, и если вы не будете очень внимательными, то пропустите целое столетие, возможно, три сотни лет.

Несколько вопросов беспокоили Блэкмора; он был почти уверен, что огромные, разрушительные волны Реки Времени, которые нахлынут или отступят прежде, чем путешественник сможет остановиться в одном оп-

ределенном времени, на одном определенном участке берега Реки Времен.

Но до того, как Дэн задал свои вопросы, Фаран сказал:

— Мне придется оставить вас на секунду. Мне надо поговорить с Роджером о проблеме, которую нам создал Маладор; не думаю, что смогу дальше это откладывать. Учитывая напряжение, которое вы испытали, представляю, как вы будете рады нескольким секундам спокойствия и тишины.

Он улыбнулся, кивнув в сторону иллюминатора.

— Если вы предпочтете вместо этого немного отвлечься — не надо путать это с тишиной — можете попытаться представить, что окно — это хрустальный шар. Кто знает? Может быть, вы увидите будущее, не путешествуя во времени.

Поскольку за окном и в самом деле открывалось будущее, предложение было занимательным и актуальным, несмотря на то, что Блэкмор был уверен: Фаран говорил шутя и его улыбка стала бы шире, если бы он на секунду представил, что его слова восприняты всерьез.

Определенно, в предложении нет ничего серьезного, подумал Блэкмор про себя — по крайней мере, ему так казалось. Но когда Фаран кивнул и оставил их вдвоем, скрывшись за движущейся панелью, Блэкмор никак не мог решить, насколько серьезно его жена восприняла это замечание.

— Почему бы нам не попробовать, Дэн? — сказала она. — Обычный хрустальный шар совсем бы меня не заинтересовал — разве что мне было бы нечем заняться, а он оказался бы под рукой. Но подумай, Дэн — окно действительно видело будущее. Что если оно на нем запечатлелось какие-то неведомые астральные картины, которые можно разглядеть, если сконцентрироваться на них.

— Астральные! В первый раз слышу, как ты используешь это глупое слово. Ты имеешь в виду паранормальные. «Астральный» — это относится к ложным гаданиям медиумов, которые читают твою судьбу по чайным листьям.

— Хорошо, тогда паранормальными. Почему бы нет, Дэн? Попытка не пытка.

— Потому что ты знаешь, как я отношусь к хрустальным шарам. Я полагал, ты думаешь то же самое.

— Но тебе не надо в это верить. Не всерьез. Ты всегда интересовался Чарльзом Фортом и теми странными книгами, что он написал век назад. Что касается того, как... ну, мы думали, что звезды могут быть просто точками света, пробивающегося сквозь дырочки, которые кто-то проколол в небе. Однажды ты мне сказал, что не можешь представить ничего более глупого. Но все равно я вижу, что его слова очаровали тебя. Держу пари, если бы у тебя была возможность проверить...

— Хорошо, ты выиграла, — сказал Блэкмор. — Но только пока Фаран не вернулся.

Кроме боли в глазах, попытки посмотреть в окно не принесли никаких результатов, как заметила Хелен; целую минуту Блэкмор не опускал глаза, как будто боясь, что жена посмотрит в его сторону и обвинит его в жульничестве.

Внезапно она закричала, и ее пальцы сжались на его запястье. Они давили, причиняя ему боль, но перемены, которые совершались там, где волнолом рассекал узкую полоску пляжа, происходили так быстро, что первое время Дэн мог только смотреть туда.

Пляж отступал и растворялся, пески бежали к морю, но таяли до того, как достигали линии прибоя. Сама линия прибоя исчезала, как и волнолом.

Казалось, все за окном таяло и растворялось в пустоте, уступая место мерцанию, не отличимому от того, о котором рассказывал Фаран.

Или, по крайней мере, казавшемся неотличимым; мерцание возникало в промежутках между несколькими быстро появляющимися и исчезающими картинками.

Там были бесплодные серые пустыни и бурные моря. Также там были рушащиеся здания и огромные неподвижные машины, резко выступающие на фоне набухшего красного диска садящегося или поднимающегося солнца, лучи которого рассеивались по земле.

Там были черные пристани и множество кораблей, и редкие полосы открытой местности, где почти вся растительность выглядела так, будто была охвачена огнем, или уничтожена морозом, или сметена ураганом.

А затем постепенно земля снова стала зеленой; появилось изобилие растительности, включая сады фруктовых деревьев.

Когда мерцание возобновилось, возможно, в двадцатый раз, и ногти Хелен так больно впились в кожу Дэна, что ему пришлось повернуть запястье, не отнимая ее руки, послышался голос Фарана:

— Датчики времени сброшены! Мы не знаем, как это могло произойти, так как Роджер этого не делал. И никто не делал, кроме... Это, определенно, был не я, и это не могла быть Гильда.

Блэкмор повернулся, слишком сильно пораженный, чтобы понять смысл того, что Фаран пытался сказать им.

Фаран стоял у панели; он невероятно побледнел: если бы он так выглядел несколько минут назад, когда не произошло ничего из ряда вон выходящего, то Блэкмор подумал бы, что ученый был на грани обморока.

— Машина полностью вышла из-под контроля, — продолжал Фаран, с такой слабостью в голосе, что страх

Блэкмора стал еще реальнее. — Мы уже миновали то время, в которое путешествовали — на три или четыре века, по крайней мере. И ничто не может остановить машину от путешествия во Времени на полмиллиона лет. Ты понимаешь, что это значит, Дэн? Полмиллиона лет!

Фаран мог бы продолжить и рассказать Блэкмору больше, если бы в иллюминаторе не появилась картинка, на которую он не мог не обратить внимания, картинка почти сногшибательная, как ему показалось.

Это был белый и блистательный город, и, казалось, он возвышался до самых звезд. Это был самый прекрасный город, который Блэкмор когда-либо видел.

Через секунду он исчез.

Глава 7

Что действительно не удалось, так это жеребьевка — кто первым выйдет наружу.

После семи часов, шести минут и несчетного числа секунд машина подарила им новую проблему, прекратив полет во Времени. Проблема возникла на основном тангенциальном поле, расположение которого Фаран пытался и не сумел объяснить Блэкмору; они находились в столь отдаленном времени, что не было возможности определить точную длину путешествия посредством тщательного изучения показаний приборов. Фаран говорил о четырехстах тысячах и полумиллионе лет, но потом признал, что скорее речь идет о семистах тысячах лет. Он настаивал на разумном пределе погрешности, но Блэкмор подумал, что немного проблематично верить в то, что разница между тремя или четырьмя сотнями тысячелетий может считаться критичной.

Он не видел смысла сейчас спорить об этом с Фараном; дело в том, что они столкнулись с проблемой, требовавшего более срочного решения.

За иллюминатором простиралось изобилие растительности, и не просто тропической. Судя по открывшемуся за окном виду, в растительной жизни было что-то чудовищное, что-то, казалось, выходившее за пределы границ, поставленных природой в размерах, окраске и структуре — и особенно в размерах — цветущих растений.

И кто-то должен был первым ступить в это неизвестное болото. Не так важно, кто будет вторым или третьим, так как именно первый, скорее всего, станет последним по части шансов на возвращение.

Тайсон сразу предложил тянуть жребий, но Блэкмор обнаружил, что настаивает — это не должны быть соломинки.

— Жребий полностью зависит от случая, — указал он, игнорируя скептический взгляд в глазах Тайсона. — И есть обстоятельства, которые определяют, каковы будут шансы. Или, если пожелаешь, как упадут кости. А еще... там растения. А я эколог. Это обстоятельство полностью соответствует несчастливой соломинке. Вот я ее и вытянул.

Это заявление горячо оспаривали и Фаран, и Тайсон. Но его логика была непреодолимой, и, в конце концов, он добился своего.

Несколько минут спустя Дэн стоял на вершине машины, на высшей ступеньке узкой металлической лестницы, которая спускалась на сорок футов к земле.

Блэкмор посмотрел вниз, прежде чем спускаться, и на мгновение у него возникли сомнения: когда он достигнет основания машины, удастся ли ему отыскать твердую землю, на которую можно встать.

Было ли это предположение диким? За несколько лет до первой высадки на Луну подобный страх сильно повлиял на разработчиков миссии «Аполлон». Появилась мысль, что лунная поверхность может оказаться хрупкой конструкцией, возможно, похожей на порошкообразную пемзу; если человек наступит на нее, то провалится сквозь эту тонкую кору, и рухнет, возможно, на несколько сотен футов, разбившись насмерть. Даже тот факт, что лунный модуль, несмотря на его огромный вес, приземлился, не провалившись вниз, не исключал такой возможности, так как широкое основание обеспечивало ровное распределение веса и позволяло шаттлу удержаться на тонкой внешней коре так же легко, как плоту на поверхность моря.

То, что увидел Блэкмор, когда посмотрел вниз, было совсем не похоже на пемзовую структуру, которую астронавты с «Аполло» не обнаружили, да и не ожидали обнаружить, после того, как лунные пробы отправились на Землю; земляне узнали, насколько твердой была лунная поверхность — по крайней мере, на большинстве участков.

То, что увидел Блэкмор, когда посмотрел вниз, было более озадачивающим и... да, пугающим. Он никогда не видел растительности столь обильной и разнообразной. Но, хотя она не напоминала на минеральные составы, которых не выявили лунные пробы и человеческие эксперименты, она была, определенно, морской — даже не водной. Перед ними простиралось живое море растительности с огромными изгибами приливов и кружащимися в них поперечными нитями — синими, зелеными, алыми, фиолетовыми и черными.

Черные завитки внушали ему наибольшую тревогу. Нет, лучше назвать это острой озабоченностью на грани тревоги. Но в данных обстоятельствах озабоченность — уже довольно плохо. На морском плоту такой легкой конструкции едва ли сможет устоять человек — если подтвердятся его опасения.

Что если поверхность, кажущаяся почти нерушимой, была лишь обманом и ловушкой? Конечно, не делом рук человека. Природа могла создать ловушки и западни такие же опасные и обманчивые. Между гигантскими цветами различных оттенков — некоторые из них были такими яркими, что он не мог смотреть на них, не прикрывая глаз — и качающимися пальмовыми листьями пяти или шести футов в ширину, находились те самые темные области.

Они напоминали пленку на непрозрачной ткани, которая меняла цвет, когда на нее смотришь, становясь светло голубой, а затем снова черной как смоль. Может,

это не просто непрозрачность, а пустота? Не отсутствие ли вещества иногда создавало точно такие же иллюзии?

Что если первый шаг, который он сделает между цветками и качающимися пальмовыми листьями, станет последним? Что если он упадет сквозь цветочную сеть на землю, на клубок корней далеко внизу, и мгновенно умрет от последствий падения?

Внезапно Блэкмор обнаружил, что думает об окружающем мире по-другому. Не как о море растительности, а просто как о вершине тропического леса с утесом, возвышающимся справа, там, где машина появилась из другого моря — обширного океана Времени. Она повисла на краю пропасти, и как только он спустится и сделает несколько шагов вперед, — опрокинется за край, упадет на землю и сразу же умрет.

Но то, что машина появилась точно в этой точке, в таком необычном и сомнительном положении, было бы слишком большим совпадением с точки зрения здравого рассудка; через несколько секунд он отказался воспринимать такое совпадение серьезно, и это помогло ему осознать: первая возможность максимально далека от истины.

Когда устройство для путешествий останавливается после долгого пути (неважно, во Времени или в Пространстве), для пассажира, выходящего наружу, столкновение с немедленной опасностью более чем вероятно, так как на Земле опасные ловушки были широко распространены.

Решив, что закон средних величин на его стороне, Блэкмор спустился вниз, не позволяя себе снова задумываться о том, что может случиться, если он слишком положится на закон, который небезосновательно ставили под сомнение многие серьезные люди.

В тот миг, когда он достиг основания машины и сделал два осторожных шага вперед, все его страхи верну-

лись. И на сей раз его охватила не острая озабоченность, просто напомнившая о себе, а подавляющая тревога.

Он начал вязнуть. Его ноги тонули в чем-то сыром, и гигантский цветок закрылся над ним со свистящим звуком, почти задушив его; лепестки хлестали человека по лицу и мешали удерживать равновесие.

Блэкмор опускался все ниже, вскинув обе руки в тщетной попытке сохранить вертикальное положение. Он почти упал вперед, растянувшись в неуклюжей позе; так бы и случилось, если бы растительность не так туго обвивалась вокруг него, утягивая Дэна назад, и если бы его ноги не погрузились в какую-то густую массу от щиколоток до коленей.

Ужасная мысль, что он мог вступить в зыбучие пески, внезапно заставила его осознанно попытаться сделать то, что он делал случайно: броситься вперед и во весь рост растянуться на земле, чтобы равномернее распределить свой вес. Но это становилось все сложнее сделать, так как влажность уже затянула, словно осьминог, его колени; в тот момент, когда Блэкмор пытался наклониться вперед и распластаться на земле, обратная тяга растительности усиливалась вдвое, заставляя его оставаться неподвижным в вертикальном положении, словно труп, который тянул в морские глубины быстрый водоворот.

Затем, очень резко (на мгновение это показалось полным растворением смертельной опасности в ночном кошмаре, разрушенном пробуждением) исчезла необходимость бороться. Влажность под его ногами сменилась плотной материей, и он перестал тонуть.

Земля под влажной поверхностью была такой твердой, что он смог встать на ней, не шатаясь, и вытащить сначала правую ногу, а затем левую из песка или грязи или чего-то еще, в чем нуждались гигантские растения,

достигшие расцвета, какого нельзя было достичь в более близкую эпоху — даже в тропических лесах Амазонки.

Блэкмор был почти уверен в этом. В давние времена такая растительность могла посрамить никчемные попытки человека обогатить почву, которая еще не пострадала от разграбления — или после того, как она была разграблена и покинута до отчаянных, нелепых или неловких попыток экологов помешать преступному уничтожению природной среды.

Почти целую минуту Блэкмор оставался неподвижен, недоверчиво озираясь по сторонам. На некоторых цветах были затейливые прожилки, другие были чудесно полупрозрачны. Один цветок напоминал тонкий как папиросная бумага круг ткани, которая была легче воздуха — ткани, безусловно, легкой, как пушок чертополоха — словно бы полученной из среза гигантского апельсина. Цветок мягко покачивался на ветру, на стебле, который светился как аметист, и был такого же чистого пурпурно-фиолетового оттенка. Другое растение казалось трехступенчатым, на каждом уровне виднелась выступающая терраса, украшенная яркими цветами; если бы рой пчел опустился на цветок, они, подумалось Блэкмору, были бы похожи на крошечных танцоров, которые кружились под звуки венецианского вальса.

Там был цветок в форме сердца, словно вырезанного из груди гиганта и подвешенного высоко в воздухе на стебле таком тонком, что, соцветие, казалось, покачивалось из стороны в сторону без всякой видимой поддержки. Там обнаружилось еще два цветка в форме сердца, не бесцветные, как действительно огромный цветок, уникальный в своем роде, но как будто вытащенные из колоды карт, используемой тем же гигантом. Самый маленький выглядел так, как будто происходил от самой Королевы Сердец, так как он был окружен тремя золо-

тыми коронами и тем, что могло сойти за диадему, инкрустированную жемчугом.

Пальмы — многие, казалось, тоже парили в вышине — были такими же огромными, как и цветы; две достигали в диаметре, по крайней мере, тридцати футов. Некоторые из них были такими же грозными, как колючие кактусы, пережившие заболевания растений в неорошаемых пустынных областях в годы детства Блэкмора, и оставшиеся после всего этого более-менее здоровыми. Другие пальмы были гладкими, как стекло.

Медленно и аккуратно, пока тянулась вторая минута, Блэкмор убирал ветви с листьями, обвившиеся вокруг его талии и все еще мешавшие ему сохранять равновесие при порывах ветра. Ветер чаще всего был не слишком силен. Но он задувал довольно резко, и вся растительность начинала раскачиваться — порой казалось, что это настоящий ураган.

Неожиданно Блэкмор обнаружил, что нога, которую он вытянул из трясины, уже в ней не тонет. Он осознал, что сделал несколько шагов вперед, уже не прилагая дополнительных усилий. Теперь он стоял на земле, которая все еще казалась немного сырой, но он мог по ней двигаться, не боясь завязнуть в трясине.

Как только Блэкмор освободился, он осторожно сделал еще несколько шагов. Земля была довольно твердой, и могла выдержать его, и, хотя у него возникало чувство, что ноги с чавканием погружаются в грязь или какую-то цепкую мокрую глину, он не испытывал трудностей, поднимая ноги и ставя их на землю одну за другой.

Очевидно, сделав первый шаг, Дэн попал в необычное сырое пространство, возможно, в один из тех черных завитков, которые он заметил до того, как начал спускаться, и которых следовало избегать, держа в уме их точное расположение.

Он почти сразу отверг мысль, что следует вернуться обратно по своим следам и, встав у основания машины, прокричать остальным, что они могут спускаться совершенно безопасно. Следовало все выяснить абсолютно точно и не допустить ошибок, даже если бы Фаран и Тайсон начали спускаться в тот самый момент, когда увидели, что он все еще остается на ногах и без проблем продолжает идти.

Для них риск не был бы слишком велик, и он не смог бы удержать их от спуска — разве что закричал бы, что ему угрожает смертельная опасность и он тотчас же возвращается назад. Так как это не было правдой, он не видел смысла обманывать своих спутников. Для них вполне достаточно предупреждения сохранять осторожность и заранее обдумывать каждый шаг.

Но он не хотел, чтобы на землю спускалась его жена — по крайней мере до тех пор, пока он не пройдет значительное расстояние между цветами в оба конца. Дело не только в том, что она более импульсивна, чем подавляющее большинство женщин, но еще у нее сложилось нелепое представление, что он чрезмерно заботится о ее безопасности и проявляет чрезмерную осторожность, удерживая ее без всякой необходимости.

Конечно, его заботливость была совершенно очевидной. Но почему, спрашивал он себя, возможно, в тысячный раз со времени их свадьбы, женщине нужно быть такой? Что дурного в мужской заботе? Почему Хелен действительно возмущал факт, что мужчина, за которого она вышла замуж, так ее любил, что днями и ночами мучился мыслью, что она может сделать нечто опасное и безрассудное?

Однажды, в обычном разговоре с тремя или четырьмя женатыми друзьями, он выяснил, что есть женщины, которые ценят заботливость больше, нежели все прочие мужские свойства. Почему Хелен не могла быть такой?

Разве не предполагается, что женщина хочет, чтобы ее так любили? Как часто такое случается? Не сами ли женщины всегда жалуются, как редко подобное происходит? «Для женщины любовь — это вся жизнь, для мужчины — лишь мелочь». Но когда такая женщина, как Хелен, получает то, о чем мечтают все остальные женщины — она просто отвергает это.

Однажды, говорил Блэкмор сам себе — если он доживет до ста шести лет — он, может быть, поймет женщин. Но он серьезно в этом сомневался.

Он продвинулся еще примерно на тридцать шагов и захотел повернуться и посмотреть, спускаются ли Фаран с Тайсоном — и тут почувствовал резкий, мучительно болезненный укол в правую пятку. Боль прекратилась так быстро, что на мгновение он подумал, что наступил на крапиву, или его ужалил шершень; как будто раскаленный добела провод пронзил его ногу и мгновенно исчез.

Ремешки его сандалий крест-накрест перекрывали пятку, где только четверть дюйма кожи были открыты и уязвимы; вдобавок грязь или глина, влажность которой он все еще ощущал, делала этот участок еще менее уязвимым. И все же, как ни удивительно, но что-то быстро проткнуло его плоть в одной точке, и теперь Дэн снова шагнул вперед, неспособный осознать случившееся.

Затем, внезапно, ему пришлось принять это: что-то холодное и быстрое проскользнуло по его щиколоткам с тихим шипением.

Такой же невероятной, как и укол в его пятку, показалась мысль, проскочившая у него в голове, когда он опустил взгляд; это была попытка разумно оценить вероятность, от которой похолодело сердце; до этого он никогда не думал, что сможет принять рациональное решение так быстро.

Но он додумал мысль до конца; чтобы посмотреть вниз, потребовалось совсем не много времени. Существовали шершни, которые строили гнезда из грязи; если пяткой он наступил на вход в такое гнездо... что ж.

Это было совершенно бесполезное умозаключение; ему следовало догадаться обо всем в тот миг, когда послышалось шипение. Его укусила змея, и она все еще была на виду, когда взгляд его остановился на сплетении надземных корней, каждый из которых был в два раза толще изумрудно-зеленого ствола и между которыми ползла шипящая тварь.

Он быстро нагнулся, схватил змею за хвост и потащил вперед. Через секунду он топал по голове змеи, тяжело дыша, колотя по змее укушенной пяткой, пока отвратительная тварь не издохла.

Безусловно, судя по голове змеи, она чем-то напоминала ужа. Зеленая мамба? Нет — мамбы принадлежат к семейству кобр. Определенно, она была такой же зеленой, но точно не мамбой. Немного менее смертоносной, возможно, но многие, если не все, змеи с треугольными сплюснутыми головами были ядовитыми.

Он неплохо знал змей — какой эколог их не знал? — но он не был уверен, что может отличить некоторых ранних, из Старого Мира, опираясь на один лишь образец, так как цвета подвидов варьировались.

Возможно, Фаран или Тайсон узнают. О, Господи, неужели он начал сходить с ума? Если он не знал — как можно надеяться, что они узнают? Но все равно, змея еще могла быть полезной. Есть змеи, которые *имитируют* окраску ужей. И он мог определить, сколько в ней было яда. Если до него она укусила какое-нибудь мелкое животное, мешочки с ядом могли почти опустеть. Зря он разmozжил ей голову. Это усложнит опознание.

Ему следовало схватить змею за заднюю сторону головы, чуть ниже рта, как делал герпетолог с гадюкой, и

невредимой отнести ее, несмотря на сопротивление, обратно к машине.

Тем не менее, он ее поднял и перебросил через руку, все еще трепыхающуюся; голова змеи была разбита так сильно, что утратила треугольную форму.

Он почти преодолел обратный путь — увы, пройденный участок оказался опасным, как он и предполагал с самого начала — и увидел, что Фаран машет рукой и смотрит на него сверху вниз, почти с самого верха машины. Ученый только что начал спускаться, и у него было озадаченный, немного мрачный вид; это удалось разглядеть даже с расстояния сорока футов.

— Почему ты так долго? — закричал он. — Мы не видели тебя несколько минут. Неподходящее время для экологических исследований.

— Меня укусила змея, — закричал Блэкмор в ответ. — Ядовитая, я думаю. Я несу ее. Ты не заметил?

— Да, теперь вижу. Ради всего святого, парень, поднимайся сюда как можно скорее. Нам надо сделать несколько быстрых надрезов.

Блэкмору понадобилась почти минута, чтобы подняться к тому месту, где стоял Фаран. Ему пришлось переложить змею с правой руки на левую и задержаться, чтобы поймать выскользнувшее из рук тело змеи на одной из ступенек.

У Дэна немного сбилось дыхание, когда он дошел до Фарана; старик тоже тяжело дышал, но не от напряжения, и в его лице не было ни кровинки.

— Забирайся внутрь, — подгонял он. — Поторопись. Нам надо сделать несколько глубоких надрезов и наложить жгут. Ядовитые змеи встречаются намного реже, чем безвредные. Почему ты думаешь, что эта ядовитая?

Это была правда, конечно — дикая, фантастичная. Они встречались намного реже: значит, тот, кто верил в закон средних чисел, поставил не на ту лошадь. Столк-

нуться с ядовитой змеей после того, как несколькими минутами ранее появился во времени, настолько удаленном от родного — это было так же маловероятно, как появление машины на грани пропасти. Из двух возможностей эта, скорее всего, представлялась наименее вероятной. Но все теории совсем ничего не значили — ведь что случилось, то случилось.

— У нее плоская, треугольная голова, как у гадюки из Старого Мира, — услышал Блэкмор свои слова. — Теперь голова разбита, поэтому ты и не видишь.

— Хорошо, не разговаривай. Просто полезай внутрь. Чем быстрее мы наложим жгут, тем лучше.

Это был хороший совет, но Блэкмор не мог не добавить:

— Мои шансы, возможно, невысоки. Яд может оказаться смертельным, как у кобры.

— У гадюки — нет. Как и у медянки, так и у гремучей змеи. Даже у кобры... Послушай, парень. Ты должен знать это. Все эти истории преувеличены — включая рассказы про паука «черная вдова». Например, укус сороконожки намного опаснее, чем жало пчелы. Ты до сих пор чувствуешь себя хорошо?

Блэкмор смог кивнуть.

— Хорошо. Яд кобры парализует, и быстро. Перестань бояться и заходи внутрь.

Блэкмор кивнул и поднялся по семи оставшимся ступенькам лестницы, Фаран держал его за руку, на которой висела змея.

Глава 8

Самой ужасной вещью была суета. Блэкмор обычно выше всего ценил сочувствие. И во взгляде его жены отразилось куда большее беспокойство, чем на лицах Гильды и Тайсона. Это волнение могло означать, что если он умрет, она тоже погибнет, по крайней мере, внутренне, и никогда в жизни не станет прежней. Это была та самая заботливость, которая возмущала Хелен, когда речь шла о ней самой. Но теперь он мог простить эту странную причуду ее характера.

Если бы не суета...

Они все теснились так близко к нему, что Фарану было трудно сделать надрезы, поэтому ему пришлось прерваться и жестами приказать им отодвинуться назад. Даже после этого он будто задыхался, хотя ни Гильда, ни его жена больше не стояли рядом с ним, и Тайсон находился, по крайней мере, на расстоянии трех футов от него.

Он лежал, растянувшись во весь рост на металлической койке, и Фаран сначала занялся его пяткой, решив, что первым делом необходимо вывести яд, еще оставшийся в ране, наружу, и как можно быстрее. Он сделал два крестообразных надреза и нагнулся, чтобы приложить губы к ране, когда Хелен отодвинула его и встала на колени перед койкой.

— Позволь мне сделать это, — сказала она.

Блэкмор посмотрел на Фарана, немного приподнялся, его рука легла на плечо жены, чтобы нежно оттолкнуть ее.

— Это... это опасно? — спросил он.

Фаран покачал головой, криво улыбнувшись.

— Если бы это был я — тебе пришлось бы позволить мне рискнуть, — сказал он. — Я удивлен, что эколог не

знает, насколько невелик риск. Ты должен был видеть, как это делали.

— Один раз или два, — ответил Блэкмор. — Я знал, в некотором отношении, но... иногда просто не думаешь...

— Все хорошо, — сказал Фаран. — Естественно, ты беспокоишься о Хелен больше, чем кто-то другой. Но если бы ты считал, что это опасно, не думаю, что ты был бы счастлив, позволив мне убить себя.

— Боже, нет, — сказал Блэкмор.

— Тогда все забыто.

Он мягко коснулся плеча Хелен.

— Там может не быть яда, — сказал он, — Но мы этого не знаем, поэтому не можем рисковать. Наибольшая концентрация все еще на месте укуса. Прошло всего десять или двенадцать минут, поэтому не так много яда может... что ж, мы можем только ждать и наблюдать. Просто высасывай кровь ртом и сплевывай. Я скажу тебе, когда остановиться.

Когда Хелен закончила, она встала, сжала руку своего мужа и отступила, ее плечи чуть заметно тряслись.

Жгутом были обычная деревянная щепка и тканевая повязка, которые так сильно сдавили ногу Блэкмора, чтобы остановить ток крови, что он вздрогнул, когда Фаран прикоснулся к повязке. Несмотря на болезненные ощущения, его немного смешило то, что деревянная щепка — в форме колышка, с верхушкой в виде ящерицы — добыта из моря. Это был один из маленьких, гротескных деревянных фрагментов, которые подобрал Роджер вместе с несколькими редкими и изысканно прекрасными раковинами; такие иногда выбрасывает на пляжи вдали от тропиков и некоторые испытывают к подобным вещам непреодолимый интерес.

— Самые ранние были сделаны из каучука, — сказал Фаран. — Эсмарх мог бы сработать лучше, в принципе, но обычные порванные простыни спасли очень много

жизней. Вероятно, все дело вот в чем: когда люди идут, шатаясь, после змеиного укуса, сдернуть простынь с кровати — это первая вещь, которая приходит им на ум. Все, что остановит кровоток, прекрасно подойдет.

На мгновение он остановился, а затем спросил:

— Как теперь ты себя чувствуешь, мальчик? Только честно.

— Я не уверен, — ответил Блэкмор. — Все хорошо, я полагаю. Есть небольшое головокружение, но оно может быть вызвано перенапряжением. И волнением, — добавил он, слегка улыбнувшись.

— Нам можно больше ни о чем не волноваться, — сказал Фаран. — Эта змея могла быть так же безвредна, как... подвязочная змея или черный полоз. Понимаешь... я где-то читал, что есть два вида безвредных змей, которые выглядят в точности как гадюки. Защитная мимикрия. «Не наступай на меня, потому что ты знаешь, что гадюка может с тобой сделать. Тебе придется мне поверить. Посмотри на мою плоскую голову».

— Я думал об этом, — сказал Блэкмор. — Полагаю, нет того, о чем бы я не думал.

— Такая защитная мимикрия могла бы спасти жизни множества людей, которых я встречала, папа, — заметила Гильда.

— Не думаю, что выставлять напоказ зловещие цвета — это хорошая идея, — ответил Фаран. — В конце концов, твою голову расплющат еще сильнее.

— Чертовски не повезло, что у нас нет сыворотки против змеиных укусов, — сказал Тайсон. — Но так как вы не можете с уверенностью опознать змею, это все равно могла быть не та вакцина.

— Вполне возможно, — согласился Фаран. — Но так как она не причинила бы вреда, я бы все равно ее впрыснул. Скажем так, было бы неплохо, если бы я носил с собой маленькую медицинскую клинику, которую

можно надуть как игрушечный воздушный шар в случае крайней необходимости.

Он сжал плечо Блэкмора, как будто эти слова прозвучали не настолько убедительно, насколько следовало, а потом задумчиво продолжил:

— Я не сильно беспокоюсь. Мы поступим следующим образом. Если эта змея не кобра, быстро принятые экстренные меры чрезвычайно эффективны. Но могут возникнуть и трудности — ты можешь заболеть, как будто при среднем приступе гриппа. Это может продлиться несколько дней. Точно я не знаю. Но то, что ты все еще чувствуешь себя хорошо — можешь забыть о головокружении — чрезвычайно обнадеживает.

— Если бы меня укусил королевский аспид, я был бы уже мертв, ты это имеешь в виду?

Фаран покачал головой.

— Нет, вопреки популярному мнению, после укуса королевского аспида процент выздоровлений может быть высок, несмотря на тот факт, что он почти так же ядовит, как и королевская кобра. Но королевский аспид не кусал тебя...

Он вздохнул.

— Я забыл, что ты знаешь о змеях намного больше, чем я. Но это хорошо, в некотором смысле — это означает, что ты знаешь: все, что я сказал тебе — это правда. Ты либо вообще не заболеешь, потому что змея была безвредной, или...

Хелен Блэкмор резко оборвала его, ее голос немного усилился.

— Я ждала, что вы оба кое-что скажете. Что нет ни малейшего шанса, что вы оба ошибаетесь. Что все не будет очень плохо.

Она закрыла лицо руками, и Блэкмор поверил, что она не хотела говорить этого, что она скорее откусила бы себе язык.

— Всегда есть такая возможность, дорогая, — сказал Блэкмор. — Филипп знает это — и ты тоже. Но кое о чем ты забываешь. Нить может оборваться в любое время, для кого угодно, молодого или старого, и это случается так часто, что мы просто не видим, как близко к краю пропасти мы стоим на протяжении всей жизни. Скажем так, я просто подошел на несколько шагов ближе в этот день. Но все постоянно такое делают, даже не подозревая об этом.

Фаран не стал возражать Блэкмору. Он резко повернулся и сказал Гильде и Тайсону.

— Теперь Дэну нужно отдохнуть — столько, сколько он сможет отдохнуть между сегодняшним днем и завтрашним. Поэтому, пожалуйста, исчезните, вы оба. Хелен останется с ним столько, сколько захочет, но, надеюсь, она не захочет. Иногда мужчине лучше побыть в полном одиночестве.

— Я не уверена в этом, — сказала Хелен Блэкмор. — Но, думаю, я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже уйду. Как и ты, я полагаю.

Фаран кивнул.

— Конечно.

Он посмотрел на Блэкмора.

— Коммуникатор здесь — у твоего локтя. Полагаю, это для твоего же блага. Ты должен избегать малейшего напряжения или эмоционального возбуждения какое-то время. Ложись и закрывай глаза. Постарайся поспать. Мы хотим, чтобы твой кровоток был стабилен, насколько это возможно.

— Хорошо, я попытаюсь, — сказал Блэкмор.

Он проснулся полтора часа спустя. Сначала желудочные спазмы, а потом резкие боли в руках и ногах. Он дотянулся до коммуникатора, но почти мгновенно передумал, отдернув руку назад.

Лучше подождать и посмотреть, насколько плохо все будет. Все еще было не очень плохо; возможно, если он подождет, боли прекратятся. Он не должен тревожить Хелен, пока это не станет абсолютно необходимо.

Кроме того, что в этом случае может сделать Фаран? Не было лекарства, которое могло изменить ход болезни от укуса змеи после принятых срочных мер. Никакого лекарства, кроме сыворотки — а она находилась на расстоянии многих лет.

Виски? Это было совсем не лекарство, но смертельно опасный способ убедиться, что шансы укушенного человека на спасение уменьшатся вдвое. Из-за него отравленная кровь начнет курсировать по всем артериям и венам, и вред, который может нанести спиртное, известен уже почти век. Это было так же плохо, если не хуже, чем широко распространенное некогда медицинское безумие — сажать человека с циррозом печени на голодную диету.

Ему просто придется терпеть как можно дольше, а после этого, если боль не утихнет, смириться с фактом, что укус гадюки может убить, как это часто случалось.

Укус любой ядовитой змеи может убить, и при отсутствии экстренных мер, это было более вероятно, чем противоположный исход, несмотря на то, в чем Фаран пытался его уверить. И даже с экстренными мерами — погибших были легионы.

Действительно, иногда такие укусы могли быть почти такими же несущественными, как укусы пчел. Но даже укусы пчел могли убить. Это зависело от человека, от особенностей строения его тела, аномалий, которые любое отравляющее вещество, вводимое в тело, может вызвать в жизненно важных органах жертвы до того, как выйти из организма.

Боли в конечностях Блэкмора становились сильнее, а мысли мрачнее.

Если все средства Фарана не помогут ему — значит, пользоваться коммуникатором бесполезно. Одно лишь то, что жена окажется рядом... Но это было бы эгоистичное решение, и оно бы не принесло ей ничего, кроме боли. Следить за его страданиями и беспомощно осознавать, что нельзя облегчить его мучения... Имел ли он право подвергать ее такому испытанию?

Он умрет? Если да, то, конечно, он захочет, чтобы она была с ним, когда придет конец. Но пока этот момент не настал, он хотел оградить ее от помешательства, сдержав свои желания... Определенно, лучше сражаться в одиночку.

Это будет не просто, но Блэкмор чувствовал, что сможет сделать это, если повернется лицом к стене, подтянет колени повыше и заставит себя не думать о том, какой сильной стала боль и что, вероятнее всего, боль, которая началась в руке или ноге, не ограничится одной конечностью. Она почти наверняка распространится на грудь, смешается с дыханием, и вскоре он почувствует спазмы в районе сердца.

Тем не менее, казалось, этого не происходит. Были только острые боли, но он все еще мог глубоко вдохнуть и задерживать дыхание, и в его самочувствии наметилось даже некоторое улучшение, так как желудочные колики исчезли.

Он даже не рассматривал возможность, что самое страшное случилось и токсины с кровью проникли в клетки мозга. У него не было предчувствия, касательно этого всего, никакого предостережения, и когда это случилось, он не знал, что это произошло, потому что он так быстро перешел от осознания его непосредственного окружения в серый мир широких, неподвижных теней, что ему казалось абсолютно естественным стоять посреди возвышающихся серых монолитов, покрытых неразборчивыми надписями, высеченными на камне.

Возможно, было бы не вполне правильно утверждать, что он не осознавал факта, что все вокруг подверглось изменениям. Просто все казалось ему таким естественным, что ему было трудно подумать о происходящем как об изменении.

Там была еще и гора — высокая, куполообразная гора с чем-то темным, рассекающим ее от подножия до вершины. Но он не мог разглядеть, что это было.

Казалось, голос шептал ему, что лучше не знать; это был секрет, такой же древний, как само Время.

Казалось, пронеслись долгие годы, пока он стоял, глядя вверх на величественные монолиты и на близкую гору. Нигде не было признаков человеческой жизни, ни одного движения, которое могло бы свидетельствовать о присутствии какого-то огромного зверя, таившегося в тени, способного рвать и раздирать плоть.

Все же — это беспокоило его, но не пугало, как следовало бы — у него возникло чувство, что за ним наблюдают невидимые глаза, которые могли принадлежать какому-то огромному, затаявшемуся зверю.

Почему его страх не усилился? Неужели из-за того, что все вокруг казалось ему недостаточно реальным? Неужели он думал, что не сможет потрогать это руками, если протянет пальцы и попытается выяснить, спит ли он или бодрствует? Неужели не сможет осмыслить эти впечатления, если сосредоточится и обнаружит, как тени превращаются во что-то иное?

Почему-то он был неспособен сделать это, проверить реальность всего увиденного таким способом.

Затем, почти внезапно, все тени начали стучаться, и занес черноты опустилась на монолиты. Как будто он смотрел пьесу на освещенной сцене, и подошел к концу последний акт. Но это была не совсем правда, потому что за занесой не было яркого света, который отбрасы-

вали огни рампы, даже если сама сцена погружалась во тьму.

Это были не лишь сумерки, которые казались тающими даже тогда, когда он напрягал зрение и мог разглядеть контуры куполообразной горы и темную черту, разделяющую гору пополам от подножия до основания.

И все же — это был парадокс, который близок к безумию — он действительно мог различить надписи, высеченные на монолитах, так отчетливо, что детали всех символов проступали с поражающей ясностью. Он мог определить, что расшифровка окажется просто невозможной. Хотя символы отдаленно напоминали египетские иероглифы, но, в лучшем случае, совпадение было незначительным, или, возможно, его совсем не существовало. Расшифровка египетских иероглифов, в любом случае, была выше его сил; кроме того, он помнил богов со звериными головами и стилизованные изображения человеческих фигур; подобные детали, по-видимому, отсутствовали в надписях на монолитах.

Нет, подождите — в большинстве надписей была одна повторяющаяся тема. Небольшая тоненькая фигурка, несущая то, что напоминало снопы пшеницы. По крайней мере, это встречалось у египтян. Но подобные символы обнаруживались в ассирийской, вавилонской и троянской культурах. Фактически не было такой древней цивилизации, в которой эта тема не повторялась бы на стенах гробниц или храмовых гравюрах. Но, вспоминая обо всех своих визитах в музеи, он не мог вспомнить, чтобы видел такие частые повторения одной темы среди небольшого числа надписей, содержавших огромное множество других сочетаний, очень далеких от этого образа эту.

Маленькая фигурка как будто стала навязчивой идеей и превратилась в изобразительный символ, который один заслуживал подробной записи. Словно резные изо-

бражения на драгоценных камнях были простыми украшениями, предназначенными для того, чтобы выразить благодарность, или, возможно, просто чтобы указать на сильнейший трепет, который внушала фигура, и почтение, которое ей оказывали.

Теперь монолиты и куполообразную гору поглощала чернота, становившаяся все гуще и гуще. Внезапно исчез последний проблеск света, и тьма стала чернильно-черной и непроницаемой.

Он совсем ничего не видел, и у него возникло ощущение, что земля, на которой он стоял, растворялась у него под ногами, и он тонул в непостижимой пучине пустоты. Сначала погружаясь, а затем падая, его тело становилось все тяжелее, набирая скорость, так как оно мчалось вниз, двигаясь все быстрее, словно камень, который скинули в пропасть с вершины горы. После этого... казалось, не осталось ничего, что можно чувствовать или помнить.

Глава 9

Блэкмор почувствовал толчок прежде, чем услышал далекий, умоляющий женский голос. Он мог понять, о чем идет речь, по одному лишь тону, даже не вслушиваясь в слова. Слова для него ничего не значили, пока голос не стал намного ближе, и толчки прекратились. Женщина, державшая его за руку, решила, что одни слова, если она прошепчет их прямо в ухо, разбудят его так же быстро.

— Дэн, Дэн... пожалуйста. Открой глаза и посмотри на меня. Ты только что это сделал. Ты не помнишь?

Он не мог вспомнить. Но если Хелен так сказала, то, возможно, это было правдой, потому что в отличие от многих женщин, когда случалось нечто, что она могла навязать ему — она не видела причин держать это знание в себе.

В тот же миг, едва он открыл глаза и посмотрел на нее именно так, как она просила, все вернулось — слишком быстрый и неприятный переход... Змеиный укус, разрез, ее губы на его пятке, желудочные боли, и... резкие спазмы были сильными, очень сильными. Он думал, что скоро умрет. Но почему он не умер?

Хелен не дала ему времени вспомнить. Она наклонилась и целовала его, пока ему не пришлось умолять ее остановиться, потому что были вещи, о которых ему следовало немедленно узнать.

Неужели яд все еще действовал? Она пришла в отсек, чтобы быть с ним, когда...

— Ты знаешь, сколько ты спал? — спросила она, не отвечая на его вопрос; впрочем, такой вопрос вряд ли заинтересовал бы умирающего человека. Один лишь этот вопрос должен был показать, что его способность спать казалась ей таким обнадеживающим знаком, что

она едва могла дожидаться момента, когда сможет рассказать ему об этом.

— Нет, не знаю, — сказал он. — Думаю, тебе лучше...

— Просто откинься назад. Не пытайся садиться так быстро. — предостерегла она, как только он начал вставать самостоятельно. — Ты спал почти полтора дня. Мы с Филиппом входили и выходили, по крайней мере, пятьдесят раз, измеряя температуру и пульс, наблюдая, как спадает жар. Ты давно перестал метаться. Теперь все хорошо. По крайней мере, должно быть. У тебя нет температуры, и ты, определенно, довольно быстро меня узнал. О, сначала я боялась. Но то, как ты теперь говоришь...

— Я говорил мало, — напомнил ей Блэкмор. — Но я неплохо ориентируюсь, если ты это имеешь в виду. Разум более-менее чист. Но я еще не пытался передвигаться. Я не знаю, насколько я слаб.

— Ты, возможно, совсем не слаб, — сказала она. — Но тебе лучше подождать несколько минут, прежде чем начать двигаться. Никаких упражнений, дорогой. Не пытайся слишком напрягаться. Кажется, это была не ядовитая змея.

— Это была смертельно ядовитая змея, — ответил Блэкмор, тряхнув головой. — Как все гадюки. Мне просто повезло. При каждом укусе ядовитая змея выделяет разное количество яда. Есть множество выздоровевших, как упомянул Филипп. У меня были резкие боли в руках и ногах до того, как я потерял сознание.

— Да, я знаю. Ты долго стонал во сне. Бедный мой...

— Я собираюсь встать, — внезапно сказал Блэкмор.

— Нет, не надо. Это будет безумием...

— Мне надо выяснить. Нет смысла откладывать. Если у меня закружится голова, я упаду прямо на койку.

Прежде чем она снова начала протестовать, Блэкмор сел, и опустил ноги на пол. Через секунду он не только

стоял на ногах, но и ходил вдоль койки, распрямив плечи.

— Невероятно, — сказал он. — Я в полном порядке. Нет приступов боли. Я никогда не чувствовал себя лучше.

— Это потому, что ты ведешь правильный образ жизни. Не куришь и не пьешь. Это всегда помогает.

— Если бы мне пришлось отказаться от табака, я бы позволил той змее укусить меня снова, — сказал Блэкмор, — От выпивки тоже, как бы мало подходящих напитков мне ни попадалось. Если ты имеешь в виду, что ни мне, ни кому-то другому больше не стать пьяницей...

— Ты бы закурил прямо сейчас, если бы это помогло, — сказала Хелен.

— Помогло бы, — подтвердил Блэкмор, — К сожалению, Роджер забрал мой кисет для табака. Когда есть что-то, за что ты действительно благодарен, кажется, это всегда исчезает.

— Да, я тоже это заметила. Когда бы ты ни говорил нечто подобное, меня всегда шокировали такие мысли.

Внезапно все принужденное легкомыслие исчезло из глаз Хелен Блэкмор. Она крепко обняла мужа, прижав лицо к его груди, вцепившись в Дэна обеими руками. Он чувствовал, как влага сочится по волосам на груди.

— Если бы с тобой что-то случилось...

Она тихо бормотала слова, и они отдавались в его грудной клетке.

— Дэн, это бы и со мной случилось тоже. Если бы какая-то моя часть осталась на некоторое время, ходила и говорила с людьми, это была бы просто оболочка.

— Я так не думаю, дорогая, — сказал Блэкмор, поглаживая ее волосы. — Послушай, если бы все бесконечно носили траур по усопшим, мир превратился бы в колоссальное похоронное бюро. Я бы хотел, чтобы ты снова вышла замуж и была счастлива.

— На самом деле ты так не думаешь.

— Что ж, я...

— Все в порядке, большинство людей ожидает, что ты это скажешь — даже подумаешь и почувствуешь. Но ты и я, Дэн — нам не надо думать шаблонами. Не надо. Ведь то, что у нас есть, очень редко встречается.

Внезапно она насторожилась и отстранилась от его груди. Он не ошибался по поводу влаги. Ее глаза казались маленькими озерами, вертикально повисшими по обе стороны лица. Его охватил безумный страх, что вся эта вода может внезапно иссохнуть, и он быстро предотвратил катастрофу, смахнув влагу, очень нежно, своим большим пальцем. Она инстинктивно прикрыла глаза, дав ему возможность в десятитысячный раз полюбоваться нежной кожей век, испещренной тончайшими прожилками.

Наконец она смогла улыбнуться.

— Дэн, если курение тебе поможет, мне потребуется всего лишь минута, чтобы принести тебе этот табак. Ты можешь взять его сам, но мне бы хотелось самой рассказать хорошие новости Роджеру. И Филиппу тоже, конечно.

— Что ж, хорошо, — сказал он, — Но не уходи надолго, и, пожалуйста, возвращайся одна. Не то, чтобы их беспокойство ничего для меня не значит. Я чертовски сильно пострадал, и если бы он быстро не наложил жгут...

Он посмотрел вниз и топнул укушенной ногой.

— Кажется, теперь кровоток там хороший, — сказал он. — Когда Филипп снял жгут? Не позднее, чем через сорок пять минут, я полагаю. Я слышал, немного рискованно оставлять его более чем на полчаса.

— Мы оба пришли, чтобы посмотреть, как ты, примерно через двадцать минут, — ответила Хелен. — Филипп чувствовал, что тебе потребуется, по крайней ме-

ре, столько времени, чтобы заснуть; а если бы мы понадобились тебе, ты воспользовался бы коммуникатором, как он тебе и говорил. Ты спал, но беспокойно метался и стонал, когда мы заглянули. Филипп немного ослабил узел и вытащил деревянную щепку, которую он использовал, чтобы стянуть его. Примерно через час он полностью снял жгут.

— Это тоже рискованно, — сказал Блэкмор. — Но, полагаю, он считал, что если начнется гангрена, у меня вообще не будет шансов, и ему пришлось уравновесить эти риски.

— Пожалуйста, не надо! — воскликнула Хелен. — Я не хочу об этом думать. Это закончилось. Я принесу тебе табак.

Прежде чем она прошла через входную панель, расположенную прямо напротив его койки, Блэкмор сказал:

— Сейчас же возвращайся — одна. Я просто хочу тихонько посидеть здесь еще примерно пятнадцать минут, обняв тебя.

— Мне не нравится, когда табачный дым меня окружает, я говорила тебе это уже много раз, — ответила Хелен. — Но сейчас... это будет божественно.

Он сел на койку, как только панель закрылась, но не потому, что ошибся в том, насколько восстановил свои силы, а просто потому, что после сильной неопределенности и напряжения было более естественно сидеть, чем стоять. Кроме того, ему было нечего делать, пока она не вернется; казалось, просто гораздо легче сидеть, положив руки на колени, не отрывая взгляда от панели, ожидая, пока она снова откроется.

Проблема была в том, что она не открывалась так долго, что он забеспокоился и снова встал. Что могло задержать Хелен? И Фаран, и Роджер, определенно, нетерпеливо ждали ее возвращения с хорошими или пло-

хими новостями, и вряд ли находились далеко от отсека. Дэна немного удивило, что Фаран не пришел с Хелен, когда он проснулся, что при пробуждении он увидел только лицо жены. Но это можно было объяснить ее убеждением, что он вскоре откроет глаза, и решением остаться наедине с ним, когда это случится.

Но, определенно, Фаран, Гильда и Роджер находились снаружи, возможно, в конце коридора. Тогда почему ей потребовалось так много времени, чтобы забрать табак у Роджера?

Казалось, минуты тянулись, превращаясь в часы. Возможно, прошло не более пяти минут, но как он мог быть в этом уверен? Он потерял чувство времени. Кроме того, по сравнению с тремя минутами пять — это слишком много. Теперь он сожалел, что вообще заговорил о табаке. Он совсем не был важен.

Внезапно он осознал, что придавал этому слишком большое значение. Ничто не могло остановить его — следовало найти Хелен. В любом случае, он должен сказать Фарану, даже если Хелен уже сообщила ему: «Видишь, вот я, как всегда в превосходном состоянии. Мы с Хелен не скоро забудем то, что ты сделал для нас. Теперь мы с ней собираемся немного отдохнуть. Мы повесим табличку «не беспокоить» на панель, я насыплю этот тягучий, слежавшийся табак в трубку, которую, кажется, Роджер не оценил, и разожгу ее. Приходи в следующий четверг, мы выйдем наружу, и устроим пикник посреди пшеничного поля. Нет, в большом, экзотичном цветочном саду 500 057 года. Там нет жалящих виноградных лоз, или растений-людоедов, или чего-то подобного, насколько я смог установить. Змей? О, несколько штук, конечно — зеленые, как мамбы, и очень красивые, по крайней мере, по цвету. Но мы не позволим им напугать нас, не так ли? Если одна из них укусит кого-то, жгут и немного внимания к ране, прекрасно исцелят постра-

давшего. Мы будем новыми мужчинами и женщинами...».

Новый мужчина подошел к панели, активировал открывающий механизм и подождал, пока дверь откроется — он довольно сильно отличался от того мужчины, которым Блэкмор себя чувствовал, когда его тревога вышла из-под контроля несколько минут назад. Ему нужнее всего (теперь он это понял) сильный стимул для того, чтобы уверенно выйти наружу из узкого отсека. Это был лучший и самый быстрый способ наверняка убедиться, что вся его сила вернулась.

В момент, когда он вступил в коридор, все его беспокойство вернулось. Но не из-за того, что коридор был пуст. Фаран и остальные могли ждать немного дальше. А из-за тишины. Нигде не слышалось ни звука, ничего, что отдаленно напоминало далекое гудение голосов.

Такая тишина заставляет тебя чувствовать, что ты стоишь в вакууме, где нет среды, которая может переносить звуковые волны и передавать их тебе, даже если они и существовали за пределами вакуума. Нет, все было гораздо хуже. Как будто вся машина стала вакуумом, превратилась в точную противоположность эхокамеры, где все звуки исчезают в пустоте.

Прежде здесь всегда раздавались разные звуки. Даже стены из цельного металла постоянно издавали какие-то звуки, очень тихие сигналы, которых человек не слышал, но о которых как-то неосознанно подозревал. Беззвучный скрип неодушевленного материала. Сильнее всего это ощущалось в отсеке управления, рядом с замысловатыми рядами приборов. Никто не мог подойти близко к большому, безмолвному компьютеру, даже когда он не работал, и не заметить этого. Выключенный компьютер не выдавал проштампованные ленты. Но даже абсолютная механическая усталость после тяжелого труда могла заставить его испускать некие сигналы.

Механизмы, особенно сложные, никогда не прекращают жаловаться, и у металлических стен машины, которая совершила путешествие на тысячи лет в будущее, было больше поводов для жалоб, чем у самых усталых компьютеров.

Есть одна вещь, подумал Блэкмор, которую он должен сделать немедленно. Такие мысли были дикими, в самом деле, и, хотя он не мог отрицать, что в них имелась какая-то доля истины, но ему следовало прекратить раздувать их подобным образом. Его окружала просто неестественная тишина. Он уже испытывал это чувство много раз, но тишина редко бывала настолько резко выраженной, как сейчас. Впрочем, все это могло оказаться просто обманом чувств.

Другая мысль, которую ему не следовало воспринимать всерьез, даже несмотря на учащенное сердцебиение, была еще более тревожной: что-то произошло с Хелен и остальными, и он остался один в машине. Это тоже могло стать причиной тишины, так как отсутствие живого организма, который, по твоим убеждениям, мог находиться очень близко, рождало ощущение полной оторванности от жизни, даже более значительное, чем во время долгого периода уже привычного одиночества. Чем сложнее поверить в случившееся, чем более невероятной казалась неожиданная тишина — тем острее становилось осознание этого.

Он мог стоять прямо — и не стоило поддаваться тяжелым предчувствиям и сомневаться в собственных силах. В конце концов Дэн расправил плечи и двинулся быстрыми шагами вперед, к концу коридора.

Он преодолел первый поворот и миновал половину пустынного коридора, отходившего в сторону — и тут натолкнулся на Роджера.

Коридор был пустынен, когда он сделал поворот, Роджер почти в тот же мин вышел из-за острого угла стены в том месте, где коридор разветвлялся вторично.

Роджер преодолел разделявшее их расстояние странной походкой, наполовину шатаясь, наполовину прыгая; он двигался так быстро, что врезался в Блэкмора, прежде чем Дэн успел отскочить в сторону.

Тайсон проскочил бы мимо, если бы Блэкмор не лишил его равновесия и не обхватил руками; но этот жест был не дружеским объятием, а выражением гнева мужчины, который не хотел, чтобы его кто-то сбил с ног (неважно, друг или враг) без всяких извинений и объяснений.

Взгляд Роджера был полубезумным и диким — взгляд мужчины, которого подгоняло что-то увиденное или услышанное, который столкнулся с ужасным физическим насилием.

Но когда Блэкмор вцепился в него, Тайсон смог преодолеть невообразимый ужас, который остался позади, собрался с силами и заговорил более-менее вразумительно. С губ его сорвалось:

— Маладор сбежал! Я бегу за ним. Дэн, *не пытайся меня остановить*. Если ты попытаешься, мне придется заставить тебя отойти от меня. Я больше и сильнее тебя...

— Теперь послушай, — вспыхнул Блэкмор, — Если ты думаешь...

— О, ради Бога, как ты не можешь понять, что это не хвастовство, ничего подобного. Просто так случилось, что я так сложен. Ты знаешь, что я могу это сделать. И мне придется — если ты меня заставишь.

У Тайсона был странный взгляд. Блэкмор уже видел такой. Это был взгляд мужчины, который чувствует себя виновным до глубины души, потрясенным тем, что он сделал или сказал. Но у Блэкмора возникло ощущение

ние: он ничего не мог сделать с тем, что только что сказал Роджер, и любопытство пересилило его гнев.

— Хорошо, — сказал он. — Если ты хочешь, чтобы тебя убили, я не могу тебя остановить. Просто скажи мне одну вещь — и я отступаю, и позволю тебе сделать это. Где Хелен? Она в порядке? Если она была ранена, я пойду с тобой — и с тем мерзавцем покончу.

— Дэн, я сказал тебе. Я не то имел в виду. С Хелен все в порядке. Как и с Гильдой.

— А Фаран?

— Он парализован. Но это пройдет. Он пытался остановить Маладора, сразился с ним, и эта костлявая обезьяна применила этот... трезубец против него. Хелен и Гильда с ним. Уверен, он скоро оправится. Маладор все еще благодарен ему, думаю... он не хотел его убивать. Он хочет убить тебя.

— Понятно. Инстинктивная ненависть все еще не прошла. Он получил хороший шанс. Почему он им не воспользовался?

— Он думал, что воспользовался — *вчера*. Он думал, ты умираешь — или уже мертв. Ты не можешь отомстить мертвецу. Милостивый Господь, так всегда говорит Фаран. Что ж... это правда.

Внезапно Блэкмору показалось, что он начал сходить с ума. Он сильнее сжал плечи Тайсона и встряхнул его.

— Тебе придется помочь мне понять. Затем я позволю тебе уйти. Как он мог пытаться убить меня? Змея попыталась, и у нее это почти получилось. Но что мог Маладор сделать с...

— Все, — ответил Тайсон, — Он заставил тебя наступить на эту змею с помощью своего разума. Он знал, что она была там. Он... ну да, ясновидящий. Также у него есть гипнотические силы — экстрасенсорные гипнотические силы.

— Я не могу в это поверить. Маладор...

— Дэн, послушай меня, — умолял Тайсон. — Он заставил меня выпустить его из отсека. Ему не пришлось использовать трезубец, он просто приказал мне отпустить его, и я отпустил. И он вышел из отсека с трезубцем. Возможно, он не мог сделать этого раньше. Я уверен только в том, что он однажды пытался, и успешно, заставить меня... подчиняться ему. Слова вязнут у меня во рту, но я все же могу это сказать. Я зашел в приборный отсек и поменял показатели на трех приборах. Вот почему машина сбилась с курса во Времени. Вот почему мы здесь.

— Он заставил тебя... Ты имеешь в виду, ты находился под воздействием гипнотических чар?

Тайсон кивнул.

— Я был в трансе — оба раза. В первый раз он был таким глубоким, что я вышел из него, не зная, что наделал. В этот раз я точно знал, что делаю, что происходит вокруг меня. Но все равно я был вынужден подчиняться ему. Может быть, он добился этого, направив все свои силы на то, чтобы заставить меня выпустить его. Я не мог поднять руку, чтобы помочь Филиппу, когда он боролся с Маладором. Но я мог видеть, знаю. В одном случае гипноз может быть сильнее, а в другом слабее. Это могло случиться...

— Но откуда ты мог знать, что сделал, когда был в трансе первый раз?

— Я сложил два и два. Я не могу быть абсолютно уверен, конечно. Но не кажется ли логичным, что это так и произошло? Были сделаны поправки в настройках. И никто, кроме меня, не мог сделать этого. Я был один в приборном отсеке, когда ты пришел с Фараном и твоей женой. Гильда находилась в своем отсеке в противоположном конце машины.

Голос Тайсона изменился, стал более умоляющим, почти поражающе жалобным.

— Отпусти меня, Дэн. Не заставляй меня сражаться с тобой. Я выиграю, ты знаешь, и это совсем не пустая похвальба. Мне надо пойти за ним и вернуть его назад.

— Ради всего святого, зачем? — вопрошал Блэкмор. — Если он может заставить меня наступить на ядовитую змею и подчинить тебя гипнотическим приказом, его возвращение может быть самоубийственным. У него есть триединое оружие, к которому он может прибегнуть, если не сможет повторить то, что раньше проделал с тобой. Какие у тебя будут шансы? Невооруженный, как ты...

Тайсон покачал головой.

— Я не такой дурак. Он не взял второе оружие — смертоносное — с собой. Филипп сделал доступ к нему очень сложным, и Маладор забыл заставить меня принести оружие. Я иду, чтобы взять его.

— Он не забыл. Я уверен в этом. Если то, что ты рассказал о нем, правда, то у него еще много средств в запасе; ему не стоит беспокоиться о том, что ты последуешь за ним. Только я не могу представить, почему он захотел исчезнуть, если подумал, что я мертв, и он может убить тебя и Хелен. Я могу понять его желание пощадить Фарана и его дочь в знак благодарности, но в противном случае...

— Должно быть, это какая-то ошибка — вроде слепого пятна в его мышлении — или он заставил бы меня принести более мощное оружие, — ответил Тайсон. — Поэтому все, что я сказал о забвении, все еще действует. Определенно, это оружие нужно ему где-то там.

— Я знаю, — уступил Блэкмор. — И это наша лучшая надежда. Ты не понимаешь? Позволь ему там остаться. Он будет человеком двадцать второго века во времени, в равной степени незнакомом ему и нам. В опасном времени со множеством неизведанных ловушек...

— Нет, — сказал Тайсон, мотая головой. — Я не могу представить, что сделаю это. Мы не знаем, что он может замышлять. Экстрасенсорный гипноз — это нечто особенное. По всей видимости, он может действовать на расстоянии. Ему не надо смотреть на меня или говорить со мной. Он просто тихо сидел в отсеке и заставлял меня выполнять его приказы. В первый раз, я имею в виду. И даже во второй раз.

— Предполагается, что любой гипноз — это самогипноз, — продолжил он после паузы. — Ты смотришь в глаза гипнотизера или на яркий свет, а на самом деле ты вводишь себя в транс. Что-то вроде истерии овладевает тобой. Затем, конечно, ты начинаешь подчиняться словесным приказам гипнотизера. Ты либо немедленно делаешь то, что он приказывает, или делаешь это после пробуждения на основе пост-гипнотического внушения, которое он внедряет в твой разум. Но когда ты совсем не видишь и не слышишь гипнотизера...

Тайсона била дрожь; Блэкмор это чувствовал, сжимая пальцами плечо мужчины.

— Тебе придется меня отпустить. Его нужно вернуть. И мне не важно, насколько велик может быть риск.

— Ты кое-что забыл, — заметил Блэкмор. — Если то, что ты сказал, правда — всегда было известно, что гипноз — это насилие. Предполагается, что ты не можешь заставить загипнотизированного человека сделать что-то, нарушающее его моральные принципы — или каким-то образом вызывающее внутренний протест. Очень легкое сопротивление иногда можно преодолеть убеждением, но это требует немалого умения. Вот почему я сомневаюсь, то Маладор мог заставить тебя...

— Ты полагаешь, что я хотел вывести машину из-под контроля? Или убедиться, что змея укусит тебя или даже вывести Маладора из отсека, чтобы он мог рисковать

жизнью, как ты сказал, в неизвестном мире? Потому что если ты...

— Ты мог неосознанно хотеть того, о чем сейчас говорил, — сказал Блэкмор. — Но давай решим так. Ты мог испытывать бессознательный страх, постоянное опасение, что машина может выйти из-под контроля — в следующем путешествии Филиппа. И Маладор мог оказать на тебя экстрасенсорное влияние и заставить *разыграть* то, чего ты боялся, в состоянии, подобном трансу. Ты не хотел, чтобы это случилось, но твой страх перед возможным вынудил тебя реализовать эту возможность. Это словно... да, как будто ты во сне стоишь на высоком утесе, и у тебя появляется неконтролируемый импульс броситься на камни далеко внизу. И не всегда во сне.

— Но разве это объясняет, как Маладор заставил тебя наступить на змею? Я и этого тоже боялся?

— Я не уверен, — сказал Блэкмор. — Ты, на самом деле, мог испугаться чего-то подобного, когда увидел, как я спускаюсь в болотистый цветочный сад между гигантских ветвей.

— Но это должно означать, что я, а не Маладор, находился в экстрасенсорном контакте с твоим разумом, — заметил Тайсон. — В таком предположении нет смысла.

— Возможно, тройная коммуникация... — ответил Блэкмор. — Но ты прав. Это вызывает сомнения. Я просто пытаюсь заставить тебя понять: Маладор может быть не настолько опасен для нас *где-то там*, как ты, кажется, думаешь. Может быть, есть другой способ объяснить случившееся. Он может быть... да, вероятно, он — ясновидящий. И он может ввести тебя в транс — экстрасенсорный транс. Но возможно, это и все.

— Спрашиваю в последний раз, — решительно произнес Тайсон. — Ты отпустишь меня? Я иду за ним.

Блэкмор внимательно посмотрел на него.

— Прежде чем ты натолкнулся на меня, я посмотрел тебе в лицо, — сказал он. — Казалось, ты не отправляешься в погоню за Маладором, а убегаешь от чего-то. Как будто тебя самого преследовали фурии. Мы можем продолжить аналогию с Эсхилом. Тот трезубец заставил тебя задуматься, как выглядел бы Посейдон, прогуливающийся вдоль пляжа в Коннектикуте. Может, ты убегал от чувства вины, Роджер? Поэтому ты так спешишь рисковать своей жизнью где-то там? Или это путь искупления — ты не можешь простить себя за то, что сделал? Если так — заклинаю тебя: позабудь это! У тебя нет провинности, которую надо искупить. Это могло случиться со мной, с Филиппом — с кем угодно.

— Будь ты проклят! — вскипел Тайсон. — Когда ты чувствуешь, что у тебя нет времени на размышления, может показаться, что ты убегаешь от чего-то — дело в том, что все по-настоящему важное находится впереди. Не пытайся больше залезть мне в мозги...

Внезапно он перестал злиться. Блэкмор увидел, чего стоила ему эта попытка, и те чувства, которые он всегда испытывал по отношению к Тайсону — на секунду они пропали — снова вернулись.

— Извини, — сказал Тайсон. — Я знаю, ты просто пытался помочь мне, облегчить мое состояние после случившегося. Конечно, я чувствую вину. Я должен. Ты не знаешь...

— Думаю, что знаю, — сказал Блэкмор. — И я повторяю снова — забудь это.

— Я не могу. Но есть еще кое-что помимо моей неспособности простить себя. Маладор должен быть здесь, с нами, чтобы все мы охраняли его. Если он снова там, где он был, без трезубца и... Ох, черт, разве ты не понимаешь? Ему будет трудно ввести всех нас в транс. Ты можешь связать меня по рукам и ногам, если потребуются.

— Ты имеешь в виду, что... некоторых людей нельзя загипнотизировать, даже используя экстрасенсорные силы. Это правда, конечно. Так происходило со мной, каждый раз, когда случались подобные попытки. Я не хвастаюсь, напоминаю тебе — я просто таков от природы.

— Хорошо, я заслужил это.

— Я не могу поверить, что он может ввести тебя в транс в любое время в любом месте, — быстро продолжал Блэкмор. — Или это на самом деле был экстрасенсорный гипноз, несмотря на тот факт, что ты выпустил его. Что касается змеи, я мог наступить на нее без постороннего вмешательства. Но, допустим, ты прав — ты вполне можешь быть подвержен влиянию. Если у него есть такая власть над тобой — или даже меньшая — как ты можешь надеяться вернуть его? Не важно, чем ты вооружен...

— Я могу попытаться, — сказал Тайсон.

— Нет, ты не будешь даже пытаться, — сказал Блэкмор. — Я тебе не позволю.

— Ты не позволишь...

— Если кто-то выйдет туда с этим оружием, это буду я, — сказал Блэкмор, — И мне придется подумать об этом, потому что я совсем не уверен, не будет ли лучше, если Маладор уйдет, наступит на ядовитую змею или станет жертвой какой-то иной, неведомой силы. Это жестокие слова, но, может быть, лучше бы нам никогда больше его не видеть.

Гнев Тайсона вернулся.

— Прекрасно, Дэн. Ты собираешься остановить меня. Только в одном весе у меня преимущество перед тобой в пятьдесят фунтов. Я почти на фут выше, и у меня намного больше сил. Пропусти меня, Дэн. До этого я не шутил, но сейчас я еще серьезнее.

— Спасибо, что не упомянул про разницу в возрасте, — сказал Блэкмор. — Некоторые мужчины начинают разваливаться после тридцати.

— Не заставляй меня делать это. Я мог бы, ты знаешь, потому что даже если бы ты был ровесником Филиппа, мне бы пришлось применить силу, если бы не осталось иного выбора. Вот как сильно я хочу догнать его.

— Хорошо, — сказал Блэкмор. — Попытайся вырваться.

Тайсон сделал быстрый шаг назад, почти освободив плечо и потянув за собой Блэкмора.

Блэкмор сделал всего три движения. Первое — удар вверх, второе — удар вниз, а третье — поворот, закончившийся броском. Все движения были выполнены быстро, как магические пассы.

Тайсон посмотрел на него с пола, его тело отражалось на металлической поверхности, несколько неясных линий скользили по светлому металлу тут и там. Но того физического повреждения, которое появилось в результате первого движения — легкой, красноватой припухлости в районе челюсти, — в отраженной картинке не было заметно.

Сначала Тайсон ничего не говорил — просто лежал там, где упал, с сильным недоверием в глазах. Затем он внезапно начал смеяться.

Блэкмор обнаружил, что тоже смеется.

Тайсон быстро поднялся на ноги, все еще смеясь и смахивая невидимые частички пыли с одежды, как будто забыл, что чистый металлический пол сильно отличался от коннектикутского пляжа, покрытого наносным песком.

— Я всегда чувствовал, что мужчина, который не может признать поражение и принять его спокойно, не стоит и выеденного яйца, — сказал он. — Не уверен, что

снова скажу это, если не смогу повторить то, что ты сейчас сделал.

— Буду рад в точности показать тебе, как я все сделал, — ответил Блэкмор. — Уверен, ты сможешь овладеть этим всего за пару уроков. Мне потребовалось намного больше времени.

— Нет, спасибо, — сказал Тайсон. — Если бы здесь был кто-то еще, на ком ты мог бы продемонстрировать свой прием, я бы мог заняться этим. Но так как это снова буду я...

— Тогда в другой раз.

— Да, это мне подходит. Должно быть, ты подумаешь, что я сумасшедший, но клянусь тебе, не бросок на пол заставил меня передумать. Ох, полагаю, и он, в какой-то мере, потому что удар достаточно встряхнул меня, и я смог принять твои последние слова всерьез. Ты сказал, что тебя нельзя загипнотизировать. Я правильно слышал, когда ты сказал это, но не сделал выводов, пока не ударился об пол. Действительно, надо идти тебе, и, конечно, я пойду с тобой, если ты позволишь. Обдумай это, прежде чем решить, что со мной все в порядке. Может быть, ты и прав; для нас будет безопаснее, если Маладор останется снаружи. Может быть, нам лучше все обдумать по ходу дела.

— Мне нужно было сделать это, после того как я схватил тебя, — сказал Блэкмор. — Мне надо было знать, почему ты врезался в меня, а когда ты сказал мне, что выпустил Маладора, находясь в трансе, и преследуешь его, я почувствовал, что мне придется привести тебя в чувство любым способом. Но если бы я узнал, что на это потребуется так много времени, я бы позволил тебе уйти и добрался бы до Филипа. Тот факт, что Хелен и Гильда с ним, не означает, что паралич пройдет.

— Я уверен, что пройдет. Возможно, уже прошел.

— Почему ты так уверен?

— Я говорил тебе. Я знаю, что могу доверять своим ощущениям: Маладор не хочет причинять серьезный вред Филиппу или Гильде. Я должен был остаться с ним. Но я потерял голову. Я мог думать только о том, как схватить оружие и догнать Маладора прежде, чем он проложит путь в растительности, которую ты пересек за пять минут. Скорее всего он уже достиг ее конца...

— Будем надеяться, что Филипп не мечется в темноте, которая никак не рассеется, — сказал Блэкмор. — Пойдем, нам надо это выяснить.

Они были в конце коридора и поворачивали в более широкий, когда Тайсон сказал:

— Потратив так много времени, приводя меня в чувство, ты, возможно, спас мою жизнь. Я не упоминал это, но она может быть ценна.

Глава 10

Фаран сидел на полу в нескольких футах справа от иллюминатора, втянув голову в плечи. Он прислонился к стене и не попытался встать, когда Блэкмор и Тайсон вошли в отсек. Не сдвинулась с места и Гильда, которая стояла на коленях и прижимала влажную тряпку ко лбу отца.

Хелен Блэкмор тоже стояла на коленях, но она быстро поднялась и направилась к мужу.

— Теперь с ним все в порядке, — сказала она. — Но сначала мы ужасно испугались. Роджер рассказал тебе, что случилось? Должно быть, рассказал, иначе вы не были бы вместе.

— Он рассказал мне, — сказал Блэкмор, кивнув. — Когда ты не вернулась, я испугался... я не думал, что тебя задержало что-то настолько серьезное. Но у меня было чувство, что случилось кое-что необычное.

— Это было необычно, правильно, — сказал Фаран. Его голос звучал на удивление твердо, и в его глазах не было сомнений; он явно сохранил способность мыслить ясно.

Внезапно он посмотрел на Тайсона почти осуждающе.

— Я едва успел взглянуть на тебя, когда боролся с ним, — заметил он. — Казалось, ты просто стоял, прислонившись к стене, и ничего не делал, чтобы помочь мне. Ты мог бы попытаться сбить его с ног, когда он повернулся к тебе спиной, перед тем, как воспользоваться своим оружием. Но я не упрекаю тебя, Роджер. Не пойми меня неправильно. Я просто удивлен. Ты мог быть слишком сильно напуган и не мог мыслить здраво. Как ты думаешь, как он выбрался? У тебя есть идеи?

— К сожалению, у меня есть очень хорошая идея, — сказал Тайсон. — Я выпустил его.

— Что ты сделал?

Блэкмор опустил руку на плечо Тайсона.

— Позволь мне рассказать ему, Роджер.

— Рассказать мне что? — вопрошал Фаран. — После того, что ты только что сказал... разве об этом еще надо говорить...

Блэкмор подошел к тому месту, где сидел Фаран, и опустился пониже, согнув левую ногу и поставив правое колено на пол. Ему пришлось немного наклонить голову, чтобы она оказалась на одном уровне с ухом Фарана. Фаран отнял влажную ткань со лба и вернул ее дочери, которая все еще сидела на коленях прямо напротив Блэкмора и, казалось, не хотела подниматься.

— Мне это не нужно, — сказал он. — Встань, Гильда. Дэн должен мне кое-что сообщить, и ты, возможно, не захочешь это слышать.

— Если Роджер выпустил Маладора, — сказала Гильда, — тогда, уверена, нет ничего, о чем я бы предпочла не знать. Должно было случиться что-то, не оставившее ему выбора.

— У меня и правда не было выбора, дорогая, — подтвердил Тайсон. — Но это не может оправдывать все, что меня вынудили сделать. Дэн думает, что я чокнутый, раз так думаю. Я сознаю, что в этом нет смысла, но мне надо быть честным. Возможно, если бы я сильнее сопротивлялся...

— Это нас ни к чему не приведет, — сказал Фаран. — Хорошо, Дэн. Роджер открыл панель и выпустил Маладора. Он признался в этом. И судя по тому, что он только что сказал, ты как будто ты собираешься оправдывать его. Но я хочу услышать все. Затем я самостоятельно приму решение.

Блэкмор рассказал ему все, ничего не утаивая.

Мгновение Фаран молчал, его губы сжались в тонкие ниточки. Затем он сказал:

— То, что я собираюсь сказать, может удивить тебя. Я не разделяю ни одно из твоих сомнений, Дэн. Ты пытался рационализировать случившееся, проявив замечательную остроту ума, ты предложил психологически убедительную интерпретацию того, что, по-твоему, могло произойти. Без сомнений, ты преуспел — или почти преуспел — убедив Роджера в том, что Маладор может быть ясновидящим и обладать даром экстрасенсорного восприятия, необычным во многих отношениях, но он не может загипнотизировать человека, которого не видит, и добиться абсолютного, беспрекословного подчинения каждому приказу. Он может заставить тебя наступить на ядовитое пресмыкающееся и, возможно, даже натравить это пресмыкающееся на тебя с помощью осознанного усилия воли, усиленной экстрасенсорно.

Выражение лица Фарана стало мрачным.

— Думаю, он способен даже на нечто большее. Думаю, он может обладать силой передвижения и сотрясения.

— Силой... передвижения и сотрясения?

Фаран кивнул.

— Да, может передвигать предметы на расстоянии, поднимать их в воздух и раскручивать их. Возможно, даже телепортировать огромные камни на существенное расстояние. Было зафиксировано много таких случаев. Это называется *психокинез*.

— Нет, Филипп! — возразила Хелен Блэкмор. — Ты не можешь на самом деле в это верить.

— Думаю, это вполне возможно, — сказал Фаран. — Но не думаю, что это слишком вероятно. Я склонен думать, что рассказ Роджера был близок к истине — Маладору пришлось потрудиться, чтобы заставить Роджера освободить его; сначала он мог только загипнотизиро-

вать Роджера на поверхностном уровне и вынудить его изменить настройку циферблатов. В противном случае он бы исчез раньше.

— Но что заставило тебя так... — Блэкмор редко утрачивал дар речи, но в этот момент он почувствовал, что язык его сжали незримые тиски.

Казалось, Фаран догадался, о чем он собирался спросить, так как в его глазах выразилось полное понимание.

— Ты, естественно, интересуешься, почему я так уверен в том, что Маладор больше, нежели просто ясновидящий. Я основываюсь на том, что случилось с Роджером, и на других обстоятельствах, куда более важных.

Я бы не сказал, что уверен на сто процентов. Есть совсем небольшая возможность, что ты можешь быть прав, Дэн — что на самом деле он не гипнотизировал Роджера, а просто сделал его более восприимчивым к бессознательным импульсам, которые уже зародились в его голове. Он направлял мысли Роджера и руководил ими, другими словами, те действия, которые предпринимал Роджер, были вызваны его собственными бессознательными страхами.

Но вот что заставило меня подумать, будто он принудил Роджера к повиновению более прямым и эффективным способом... что ж, нам известно о скрытых силах разума. На Востоке много веков назад раскрыли весь потенциал таких сил. Значимость этих открытий ошеломляет. Если ты возражаешь — значит, в твоих знаниях попросту очень большие пробелы.

Индийский трюк с веревкой. Может ли кто-то в здравом уме поверить, что все начинается и заканчивается этим... что восточные провидцы и так называемые «святые» много веков не демонстрировали чудеса телепортации, анабиоза, ясновидения, которые не просто проявляются на мгновение, но охватывает огромные об-

ласти опыта, о котором западному миру известно очень мало.

— Но Маладор прибыл не с Востока, — возразил Блэкмор.

— Откуда ты знаешь? На самом деле, он никогда не был на Востоке. Он прибыл из Западной Европы, из региона, граничащего со Средиземноморьем, которое в двадцать втором веке — уже не часть Франции. Но одно лишь то, что ты даже не спросил меня, откуда он прибыл, с Востока или с Запада, уже поможет тебе понять, почему я так о нем думаю.

— Боюсь, что я не понимаю...

— Почему ты не спросил меня? Это первый вопрос, который ты должен был задать, это самая естественная вещь в мире для человека, который путешествовал во времени, — нарисовать для тебя карту. Географические черты региона — его точное местоположение — должны вызывать наибольшее любопытство. Но ты даже не спросил. Сказать тебе, почему?

— Если это поможет мне понять, то, полагаю, да. Но это очень странно. У меня было чувство, что мне не надо даже спрашивать — что я знал.

— Ты думал, что знал — и ты почти не ошибся. Только чуть-чуть. Ты думал, что он должен родиться в стране, очень похожей на Индию, где призрак голода может обратить мысли людей внутрь, чего никогда не было на Западе, несмотря на болезнь растений, несмотря ни на что.

Когда я описывал то время, тебе на ум пришли тысячи истощенных мужчин и женщин, полуобнаженных, отчаявшихся, ищущих спасения от несчастий с помощью добровольного мучительного самоанализа, который в Индии, как нам известно, на самом деле на протяжении многих лет увеличивал скрытые силы разума.

Созерцание, постоянное размышление, призыв внутренней силы противостоять лишениям окружающего мира, которые, в ином случае, были бы невыносимыми. Слабейшие убивали или были убиты в отчаянной борьбе за спасение от голода. Другие, сильнейшие, смогли выжить, с небольшим количеством еды или без нее, и превратились в такие изможденные скелеты, как Маладор. Это случалось в Индии много веков назад, и в двадцатом веке тоже, конечно; это и могло случиться где угодно на земле в двадцать втором веке, потому что мир, который я посетил, был везде одинаков.

В двадцать втором веке должно быть много маладоров. Истощенные скелеты, наделенные силами разума, развитыми настолько, что они кажутся почти безграничными.

Мы думали, что Маладор не отличался ото всех остальных, которые умоляли нас спасти их, падали на колени, рыдали...

Но теперь я почти уверен, что он был одним из сильнейших, способных, как я уже говорил, передвигать и сотрясать объекты. Это не означает, что он отказался от еды. Голод и близкие к нему состояния всегда неприятны. И если он был одним из сильнейших, Дэн, то его ненависть к тебе может быть всепоглощающей. Возможно только одно отличие — внутренняя сила сделала его в сотни раз более опасным, в тысячу раз более решительным, готовым отомстить за перенесенные мучения.

— Ты хочешь сказать, что развитие скрытых сил разума не всегда превращает мужчин и женщин в святых... — сказала Хелен Блэкмор.

— Точно, — подтвердил Фаран. — Я чувствую себя намного лучше, но не поэтому. Думаю, я могу подняться, и отсек больше не будет кружиться, как было минуту назад.

— Хорошо, давай попробуем, — сказал Блэкмор.

Он твердо взял Фарана за руку, но когда Тайсон двинулся к нему, Гильда жестами остановила его.

— Папе не нужна такая помощь, Роджер, — сказала она. — Мы с Дэном позаботимся о нем.

Казалось, она произнесла что-то удивительное; на долю секунды в голове Блэкмора промелькнула мысль, что это могло взволновать его в каком-то другом времени, столь же отдаленном во Времени, в прошлом или будущем, в том мире, где единственная женщина, которая для него важнее тысяч других, могла бы не войти в его жизнь.

А если Гильда, вопреки собственному желанию, не могла окончательно простить Роджера за то, что он сделал, и позволяла ему думать, что у него есть соперник, которого ей не было необходимости прощать...

Это была безумная мысль, и в тот миг, когда Фаран встал на ноги, Блэкмор увидел, насколько он ошибался: Гильда направилась прямо к Роджеру, схватила его за руки и нежно поцеловала в щеку.

— Я был готов поверить, когда паралич начал проходить, что Маладор каким-то образом действительно позаимствовал это оружие у Посейдона, — сказал Фаран, криво улыбаясь. — Бог моря также должен владеть скрытыми силами — довольно необычными, если Гомер не был наглым вруном. Кто знает? Когда-то в древности мог жить такой человек, как Маладор, и греки позднее стали боготворить его.

— Бог шторма и кораблекрушений, — сказал Блэкмор. — Да, я бы в такое поверил.

— Возможно, он ненавидит и саму землю, и всех земледельцев, — подхватила Гильда. — В этом есть смысл. Он мог быть худым и голодным богом, и когда он увидел поле золотой пшеницы, он потряс в ярости трезубцем, начался шторм, и землю затопило.

— Если бы такой человек, как Дэн, вырастил ту пшеницу, уверен, Гомер не позволил бы об этом забыть, — сказал Фаран.

— Возможно, не позволил бы, — сказал Блэкмор. — Он мог превратить меня в Циклопа. Одноглазого и близорукого. Полифем был неправильным земледельцем.

— *Дальновидным*, ты имеешь в виду, — ответил Фаран. — Твоя пшеница создала города, которые мы видели. Близорукий Циклоп не мог бы такого сделать. Вдобавок у тебя нет ничего общего с Циклопом, кроме того, что ты гигант.

Прежде чем Блэкмор успел сделать замечание об абсурдности этого сравнения, в отсеке случилось то, чего боялся Фаран — по крайней мере, для себя. Отсек начал кружиться.

Глава 11

Помещение качалось и кружилось, весь отсек двигался, но не как корабль на море, взмывающий на гребень высокой волны, а затем опускающийся. Не хватало жесткости, скорости, неустойчивой качки корабля, попавшего в шторм. Но из-за этого движение не становилось менее пугающим, так как пол наклонялся под опасным углом, прежде чем снова выпрямиться, угрожая сбросить обитателей на пол.

Только Фаран не беспокоился. На его лице было написано обычное огорчение; он немедленно снова сел, явственно полагая, что это волна головокружения накрыла его, заставляя отсек качаться и кружиться.

Затем, внезапно, выражение досады исчезло из его глаз, и его сменил такой же сильный страх, как тогда, когда он впервые обнаружил, что датчики переключены и машина полностью вышла из-под контроля и не может прекратить полет сквозь Время.

Беспокойство Блэкмора, который видел, как Фаран опустился на пол, помешало ему удержать равновесие, как всем остальным, и он упал на колени, когда Фаран встал; крики Гильды отражались эхом в его ушах. Хелен просто сделала вдох, но такой резкий, что он поверил, что услышит этот звук, хотя она находилась в трех или четырех футах от него, а совсем не рядом.

Она оказалась еще ближе к Дэну, когда он встал на ноги; колебания усилились, и она уцепилась за Блэкмора, чтобы удержаться на ногах.

Внезапно качка закончилась, и отсек снова стал абсолютно неподвижен. Но иллюминатор был облит снаружи тем, что казалось сплошной стеной пламени.

Затем пламя появилось и внутри отсека; оно танцевало на стенах, растекаясь по полу расширяющимися

знаменами, которые оборачивались вокруг Тайсона и Гильды, скрывая их из вида, и затем превращались в тонкие струйки, словно исходящие из пасти дракона.

Иногда драконьи языки разветвлялись; одна огненная нить опустилась и обвилась вокруг головы и плеч Фарана. Казалось, его волосы объял огонь. Хелен закричала как Гильда, и обмякла в объятиях мужа.

Блэкмор отступал с ней к противоположной стене, когда пламя утратило силу. Оказалось, что никто не пострадал. Тайсон и Гильда дрожали что было сил, губы их посинели. Но их одежды не повредил огонь, а на руках и лицах не осталось следов. Волосы Фарана тоже не сгорели. Огонь их даже не касался.

Блэкмор мог только надеяться, что иллюзорное безжалостное пламя не причинило ранений, которые были невидимы и не поддавались излечению. Но взгляд, которым они обменялись с Фараном, показывал: никому из них не нанесли душевных травм, по крайней мере, значительных. Тайсон с Гильдой поднялись, опустив руки, осмотрев себя со значительно меньшим ужасом; впрочем, окончательно преодолеть страх не удалось.

Только Хелен Блэкмор замерла без сознания в объятиях мужа. Дэн посмотрел на Фарана почти осуждающе, когда опустил ее на пол.

— Она упала в обморок, когда увидела, как пламя охватило твою голову, — сказал он. — Попробую растереть ей запястья. Надеюсь, это поможет.

— Ничего не делай, — сказал Фаран — Просто дай ей дышать свободно, и она восстановится. С ней будет все в порядке.

Он развернулся и нетвердой походкой направился к иллюминатору; на мгновение Блэкмора разозлило то, что он ошибочно принял за отсутствие беспокойства. Затем он увидел, что за оконным стеклом все еще виден свет. Он больше не напоминал стену пламени, но это

нисколько не успокаивало. Блеск стал менее ярким, но Блэкмор знал по своему опыту (однажды он чуть не погиб, пытаясь потушить огонь), что со слабым огнем, который распространяется во всех направлениях, справиться труднее, чем с одним устойчивым мощным очагом пожара.

Он стоял на коленях рядом со своей женой, растирая ей запястья, не думая о словах Фарана, и умолял ее открыть глаза — и тут его слуха коснулся голос Тайсона. Он так же умолял Гильду, но не пытался пробудить ее от глубокого обморока, а просто делал все возможное, чтобы успокоить ее.

— Качка прекратилась, пламя прекратилось, и больше ничего не случится... по крайней мере, какое-то время. Если это Маладор, и это лучшее, что он мог сделать... Ты не понимаешь, что это означает? Он нанес удар, и у него ничего не вышло.

— Я ужасно напугана, Роджер, — голос Гильды был едва слышен, словно полусшепот, задыхающийся, отчаянный. — Это был настоящий огонь, не просто отражения света. Как ты всегда утверждал...

— Не всегда, нет. Мы не обгорели. Не было жара.

— Но я чувствовала, как они обвиваются вокруг меня. Был легкий жар. Пожалуйста, Роджер... не отрицай это. Ты знаешь, что это правда. В следующий раз...

— Пламя снаружи довольно реально! — резко вмешался Фаран. — Растительность горит. И машина двигалась. Немного. В этом нет сомнений...

— Папа, как ты узнал?

— Цветущие растения — самые большие — уже не так близко, как были прежде. Расположение всех объектов изменилось. Огонь заставляет их отступать.

— Ты уверен? — снова раздался голос Роджера.

— Да... да. Я уверен.

Блэкмор не посмотрел в сторону иллюминатора и не направился к Тайсону и Гильде. Он не отрывал взгляда от лица своей жены, а рук — от ее запястий. Он был рад, что не ушел; теперь Хелен зашевелилась, и кровь прилила к ее лицу.

Внезапно она открыла глаза и посмотрела на него. Дэн был почти уверен: он угадал, когда она обо всем вспомнила — ее зрачки затрепетали и расширились.

Через секунду она сидела, ее пальцы вцепились в его запястья.

— Не двигайся, дорогая, — умолял он. — С Филиппом все в порядке. Как и с Роджером, и с Гильдой.

— Но я не в порядке. Я никогда так ужасно не путалась. Я внутри дрожу и я... я не могу это остановить. Как Филипп может быть в порядке? Его голова была в огне.

— Говорю тебе, он в порядке. Пламени не было.

— Я его не вижу. Где...

— Я здесь, — сказал Фаран, быстро отходя от иллюминатора и приближаясь к тому месту, где сидела Хелен. Он встал у нее за спиной, положив руку на плечо женщины еще до того, как Блэкмор смог окинуть взглядом отсек.

— Мы все еще в опасности, — сказал он. — Потому что растительность снаружи горит, а машина находится прямо в центре пожара. Огонь снаружи может быть достаточно сильным, чтобы уничтожить машину. Это просто предположение, конечно, но, думаю, когда огонь проникает через толстый металлический барьер, он теряет большую часть своего жара. Как будто безвредный лучик света кружится над нами — за исключением того, что это не безвредный лучик света, а жестокая сила, которая способна воздействовать на нас.

— Думаю, что ниже красного уровня видимого спектра находятся тепловые, инфракрасные или какие-то

другие лучи, способные преодолевать металлический барьер, — заметил Блэкмор. — Они должны быть горячими и невидимыми.

— Конечно, они должны быть такими, — сказал Фаран, — Только одно в них не так. То, что должно было произойти, с ними не происходит.

— Но как видимый свет может проникать через не-прозрачный барьер? — упорствовал Блэкмор.

— Я не знаю, — ответил Фаран. — А ты?

— Минуту назад ты говорил так, будто знаешь, — не мог не заметить Блэкмор. — Ты основывался на догадке, что Маладор точно знает, как продолжить индийский трюк с веревкой. Я все еще не вполне разделяю эту точку зрения, но если ты и Роджер, кажется, думаете, что во всех частях Вселенной сокрыты невидимые письмена — что в этом странного? Если ты прав, я имею в виду.

Прежде чем Фаран успел что-то сказать в ответ, голос Роджера заставил его обернуться и позабыть на секунду о жене. Тайсон и Гильда пересекли отсек и теперь остановились у иллюминатора.

— Во чтобы ты ни верил, Дэн, — сказал Роджер, придвигаясь на шаг ближе, — нам надо что-то с этим делать. Если Маладор смог сдвинуть машину — что там не смог сделать свет, уже не важно. Это может означать, что мы полностью в его власти, пока он... то ж, пока он не остановится. Его можно остановить только одним способом, и я не думаю, что нам нужно и дальше это отрицать. Думаю, ты знаешь, что о каком способе идет речь, Дэн. Он утратил все права на жизнь.

— О, черт! — пробормотал Блэкмор. — Что заставляет тебя думать, что я отступаюсь? Если бы я был уверен, что его жизнь стоит на кону против наших жизней, я бы убил его при первой возможности, и неважно, какие там чувства он испытывает ко мне. Но две вещи мне мешают. Во-первых, я все еще совсем не уверен, что вы

с Филиппом правы на его счет. Перемещение машины — это нечто большее, чем просто поднятие в воздух булыжника и телепортация его на короткое расстояние. Психокинез может быть паранормальной способностью. Откуда мне знать? Я не эксперт, чтобы знать, какие скрытые силы разума можно развить в Индии или где-то еще. Но с одной вещью я не могу не согласиться. Внутри хрупкой коры головного мозга человека — похожего на капля желе — сокрыто достаточно силы, чтобы сдвинуть машину. Проще говоря, это почти как сдвинуть гору.

— Во-вторых, — продолжал Блэкмор после паузы, — не думаю, что нам надо использовать против него оружие — любое оружие — и убивать его, чтобы помешать ему нас остановить. Я уступаю тебе и Филиппу. Он найдет какой-нибудь способ остановить нас.

— Он прав, Роджер, — сказал Фаран, — Не думаю, что смогу управиться с оружием, которое он применил против Дэна — и сомневаюсь, что ты сможешь. Ты следил за ним, когда он начал сбивать чайку. Но он не закончил демонстрацию.

— Я уверен, что могу применить оружие, — заявил Тайсон. — Но Дэн сообщил мне кое-что, что позволит нам преследовать Маладора с большими шансами на успех. *Дэна нельзя загипнотизировать.*

Фаран выпрямился и на мгновение посмотрел прямо на Дэна.

— Это правда? — спросил он.

— Я работал с несколькими гипнотизерами, исключительно одаренными; я хотел попробовать гипноз... просто из любопытства, — сказал ему Блэкмор. — И никогда ничего не получалось. Это не значит, что у меня особенно волевой. Я не прилагал особых усилий к сопротивлению — разве что пару раз, — а по большей части

совсем не сопротивлялся. Кажется, что гипнотизеры просто не могут работать с некоторыми людьми.

— Экстрасенсорный гипноз — невидимое зрение, как подчеркнул Роджер — может быть разным, — сказал Фаран. — Мне не нравится этот термин. Он, по существу, бессмысленный. Но что-то в этом роде, безусловно, существует, и часто практикуется.

Он замялся, а затем добавил:

— Однако... однако это может все изменить. Если тебя нельзя загипнотизировать обычным способом, Маладор может не справиться с тобой. Это бы обеспечило дополнительную защиту, и если Роджер действительно убежден, что может управляться с оружием...

Он резко прервался, встал и подошел к окну. Пока Фаран смотрел в иллюминатор, у Блэкмора было время, чтобы помочь жене подняться на ноги. Вплоть до этого момента они с Гильдой сохраняли молчание.

Но теперь в глазах Хелен поселился страх, точно такой же, какой был в ее взгляде перед тем, как она упала в обморок, а в голосе звучало поистине замогильное отчаяние.

— Ты не покинешь машину. Я тебе не позволю. Если ты уйдешь... я найду способ убраться отсюда, когда ты вернешься.

— Роджер тоже не выйдет наружу, — сказала Гильда. — Он лжет тебе по поводу оружия. Он сказал мне, что совсем не уверен, будто может использовать его.

— Я не единственный, кто лжет, — заметил Роджер. — Но я прощаю тебя за это, дорогая, потому что знаю, зачем ты...

Голос Фарана, донесшийся от иллюминатора, не позволил ему продолжить. Фаран говорил, не оборачиваясь:

— Думаю, пламя немного утихло. Так как снаружи нет ничего, что могло остановить этот огонь обычным

способом, то вероятнее всего, сам Маладор мог захотеть, чтобы пламя успокоилось. Примерно треть растительности сгорела, но она прекратила морщиться и чернеть на обширной территории.

— Нам нужно научиться управляться с оружием, — вмешался Блэкмор; он не хотел, чтобы его жена повторяла то, что уже сказала, и боялся того, что она может сказать. — Я всегда доволен... что ж, хорошо обращался с оружием.

Прежде чем Хелен смогла осознать смысл этих слов, Фаран отвернулся от окна и снова заговорил.

— Нам надо подождать, конечно, пока огонь окончательно не потухнет. Пламя может вспыхнуть снова, и станет гораздо хуже. Но у меня есть чувство, что оно выгорит...

— Отец, разве ты не понимаешь, что это может означать? — почти кричала Гильда, — Маладор может захотеть, чтобы Роджер и Дэн вышли наружу. Он может захотеть, чтобы они вышли, и были убиты. Может быть, он обнаружил, что не может сдвинуть машину так сильно, чтобы разрушить ее. Он мог попытаться и не суметь. Поэтому он насрал этот огонь, чтобы выманить Дэна. Должно быть, теперь он ненавидит и Роджера тоже, из-за того, что случилось на пляже. Но он нуждается в нем, до самого последнего момента и после него — ну, его убийство может казаться ему неважным, не стоящим беспокойства. Но если он выйдет с Дэном...

— Мы все знаем, что Дэна он ненавидит больше всех, — сказал Фаран. — Вот почему именно Дэн должен принять решение.

Он посмотрел прямо на Блэкмора:

— Гильда может быть права, — заявил Фаран. — Ты можешь направляться в ловушку, которую Маладор расставил для тебя. Но прежде, чем ты решишь — есть несколько вещей, о которых, я думаю, тебе следует

знать. Они касаются того, что я думаю об этом. Маладор мог убить тебя до того, как сбежал. Роджер считает: он думал, что ты мертв — или умираешь. Мы не знаем наверняка, что он думал. Но если он так считал, это должно означать, что у него были какие-то другие причины для побега. А если он так не думал — не были ли выход наружу и попытка убить тебя, посредством разрушения машины или поджога, настоящим безумием. Ведь он мог так легко добиться своего внутри машины, как только Роджер выпустил его?

— Тут нет сомнений, — сказал Блэкмор. — Но теперь он, кажется, пытается уничтожить всех нас, если то, что ты о нем думаешь, правда. Роджер уверен, что у него нет причин ненавидеть тебя или Гильду, а совсем наоборот. Как мы все знаем, он не насылал огонь и не передвигал машину. Но если он это сделал, должно было случиться что-то очень странное, чтобы он передумал. Я основываю свое решение на этих двух возможностях — и ни на чем больше. Я иду наружу, потому что нам угрожает самая большая опасность, насколько я понимаю.

— Нет, Дэн! — Хелен Блэкмор чуть не споткнулась, попытавшись схватить его за руку и развернуть. Она как будто чувствовала: если не посмотрит Дэну прямо в глаза, то утратит способность вернуть его. — Если ты выйдешь наружу, ты не перестанешь об этом жалеть, потому что меня не будет здесь, когда ты вернешься. Я говорю правду, Дэн.

— Думаю, ты будешь здесь, дорогая, — сказал Блэкмор. — Пламя снаружи не погаснет еще примерно час. Я в этом почти уверен. За час тебе на ум может прийти много здравых мыслей. Сейчас не только моя жизнь под угрозой, как бы Маладор меня ни ненавидел. Филипп сказал, что я вполне естественно забочусь о тебе больше, чем о ком-то другом. Это правда, конечно. Я не могу это отрицать. Но нас пятеро, а не только ты и мужчина, за

которым ты замужем. И у всех нас есть свои обязанности перед другими. Боюсь, что всегда так будет: когда людям угрожает большая опасность, они становятся ближе друг к другу. У тебя будет время это обдумать, дорогая, и изменить свое мнение на счет того, следует ли отпускать меня. Я не сомневаюсь, каким будет твое решение.

Глава 12

Блэкмор спускался первым, Тайсон находился на восемь футов выше него, и в этот раз он испытывал опасения совсем другого рода, непохожие на тот страх, который он испытывал, когда впервые спускался в море гигантских ветвей и цветов. Он не боялся утонуть в трясине, которая могла оказаться почти бездонной, или случайно наступить в зияющую яму пустоты, отменную только сине-черным кругом, похожим на завиток.

Это был новый страх: клочок земли, выглядевший так, будто был покрыт рассеянным пеплом, мог превратиться в слой раскаленных добела углей, скрытых от взгляда поверхностным слоем, напоминавшим пыль.

Две трети растительности прямо под машиной так обгорели, что только почерневшие стебли огромных цветов остались стоять, подобно стволам титанических дубов и кедров, уничтоженных молнией. Большинство стеблей действительно были размерами со стволы деревьев, а некоторые — существенно больше. Между ними простирались широкие полосы голой земли, даже не покрытой пеплом, ярко блестевшей после очищения огнем. Вся трясина исчезла, иссушенная сильным жаром, который породило пламя.

Их окружала пустошь, почерневшая от огня, но Блэкмор по-прежнему ничего не мог разглядеть даже с вершины машины, так как вокруг росли очень высокие растения, не пострадавшие от пожара. Их соцветия все еще покачивались на ветру, который резкими порывами проносился над уничтоженным участком — в точности так же, как он в время первого спуска Блэкмора. Ничто не омрачало яркости цветов — алого и фиолетового, оранжевого и зеленого; цвета казались такими яркими, что Дэну приходилось то и дело прикрывать глаза.

Ближе к ним несколько цветков, все еще свисавших с поврежденных огнем стеблей, засохли и потускнели, а некоторые превратились в ссохшуюся шелуху, которая была похожа на гигантские стручки гороха, наполовину съеденные роем такой же гигантской саранчи.

Насекомые не летали в воздухе и не садились на погибшие растения, но Блэкмор не думал, что это удивительно; насекомые не спешили возвращаться в районы, разрушенные огнем, наводнением или землетрясением.

Внезапно он остановился — теперь он был на полпути к поверхности, — посмотрел вверх и махнул Тайсону.

— Нам не надо волноваться по поводу змей, я полагаю... но надо быть осторожнее. Мы не знаем, что может выползти из нор, которые уходят глубоко под землю.

— Разумно, — сказал Роджер. — Я буду бдителен.

Через секунду они оба достигли земли и осмотрелись. Роджер переложил тяжелое оружие, которое Маладор по ошибке не взял с собой, — или это была не ошибка? — из левой руки в правую и указал на высокие растения, которые закрывали обзор.

— Мы можем идти прямо, — произнес он. — Самое важное сейчас — как можно тщательнее осмотреть местность. За этим громадным цветочным садом может быть открытая площадка или просто еще один сад. Как ты думаешь?

— Я бы предпочел не думать, — сказал Блэкмор. — Просто пойдем, как ты предлагал.

Им понадобилось, наверное, сорок секунд, чтобы пересечь покрытый пеплом участок между машиной и высокими растениями, которые окружали ее полукругом — или не совсем полукругом. Дэн и Роджер действовали осторожно и не наступали на пепел, но держались гладких участков, очищенных пламенем. Один или два раза им приходилось останавливаться и перепрыгивать с одного пятачка на другой.

Люди двигались между высокими, не опаленными огнем растениями, по сравнению с которыми они казались карликами, и на несколько секунд им показалось, что они продвигаются по тропинкам тропического леса.

Но когда они, наконец, преодолели дальний ряд высоких стеблей — некоторые были ярко-зелеными и, казалось, очень сочными, а другие выглядели какими-то пестрыми — в тот же миг иллюзия тропического леса испарилась. Вид, который им открылся, был так мало похож на заросли гигантских цветов и ветвей вокруг корабля, что Блэкмору было трудно поверить, что столь различные ландшафты могли существовать в непосредственной близости.

Увиденное сильно подействовало на Блэкмора. В его памяти пробудились сбивающие с толку воспоминания: раньше он сомневался, видел ли когда-нибудь прежде этот пейзаж, а теперь мгновенно узнал его.

Монолиты... По крайней мере, пятьдесят монолитов были разбросаны по равнине, которая простиралась от горы к тому месту, где он стоял, и у него появилось смутное воспоминание, что трое или четверо из них стояли здесь раньше, изучая покрывающие их надписи.

Вдобавок Блэкмор был так ошарашен увиденным, что Тайсону пришлось дернуть его за руку, чтобы привлечь внимание.

— Я говорил, что важно найти точку для обзора окрестностей, — сообщил Тайсон. — Но я не думал, что обзор будет настолько широким. Как будто мы вышли из стеклянной теплицы, где вокруг нас только растения и запахи сырой земли, и оказались посреди Сахары — или Гоби. Если это поражает тебя так же, как и меня — может быть, будет лучше, если мы просто примем случившееся как должное. Говорить об этом бесполезно. Я имею в виду... как мы можем надеяться отыскать Маладора

где-то там — если он на самом деле там. Пространство слишком велико. И так много мест, где бы он мог...

Если Тайсон пытался спланировать дальнейшие действия на ходу, то было бы куда лучше закончить предложение и замолчать. Едва ли следовало прерываться на середине фразы. И все же он прервался. Или правильное было бы сказать, что молчание вызвано слепящей вспышкой света, которая внезапно появилась на равнине в ста футах от того места, где они стояли. Ее сопровождал оглушительный грохот.

Земля задрожала, и Блэкмор упал на колени. Тайсон покачнулся, но смог устоять на ногах, немного отклонившись назад, и использовав тяжелое оружие Маладора для поддержания равновесия.

Что-то похожее на огненный шар возникло в эпицентре взрыва и пронеслось над их головами, сначала оно двигалось зигзагами, а затем зависло почти неподвижно высоко в небе. Потом шар снова ускорился и пролетел прямо над растительностью, из которой появились Блэкмор и Тайсон.

Затем объект исчез, испарившись так же внезапно, как метеор, сгорающий в земной атмосфере, но надолго оставляющий след в виде яркого сияния.

Еще одна слепящая вспышка возникла на пустынной равнине, и еще один огненный шар промчался по небу, зависнув, как и первый, над разоренной огнем растительностью, после того, как завершил зигзагообразный полет; но этот испарился немного медленнее, как будто гигантская рука сомкнулась над ним, и слабое сияние просочилось сквозь сжатые пальцы.

Как только Блэкмор нетвердо встал на ноги, его поразила странная — странная именно в этот момент — мысль, что он никогда прежде не видел на человеческом лице такого выражения, которое появилось на лице

Тайсона. Это было не человеческое лицо, а какая-то гротескная туземная маска.

Не только потому, что лицо Роджера стало синюшно-бледным, а возле рта появились ненормальные складки. Его губы так плотно сжались, что, должно быть, это причинило ему боль, а глаза остекленели.

Тайсон стоял неподвижно, казалось, ничего вокруг не замечая. Роджер вцепился в руку Блэкмора, как только тот поднялся на ноги — словно бы именно он, а не Блэкмор, нуждался в поддержке.

— Еще одна атака на машину, — хрипло пробормотал он. — Я... я ничего не вижу там. А ты? Как ты это объяснишь? Эта вспышка пламени, казалось, появилась прямо из-под земли.

— Оттуда ничего не вылетало, это точно, — услышал Блэкмор свой ответ. — Мы слишком близко к тому месту, откуда появился этот огненный шар, чтобы ошибаться на этот счет.

— Огненный шар? Да, вот как он выглядел. Ты полагаешь, это может быть каким-то природным явлением? Я был уверен, что им выстрелили из оружия, но... я просто не знаю.

— Думаю, им выстрелили прицельно, — сказал Блэкмор. — Не в машину, возможно, а в нас. Этот летающий шар пламени мог не попасть в цель.

— Что нам делать? Вернуться к машине? Думаю, мы должны.

Блэкмор покачал головой.

— Если атака производилась на машину — но мы не знаем, атака ли это — мы не остановим его, оставив то, за чем он сюда явился. Нам надо добраться туда, где начался этот взрыв, прежде чем нас уничтожат.

— Ты сошел с ума? Если происходит такой взрыв, нельзя соваться прямо туда, где в любой момент может

случиться еще один. Нужно бежать от него как можно дальше.

— Был один взрыв, за которым последовали два огненных шара огня, — сказал Блэкмор. — Мы подождем минуту, чтобы посмотреть, произойдет ли второй. Если нет — думаю, мы должны рискнуть. Здесь есть несколько валунов — довольно больших. Мы можем уклоняться и петлять, пока не подберемся ближе. У нас нет другого выбора, если мы хотим остановить это.

— Ну хорошо, — согласился Тайсон после паузы. — Но это не просто рискованно. Я почти убежден, что нас ждет похоронный кортеж, но без катафалка. Я всегда задумывался, каково это: быть «похороненным» таким образом, в сияющих осколках, разбросанных по небу.

— Мы можем выяснить, — сказал Блэкмор. — Но у нас нет выбора. Если мы вернемся к машине, атака продолжится, и... Послушай, я говорил, что это может быть и не атака. Ты думаешь, за этим стоит Маладор. Я не уверен. Нам надо все выяснить — раз и навсегда. Если это природное явление, скорее всего, оно не повторится. Как часто обезумевшие молнии, способные убить тебя, не причинив вред дереву или дому, ударяют чаще одного раза в одно и то же место? Если это природное явление, нам не о чем беспокоиться. Но нам надо решить, так это или не так — иначе все останется как было. А это не лучший вариант.

Они подождали, по крайней мере, три минуты, а потом вышли из тени высоких стеблей и двинулись по равнине. Они направлялись к ближайшему валуну почти бегом, так как земля под ногами была неровной и вязкой; пробежав, они укрылись позади камня. Возможно, это бесполезная предосторожность, но Блэкмор поделился с Тайсоном своим предположением: огромный валун может обеспечить некоторую защиту, если произойдет еще один взрыв.

Скрывал ли он их от глаз наблюдателей — вопрос спорный, так как их быстрое продвижение едва ли могло остаться незамеченным. Разве что наблюдатели смотрели в других направлениях...

Дэн и Роджер миновали еще пять валунов; за каждым из них они быстро приседали, обмениваясь взглядами, которые должны были внушать уверенность, но едва ли исполняли эту задачу. И наконец они увидели нечто — и тут же нырнули за очередной валун, недоверчиво раскрыв глаза.

Прямо из земли — или почти прямо, так как небольшой уклон все-таки был — выступал длинный, сияющий цилиндр.

Сначала это показалось им отполированной медно-бронзовой трубой. Затем они увидели, что труба почернела от дыма в верхней трети и отдаленно напоминала оружие, которое использовалось в двадцатом веке на протяжении более двадцати пяти лет в ходе крупных войн. Базука. Но нет — это и не она. В ней было что-то, что придавало ей вид оружия, которое еще не изобретено — если под «еще» иметь в виду, самое позднее, начало двадцать первого века.

Какие-то невероятные внешние устройства крепились почти к самому основанию цилиндра; они выглядели так замысловато, что, казалось, на самом деле затуманивали взор Блэкмора — в точности как оружие Тайсона, если Блэкмору случалось смотреть на него более нескольких секунд. Кроме того, сложность казалась более очевидной, чем у оружия, которое они забрали у Маладора; вдобавок смотреть были тяжело еще и из-за яркого блеска.

— Что ж, вот оно, — сказал Блэкмор, но без ноток радости в голосе. — Видимо, вы с Филиппом ошибались, а я был прав. Маладор не мог швырнуть тот огненный шар в нас — или машину — просто используя скрытые

силы разума. Заряд вылетел из этого оружия, и Маладор не только не мог знать, что найдет подобное оружие — если он нашел его — но и... да, ты можешь представить, как он разбирается в устройстве такого оружия, чтобы начать атаку менее чем через полчаса после побега? Я, определенно, не могу.

— Но если Маладор не начинал атаку, то кто это сделал? — спросил Тайсон, и в его голос звучала тревога, столь нехарактерная для этого человека, что Блэкмору стало неуютно, и он предпочел не встречаться взглядом со своим спутником. Ни одному мужчине не понравится, если прорывается скрытое в глубине души беспокойство, если становится заметно, как бывшая храбрость отступает на один миг, словно потоки воды мчатся с огромной скоростью по наклонному пляжу во время отлива.

— Это нам надо выяснить, — сказал Блэкмор. — Мы ничего не добьемся, откладывая решение.

— Но из него просто выстрелили! Никого не видно, но кто-то должен управлять им.

— На сей раз Маладор мог выстрелить из него, — сказал Блэкмор. — К этому времени он мог овладеть сложным механизмом. Я так не думаю, но это возможно.

— Тогда где он?

— Под землей — будь то Маладор или кто-то еще. Разве ты не понимаешь: огневая позиция — это просто неглубокий окоп. У такого массивного оружия должна быть такая же массивная операционная база. Устройства у основания трубы не обеспечивают твердой поддержки.

Им потребовалась секунда, чтобы выбраться из-за валуна и продвинуться еще на несколько футов, к тому месту, где возвышалось оружие.

Они остановились на миг, но только чтобы убедиться в том, о чем Блэкмор и так знал почти наверняка. В

земле было широкое отверстие, которое полностью окружало трубу, выступавшую точно по центру провала.

— Что теперь будем делать? — спросил Тайсон, — Пойдем к краю и посмотрим вниз? Лучше сделать это до того, как спускаться. На дне должен быть кто-то, и он не собирается бросаться и захватывать нас.

— Посмотрим, — ответил Блэкмор. — Крепче держи свое ружье. Оно может понадобиться нам в любой момент.

Они снова двинулись вперед, и еще раз остановились у края кавернозного отверстия. Они не увидели ничего, когда посмотрели вниз — только кружащуюся темноту.

Вниз вели ступеньки. Это можно было сказать совершенно точно, несмотря на темноту: три верхних виднелись отчетливо. Самая первая даже сияла на солнце.

Ступеньки были не каменными; так мог блестеть только металл.

— Я пойду первым, — сказал Блэкмор. — Оставайся примерно в четырех футах позади меня, и убедись, что сможешь выстрелить в любого, кто выпрыгнет на меня. Надеюсь, то, что сказала Гильда, неправда. И на самом деле ты знаешь, как управляться с оружием.

— Я никогда не говорил ей такого, — сказал Тайсон. — Клянусь.

— Но ты уверен, что можешь с ним обращаться?

— Нет, — сказал Тайсон с поразительной искренностью. — Но я почти уверен.

— Ты мог бы испытать — только чтобы абсолютно убедиться, — произнес Блэкмор. — Ох, ладно...

— Я боялся это сделать, — ответил Тайсон. — Ты сказал мне, что он выстрелил три раза, возможно больше. Мы не знаем, сколько зарядов он мог использовать до того, как сбил твой самолет. Я мог потратить больше од-

ного, тестируя его. Нет — это было бы глупо. Может быть, в нем совсем не осталось зарядов.

— Утешительная мысль, — сказал Блэкмор. — Хорошо. Мы можем начать спускаться.

Они спускались медленно и осторожно, проверяя твердость и ширину каждой ступеньки ногой, прежде чем переходить с верхней на нижнюю. Поручня не было.

Огневая позиция, казалось, уходила глубоко под землю, и почти полминуты они спускались в абсолютной темноте. Затем слабый проблеск света показался далеко внизу; он быстро становился ярче.

Конечно, это могло бы их успокоить, если бы не одно «но»: что-то, произошедшее несколько секунд спустя, стало ярче, заставило Блэкмора резко остановиться и тревожно посмотреть на сияющую трубу.

Труба очень медленно двигалась взад-вперед, как будто человек, управлявший этим массивным оружием, был не уверен, сможет ли оно выстрелить снова. Как будто в движениях трубы выражалась детская безответственность, нежелание понять, что с таким грозным оружием нельзя обращаться так бездумно.

Одно лишь то, что Блэкмор больше не был на равнине, в зоне поражения, не означало, что ему нечего бояться, если оружие снова выстрелит. Ступеньки находились к нему так близко, что жар одного выстрела мог испепелить его, если ударная волна не свалит его со ступенек.

Тайсон тоже осознал опасность, и его голос прозвучал тревожно и пронзительно, хотя он старался говорить как можно тише, чтобы не выдать их присутствия до того, как они достигнут нижней ступеньки и больше не смогут оставаться незамеченными.

— Если сейчас это оружие выстрелит, мы погибнем, — сказал он. — Мы в трех или четырех футах от него. Одна отдача...

— Я знаю, — сказал Блэкмор, прерывая его. — Это означает, что мы должны быстро преодолеть оставшиеся ступени. Хотя это доказывает одну вещь: огненный шар был нацелен на машину, а не на нас.

Они быстро спустились по оставшимся ступенькам и уже сходили с самой нижней, когда огромное оружие выстрелило с громовым ревом.

Они упали на землю, но прежде чем они смогли снова подняться на ноги, кто-то промчался мимо них и начал подниматься по ступенькам так же быстро, как они спускались.

Свет был очень ярким, и они только на миг смогли различить тень среди ослепительного, почти невыносимого блеска. Но этот мимолетный взгляд заставил Блэкмора вскрикнуть — отчаянно и недоверчиво. Тайсон тоже не смог сдержать крик.

Быстро исчезающая фигура принадлежала обнаженному ребенку — мальчику, самое большее одиннадцати или двенадцати лет; его волосы были длинными и спутанными, густые пряди прикрывали уши; кожа была коричневой в ярком свете того, что напоминало дюжину масляных ламп, от которых исходил густой дым.

— Мальчик — дикарь! — сказал Тайсон, казавшийся таким ошеломленным, что Блэкмор удивился, как он вообще может говорить. — Ребенок каменного века. Откуда он мог узнать, как обращаться с...

— Мальчик вдвое младше него — даже четырехлетний ребенок — может стрелять из любого оружия с несложным ударно-спусковым механизмом, — сказал Блэкмор. — Сложность, очевидно, связана с устройствами на трубе и точным исполнением технологических

функций, ради которых ее построили — возможно, пол-миллиона лет назад.

Он был всего лишь ребенком, — продолжил Дэн глубокомысленно. — Но и взрослый, живущий в грубом дикарском мире, способен не только выстрелить из него, но и обратить против ненавистного врага, не зная ничего о технологических проблемах. И машина, появившись из ниоткуда, могла показаться дикарям этого времени подобием огненного дракона, выдыхающего дым и пламя. Поэтому они попытались уничтожить его огнем из своего оружия — не зная, конечно, что этот вид огня может проходить сквозь светонепроницаемый металлический барьер; на такое способны делать только инфракрасные и другие невидимые лучи; при этом излучение сохраняет и некие свойства в доступном нам спектре.

Боюсь, что мальчик, которого мы только что видели, не из каменного века. Он мальчик из далекого будущего, когда триумф человечества прекратился, и все погибло — теперь мы знаем, конечно, что именно так и случилось. Мы не можем не знать, ведь мы стоим прямо посреди печальных остатков былого. И я бы сказал, что эти остатки сильно поистрепались.

— Я думал, это Маладор. Я думал, мы найдем здесь его — а не этого мальчика.

— Маладор здесь, — сказал Блэкмор, схватив Тайсона за руку и указав куда-то; его пальцы сжали запястье молодого мужчины как стальные браслеты. — И тем не менее он не мог выстрелить из оружия. Не с копьем в теле.

Маладор лежал на спине, наполовину в тени, масляные лампы отбрасывали мерцающий свет на его голову и плечи. Он распластался на полу из гладкого, но покрытого ярь-медянкой металла, его невидящие глаза смотрели на руки, раскинутые так широко, что, казалось, они вырывались из суставов даже после смерти.

Длинное блестящее копьё с пучком перьев, привязанных к древку, торчало почти в центре его груди.

— Боже! — сказал Тайсон, переводя дыхание. — Ты видел его и не сказал мне. Ты продолжал говорить...

— У меня была причина, — сказал Блэкмор. — Теперь мы не можем ничего для него сделать, и я не хочу, чтобы то, что случилось с ним, случилось и с нами. Не думаю, что им понравился интерес, который он проявлял к их оружию, именно поэтому они убили его. Это значит, что нам надо быстрее убираться отсюда. Мне пришлось заставить тебя увидеть, насколько важно быстро уйти... просто нужно понять, что значит для них овладеть таким оружием.

— Думаю, я понял, — сказал Тайсон. — Ты взбесил Миллдора, вырастив поле пшеницы, а он взбесил их, просто нарушив священное табу.

— Точно, — сказал Блэкмор. — Теперь представим, как быстро мы сможем выбраться, и добраться до машины. В любую минуту они могут обнаружить, что мы тоже их разозлили. Один взгляд на того ребенка навел меня на мысль, какими должны быть взрослые. Каменный топор и двенадцать лет, может быть, не так уж плохи по себе, по сравнению с некоторыми военными игрушками, которыми дети играли в прошлом. Но на нем была кровь. Или ты не заметил?

— Нет, не заметил, — сказал Тайсон. — Свежая?

— Думаю, да. Конечно, это могла быть кровь животного. Замечательный, храбрый, маленький охотник. Но если в этом времени есть ноюющие племена...

— Прекрати, — сказал Тайсон. — Пойдем.

Глава 13

Это случилось быстрее — и неожиданнее — чем думали Блэкмор и Тайсон; и они боялись, что это может продлиться недолго.

Одетые в кожу дикари — или это все-таки были варвары? — появились из-за дюжины валунов, как только голова Тайсона возникла в поле зрения, а Блэкмор все еще находился на четыре ступеньки ниже.

Враги высыпали толпой из-за небольшой возвышенности; некоторые размахивали каменными топорами, другие были вооружены копьями. По крайней мере, по внешнему виду они не походили на неандертальцев, так как единственным, чего люди, очевидно, не совершили в эпоху упадка, остался возврат к предшествующей ступени эволюции. Люди были крепко сложены, высоки ростом, одеты по большей части в шкуры животных, хотя некоторые оставались совершенно голыми.

Они были плохо организованы и, очевидно, не очень разбирались в военном деле, так как приближались к массивному орудю поодиночке и парами, размахивая руками на бегу, и время от времени огибали невидимые препятствия, зачем-то удлиняя себе путь.

Несколько вели себя с большим достоинством и напоминали закаленных в битвах воинов.

Блэкмора и Тайсона спасло от немедленного рукопашного боя у основания орудия то, что бегущие вперед дикари двигались *недостаточно* быстро.

Это были довольно простые обстоятельства, но на них, через столько лет, держалась судьба миллионов людей, и не нескольких народов, и не всегда во время войны.

Через секунду они оба находились в нескольких ярдах от оружия и мчались по равнине, как надеялся Блэкмор,

с той же скоростью, что и ближайшие из преследователей, которые было сравнительно немного.

Но их количество быстро увеличилось, и когда Блэкмор взглянул назад во второй раз — он осознал, что может не надеяться обогнать их, пока не достигнет машины. Среди них оказалось слишком много очень быстрых бегунов.

— Тебе придется использовать оружие Маладора, — сказал он, останавливаясь всего на миг, чтобы не задерживать Тайсона. — Развернись, выбери цель и посмотри, что сможешь предпринять. Ты не должен убивать их. Это безумие, я знаю... может быть, я ненормальный. Но так я думаю об этом.

— Что ты полагаешь, я сделаю? — вопрошал Тайсон, — Это и есть безумие, когда наши жизни поставлены на кон против их жизней.

— Выстрели в землю прямо перед ними, — сказал ему Блэкмор. — Пробей траншею, если сможешь. Не из вина, что они деградировали до состояния дикарей.

— Ну хорошо. Но это безумие.

Тайсон поднимал оружие, его пальцы сжимали спусковой крючок, с которым, возможно, не смог бы справиться ни один ребенок; и тут два брошенных копья пролетели над их головами, почти заставив Блэкмора пожалеть о том, что он посоветовал Роджеру.

— В следующий раз копья будут торчать из нас, — пробормотал Тайсон, — Ты будешь чертовски сожалеть, но не добьешься от меня сочувствия. Я буду уже мертв и не смогу выразить его.

— Заткнись и прицелься. Поторопись. Если ты не сможешь — попробую я. Надо сделать это быстро.

Теперь Тайсон держал оружие на уровне плеч. Но Блэкмор не представлял, что должно случиться. Возможно, Тайсон выстрелит и убьет кого-то, а позже извинится, но он сделал все, чтобы это предотвратить. Его

совесть была чиста, и он мог спать по ночам, но, возможно, он оказался обманут.

Оружие, казалось, ожило в руках Тайсона за секунду до того, как длинный язык пламени вырвался из него, сопровождаемый оглушительным ревом.

Хотя Блэкмор стоял в четырех футах от него, он только оглох. Движущиеся потоки воздуха не ударили его, не случилось ничего, что указывало бы: ручное оружие, куда более мощное, нежели могли сконструировать оружейники двадцать первого века, только что выстрелило рядом с ним. Но когда он посмотрел вниз, то увидел, как Тайсон упал на землю и сражался в сидячем положении, все еще сжимая оружие.

Прямо напротив него тонкая завеса дыма скрывала происходящее. Но она очень быстро рассеялась, и Блэкмор увидел — Тайсон точно последовал его совету. Земля прямо перед преследующими их дикарями была разрыта в восьми или десяти местах, и из наполненных пылью кратеров, которые образовались в почве, все еще поднимались тоненькие струйки дыма.

Дикари были рассеяны. Некоторые разворачивались и спасались бегством, вопя от ужаса. Другие выбирались из кратеров, их лица почернели от дыма, и выглядели так, будто у них не хватало мужества продолжать преследовать мужчин, которых они ошибочно считали богами.

Но один, казалось, не испугался ни зияющих кратеров, ни угрозы, которую представляло оружие.

Он перепрыгнул прямо через самый узкий кратер и побежал прямо на Блэкмора, вытянув копье.

Блэкмор подождал, пока он не оказался в четырех футах от него, а затем уклонился от копья, поднимая вверх правую руку в рубящем движении, которое не отличалось от того, каким он остановил Тайсона от совершения самоубийственной глупости; Дэн нанес удар, за

который его дисквалифицировали бы, если бы он был профессиональным боксером. Но Блэкмор знал: глубоко в сердце каждого мужчины прячется дикарь, и теперь настало время воскресить его.

Варвар рухнул, как будто в него врезался кусок стали. Блэкмор наклонился и поднял копье.

Он надеялся, что оно не понадобится, так как теперь Тайсон стоял на ногах, и они были готовы к финальному рывку.

Он надеялся, что оно не понадобится — и оно не понадобилось. Не более чем через три минуты они поднимались на машину; их никто не преследовал.

Прежде, чем зайти внутрь, Тайсон остановился на какое-то время на верхней ступеньке и спросил:

— Как ты думаешь, почему Маладор хотел вызвать гром? Он должен был знать, на что идет. Что бы ты ни думал о степени его паранормальных способностей, тебе придется признать, что они были необычными. Он должен был точно знать, на что способны те дикари.

— Он мог ощутить, что уже не находится среди друзей, — сказал Блэкмор. — В любом случае, мне его жаль. Он думал, что я мертв или умираю, и ненависть ко мне больше не могла заставить его забыть обо всем остальном. Он просто не хотел оставаться в плену. Он надеялся найти новый мир, который мог изменить, мир, который позволит ему жить более богатой, полной и обильной жизнью, чем та, которую он знал в двадцать втором веке. Несчастья и голод могут довести человека до отчаяния; он захочет рискнуть чем угодно, лишь бы достичь чего-то лучшего.

Глава 14

Блэкмор сомневался, способен ли он сотворить чудо и сохранить его в строгом секрете, как сделал Фаран.

Также он сомневался, смог бы он явить чудо таким драматическим образом.

Фаран не просто вошел в отсек и сказал:

— Я знал, что смогу сделать это. Мне просто требовалось немного времени. Не буду притворяться, будто не боялся того, что мы застряли здесь навечно — пока не начал изучать циферблаты. Но затем я узнал, до меня дошло.

Он сказал совсем не это. Вот его слова:

— Примерно через четыре минуты вы последний раз посмотрите на этот цветущий сад — или на то, что от него осталось. Когда мы вернемся — а я думаю, мы вернемся — не будет даже одного шанса из тысячи, что мы появимся по касательной основного поля в этой же самой точке.

Все молчали, никто не говорил ни слова, потому что иногда никто не может открыть рта, и все речи становятся невозможны. Блэкмор понимал это и не хотел ничего менять. Он чувствовал, что мог бы сказать несколько слов, совершив огромное усилие; но он предпочел этого не делать.

Они видели его, возможно, двадцать секунд — не дольше — после того, как машина пришла в движение.

Все они стояли прямо напротив иллюминатора, когда в поле зрения появилась гора, и они увидели Большой Каменный Лик.

Он могло быть вырублен из базальта, или кварца, или другого неизвестного материала. Из чего он было вырублен, казалось, не имеет значения.

Хелен Блэкмор вскрикнула, но осталась неподвижной, она стояла словно высеченная из камня фигура, которая была, по крайней мере, в тысячу футов высотой, потому что она достигла одного размера с горой.

Блэкмор моргнул, а затем немного покачнулся.

Тайсон сказал:

— После полумиллиона лет...

Гильда разрушила чары.

— Выглядишь немного бледным, Дэн. Но сходство все равно чудесное. Не так ли, папа?

— Да, чудесное, — подтвердил Фаран. — Это подтверждает то, что я собираюсь сказать... что ж, думаю, сейчас подходящее время.

Мы видели сияющие города — мы видели то, что сделала возможным пшеница Дэна. Но это тоже должно кончиться, потому что часы человечества остановились. Людские силы иссякли. Почти все знали, что так будет — мудрейшие философы просто видели это более ясно, чем остальные.

В этом времени человек находится на грани вымирания. Все действительно закончено, или скоро закончится. Но путешествия во времени и то, что сделал Дэн... могут изменить все.

Разве вы не понимаете? Может быть другое начало, новый план для человеческой расы. Мы можем построить больше таких машин и спасти самых храбрых и самых лучших — из сотен различных времен — и вновь завести часы через полмиллиона лет в будущем.

— Мы можем, и мы это сделаем, — сказал Дэн. — Но только одна деталь... то лицо должно быть твоим, а не моим.

— Мне нравится лицо папы таким, какое оно есть, — сказала Гильда. — У него спокойный, по-настоящему отцовский вид. Но твое... оба лица хороши.

РАССКАЗЫ

Spiral Intelligence
Man with Thousand Legs
Johnny on the Spot
Unfinished
Sky Trap
Willie
Second Night Out (aka Black, Dead Thing)
To Follow Knowledge

СПИРАЛЬНЫЙ РАЗУМ

Когда человек постигает величие Космоса, созерцает бесконечную череду Галактик, в каждой из которых миллионы солнц и еще больше миллионов миров, вращающихся вокруг этих солнц — тогда просто невозможно представить разнообразие форм жизни, которые могут развиться во Вселенной. Изображение таких форм жизни и ситуаций, связанных с ними, требует от писателя не только воображения; оно требует истинного дара слов и чувств. Вряд ли какой-то другой писатель-фантаст настолько чувствителен и способен так глубоко постичь иной разум, как автор этого прекрасного рассказа.

Дональд Брюстер был одинок. От опаленных обломков космического корабля до листвы осеннего леса над головой — все, казалось, вступили в сговор против него, вокруг звучал протестующий шепот. Так может шептаться только лес, когда нарушается его вековое спокойствие.

Лес был огромной изумрудной тюрьмой, ароматной, полной резкими криками белоснежных хохлатых птиц. Это была тюрьма без решеток, красивая, странная и пугающая. Это был рай для натуралиста. Но разве может быть боль сильнее, чем боль одиночества за сотни световых лет от Земли? Разве есть агония разочарования страшнее, чем та, которая рождается в душе человека, когда его сердце подсказывает: он больше никогда не увидит Землю. Никогда не увидит красноватого золота осеннего пейзажа и блеска солнечного света на знако-

мых лугах. Никогда больше не совершит путешествия по морю, никогда больше не испытает счастья с нежной женщиной. Мало кто станет отрицать, что самая печальная судьба, которая может коснуться человека — это судьба отшельника. Ночью и днем пребывать в окружении неизвестного и непостижимого, кричать и не слышать ответного голоса, позабыть навсегда о человеческом сочувствии — разве следует осуждать человека, если он предпочтет смерть такой судьбе?

И все же Брюстер не хотел умирать; когда первое потрясение от печального открытия прошло, он с благодарностью принял тот факт, что он был еще жив и в полной мере владеет своими силами. Что бы ни случилось, он будет бороться, он постарается остаться в живых, пока у него есть силы. Он осмотрел внимательно припасы, которые вытащил из горящего корабля, и проверил их по списку. Горький опыт научил его, что незнакомые плоды и ягоды — главная опасность, которой нужно обязательно избегать, пока голод не заставит его позабыть об осторожности.

Ему придется рискнуть и попробовать опасную пищу, если не удастся добиться успеха на охоте. Но он отказывался верить в то, что потерпит провал, а пока, если он будет тщательно экономить, то сможет растянуть запас продуктов по крайней мере на неделю. Он вытащил из кармана флягу и сделал большой глоток. Затем он похлопал по ней, плотно закупорил и снова положил на место.

— Первый урок выживания, — пробормотал он, стоя в тени джунглей. — Лучший друг человека — первый, последний и навсегда.

Пять минут спустя он пробирался сквозь лес в поисках места для лагеря. Звезда, светившая над этим миром, была куда ярче Солнца, она следила за ним, как

зловещий раскаленный глаз, и от этого Брюстер испытывал страх и неуверенность в себе.

Ему пришлось признать, что планета, отмеченная на картах, считалась незаселенным миром. Здесь было много животных, но имелось никаких шансов на то, что ему предоставят еду и убежище дружелюбные местные жители.

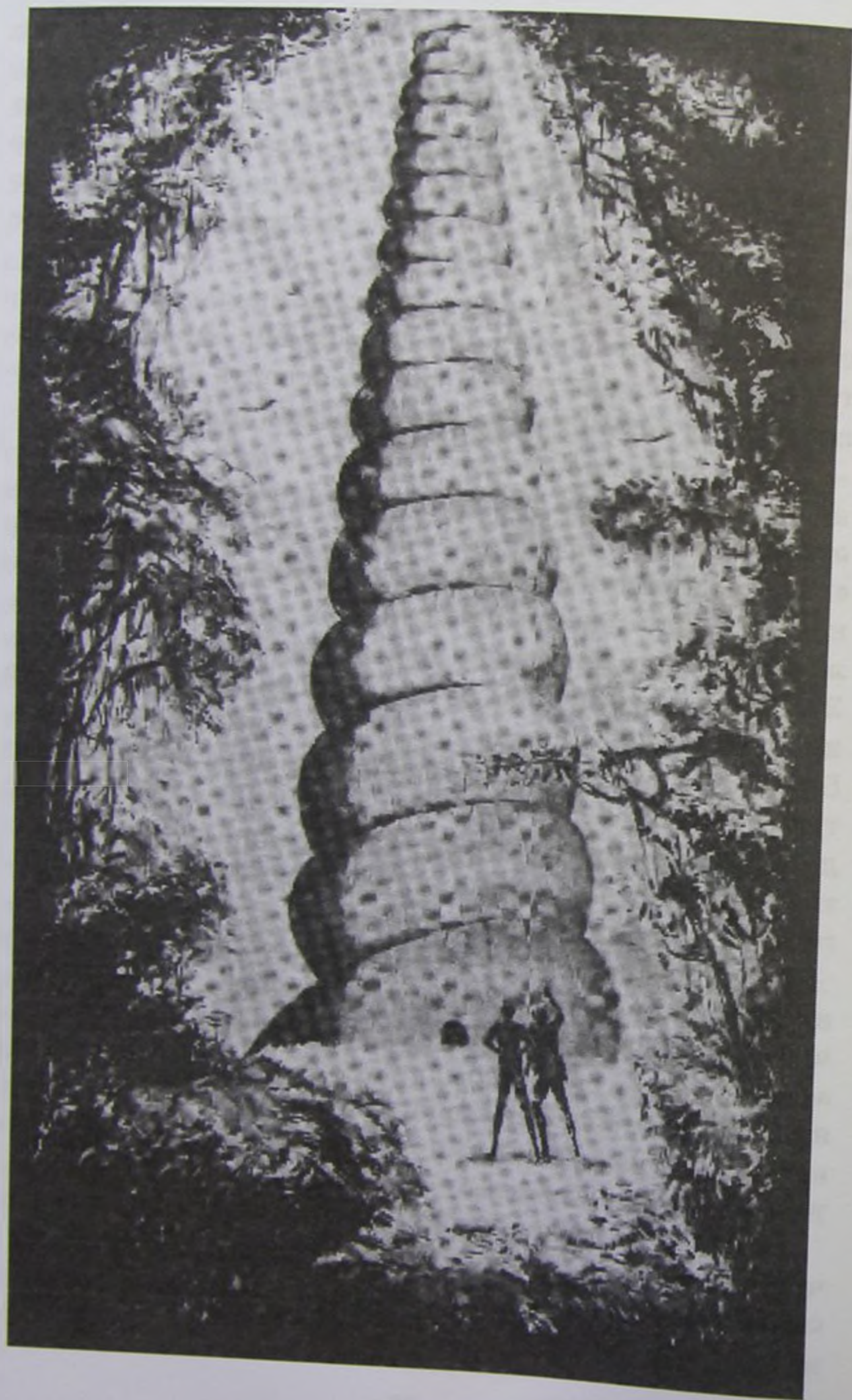
Он утешал себя мыслью, что человекоподобные существа нередко бывали недружелюбными. Увидеть достаточно умное существо, способное освоить огонь, не всегда приятно, если человек не вооружен...

Брюстер застыл. Он стоял совершенно неподвижно, отказываясь верить в реальность увиденного, убеждая себя неожиданным, огромным напряжением мышц и нервов, что он совсем недавно избежал смерти и не может снова столкнуться с ней в такой ужасной форме. Это было нарушением всех законов логики, жестокой иронией судьбы, с которой невозможно смириться. Прямо на его пути появилась ящерица. Он вышел из туннеля темной растительности; и меньше чем в семи-десяти футах впереди стоял и смотрел на него чешуйчатый ярко-красный хохлатый монстр с огромными шипами по всей длине позвоночника.

Там, где стояло существо, была тень, солнечный свет и тьма смешивались, и ящерица казалась еще крупнее, чем на самом деле. Мерцающий свет скользнул по раскаленной пасти; существо посмотрело на него со злобной яростью плотоядного зверя, осознающего свою силу и ловкость, зверя, внезапно обнаружившего добычу, которая не могла убежать.

Брюстер все еще продолжал отчаянно повторять себе, что это иллюзия — и тут совсем рядом раздался выстрел.

Рев был оглушительным, но его эхо почти мгновенно заглушил пронзительный крик ящерицы; едва монстр бросился обратно в кусты, его тело рассекло надвое.

Мгновенно наступило молчание, абсолютное, поражающее. В этот момент из подлеска вышел высокий мужчина с дымящимся пистолетом; он скорбно глядел в тень, как будто чувствовал жалость к зверю, которого вынужден убить. Удивительно, но он был одет в форму, которую Брюстер мигом узнал — в форму, которую он не рассчитывал больше никогда увидеть. У мужчины были серо-стальные глаза, выпуклые скулы, острый, костлявый нос с горбинкой.

Побледневший, трясущийся Брюстер переминался с ноги на ногу. Он ждал, когда незнакомец с ним заговорит, но высокий мужчина, казалось, не спешил. Он на мгновение остановился, кивнув Брюстеру, будто дав человеку, чью жизнь он спас, возможность успокоиться.

Затем его подвижное красивое лицо расплылось в улыбке.

— Уродливые твари эти ящерицы. Судя по всему, что мне известно, они могут быть безобидными. Но, похоже, возможен и другой вариант.

— Безобидные...

Высокий мужчина усмехнулся:

— Ну, на меня никогда ни одна не нападала. Я позаботился о том, чтобы наши пути не пересекались. На расстоянии в пятьдесят футов любая неверная догадка может оказаться последней. Вот почему я выстрелил, когда увидел, как близко вы подошли.

Брюстер вздрогнул:

— Я рад, что вы не стали тратить время на размышления!

— Я тоже, — незнакомец оживился, веселые огоньки засверкали в его глазах. — Полагаю, мне следует представиться. Я капитан Джеймс Эмери, межзвездные си-

лы США. Мы потерпели крушение два месяца назад и до сих пор жили, пробавляясь, чем могли.

— Так вы здесь не в одиночестве?

Брюстер до сих пор еще так дрожал, что подумать о чем-либо другом у него не хватало смелости. Но Эмери ответил на этот вопрос тоном, в котором не звучало ни малейшего намека на презрение, только теплота и дружелюбие.

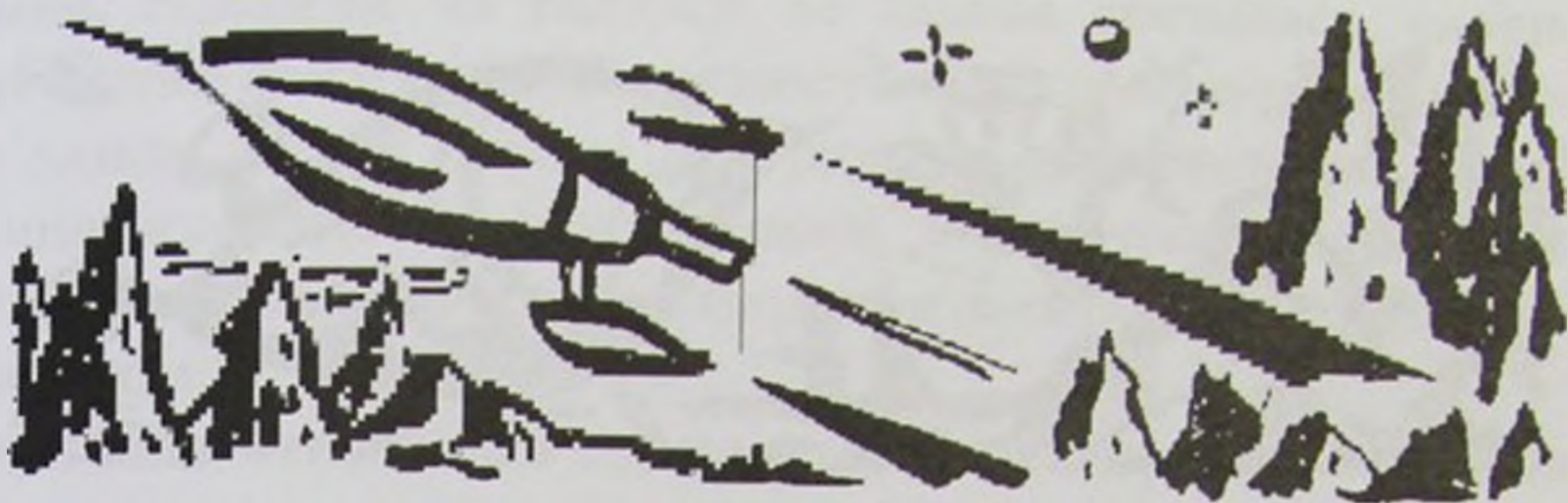
— Нет, моя жена была рядом и заботилась обо мне. Она тоже офицер нашей службы, но сейчас мы впервые исследовали новую планету вместе. Путешествие должно было стать для нас чем-то вроде второго медового месяца, — кивнул он. — Знаете, это забавно. Когда вы выходите из гиперпространства в десятках тысяч световых лет от Земли, то возникает ощущение обновления и возрождения. Там, где все ярко и ново, нет никаких тягостных воспоминаний. — Его взгляд стал мечтательным. — Психологи, возможно, сумеют объяснить это. В одной из пьес Шекспира был персонаж, который легко рассказал о своем преступлении, заявив, что это произошло давно и в другой стране. Можно считать такой поступок забавным или циничным. Но я всегда чувствовал, что в шекспировском негодяе отразилось глубокое знание человеческой природы. Время и расстояние многое меняют, даже если вы не подлец.

— Вот об этом у меня не было времени подумать, — сказал Брюстер. — Мой корабль потерпел крушение и загорелся. Я искал место посуше, когда появилась та самая ящерица, о которой я подумал, что это оживший кошмар.

— Они довольно-таки живые, — признал Эмери. — Вот вы их видите, и вдруг — уже нет.

Брюстер не улыбнулся. Он уставился на офицера, как будто пораженный поворотом судьбы.

— Знаете, меня бы вообще здесь не было, если бы мои чувствительные приборы не проанализировали каждую унцию металла в вашем корабле, когда я находился далеко в космосе, — сказал он. — Я никак не мог подумать, что металл содержался в остатках корабля. Я подумал, что там была богатая жила в природном состоянии. Вот почему я направился прямо туда и, вероятно, потерпел крушение в результате каких-то мерзких погодных условий, из-за которых пострадали и вы.

Эмери кивнул и указал в гущу леса; на лице его отразилось грубоватое сочувствие.

— Это вполне возможно, — согласился он. — Даже деревья не дают надежного укрытия, когда стихии разгуляются вовсю. Но по крайней мере мы нашли место для лагеря. Добро пожаловать к нам, если вы не против разделить трапезу с человеком, основное занятие которого — охота на животных. Без своих инструментов я просто веселый парень, потерпевший кораблекрушение без компаса и путеводной звезды.

— Вообще-то я не против, — сказал Брюстер.

— Здорово! Я забыл спросить ваше имя.

— Дональд Брюстер, искатель редких металлов. Полагаю, вы и сами догадались!

— Добро пожаловать на третью планету от звезды Регул, сэр. Добро пожаловать в наш кемпинг, который можно назвать невероятным.

Казалось, его позабавило недоумение Брюстера.

— Верите или нет, мы разбили лагерь в известняковой башне восемнадцати футов в высоту. И это не какие-нибудь развалины. Больше похоже на большую морскую раковину, поднимающуюся над лесом, вымытую и блестящую снаружи и внутри.

— Вы хотите сказать, что это действительно раковина?

Эмери тряхнул головой.

— Я бы не стал ее так называть. Только очень разумное существо могло построить подобное. Отдельные блоки известняка идеально выровнены, а конструкция слишком сложна, чтобы возникнуть в результате случайного совпадения. Это сооружение могло возвести только существо, умеющее ценить красоту.

Он дружелюбно положил руку на плечо Брюстера.

— Идемте. Вы все увидите сами, — сказал он. — Это меньше, чем в десяти минутах ходьбы, если мы двинемся в том направлении.

Прогулка была невероятной. Бабочки, огромные, как обеденные тарелки, ярко-алые и аквамариновые, облаками вились перед ними, наполовину ослепляя людей трепетанием своих крыльев. Маленькие пушистые существа с огромными ушами выглядывали из просветов в листве, а затем вскрикивали и исчезали, как испуганные эльфы, оставляя после себя слабый запах мускуса.

Тут офицер схватил Брюстера за руку и резко потащил в сторону. У них на пути поднялась десятифутовая

змея, похожая на гадюку; ее голова светилась, словно натертая фосфором. Путешественники обнаружили, что в одном месте дорогу преградило отвратительное скопище кроваво-красных червей, а в другом — задумчивая птица с радужными перьями и огромным горловым мешком.

Птица отказалась сдвинуться с места, пока Эмери не прижал ее и не дал ей пинка. Потом существо разогнулось и, крича, удалилось через лес, оставив два голубых яйца, которые Эмери с благодарностью положил себе в карман.

Направление движения изменилось, и большие деревья немного поредели.

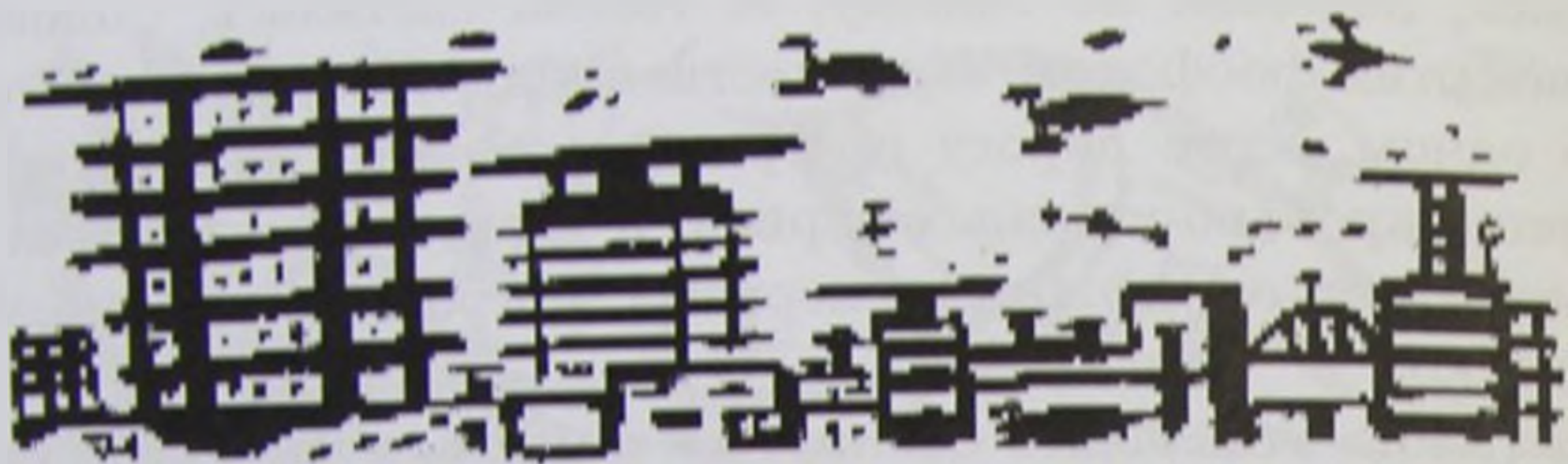
Проход они увидели издалека: мерцающий овал в густой листве джунглей с каждым шагом становился все ярче.

Первым выбрался Эмери. Он повернулся и стал наблюдать, как его напарник прорывался на открытое пространство. Он очень хотел увидеть выражение лица Брюстера в тот момент, когда гость впервые увидит башню.

Любопытство офицера было удовлетворено почти мгновенно и самым решительным образом. Брюстер знал, чего ему следовало ожидать, но его вид не оставил сомнений: вновь прибывший потрясен. Красота и гармония постройки были достойны высочайшей оценки.

«Башня» напоминала гигантскую морскую раковину, но ее плавные узоры и извилины наглядно свидетельствовали о том, что здесь потрудился настоящий художник.

В основании сооружения было круглое отверстие, ясно видимое издалека; в проходе стояла женщина, лицо и фигуру которой, раз увидев, вряд ли удалось бы позабыть.

Хелен Эмери, должно быть, слышала, как приближался ее муж; она подошла к выходу, чтобы встретить его. Брюстер мог ясно разглядеть ее улыбку, в которой обнажились зубы цвета слоновой кости. Солнце отбрасывало легкие блики на ее волосы, а ее темные глаза блестели, в них застыл вопрос.

Через миг двое мужчин стояли на пороге, и Хелен Эмери поприветствовала своего мужа. Брюстер сразу заметил, что она по-настоящему любит его — сильно и в то же время просто. Это было заметно по нежным прикосновениям пальцев, по нежности, отразившейся на лице, по тому, как Хелен держалась, когда целовала мужа. Поцелуй казался чем-то самодостаточным, как будто он мог продлиться всю жизнь. Затем она быстро повернулась к Брюстеру, широко раскрыв глаза в безмолвном недоумении. Эмери что-то быстро сказал ей, немного повысив голос, чтобы Брюстер мог все расслышать. Когда он закончил, женщина подошла и взяла Брюстера за руку.

— Добро пожаловать в Ридл Мэнор, Дональд Брюстер, — сказала она. — Возможно, пройдет много времени, прежде чем мы снова увидим Землю. Я очень рада, что мы не одни, как поначалу боялись.

— Я тоже рад, — ответил Брюстер.

— Откуда вы, Дональд? — спросила Хелен.

— Нью Йорк, — откликнулся он.

В этот миг ему показалось, что в уши ударил знакомый шум. Он увидел яркий солнечный свет, отражаю-

щийся от гигантских металлических зданий, услышал гул реактивных самолетов, низки, непрекращающийся шум метро.

Он увидел яркие воды гавани Нью-Йорка, запутанный лабиринт судоходных каналов и космодром у берега внешней бухты. Он моргнул, и яркое, величественное видение пропало.

— Я из Бостона, — сказала Хелен Эмер. — Чарльз-стрит, должно быть, сейчас очень красива. Осенью, когда листья начинают падать и можно увидеть золотой купол Капитолия...

Эмери обнял жену за плечи, и они вместе вошли в башню. Брюстер последовал за ними — и резко остановился. С удивлением, почти заставившим его усомниться в собственном здравомыслии, он посмотрел на ряд платформ, уходящий к крыше.

Лестница — будто это была лестница — возносилась ввысь, как взорванная неведомой силой и застывшая материя; венчал ее белоснежный диск, отдельные площадки сочетались друг с другом до странности симметрично.

Эмери с женой остановились на третьей платформе, и Брюстер увидел две грубые кушетки из сучьев, ящик с припасами, пистолет, ствол которого блестел в тени си-не-черным цветом. Повсюду были разбросаны и другие принадлежности — крошечная магнитная плита, металлические столовые приборы и даже обугленная и слегка покореженная камера. Хелен повернулась и окинула взглядом площадку.

— Это все, что мы смогли спасти после катастрофы, — сказала она, скривившись. — К счастью, мы неплохо поохотились. Я решила, что Джим лучший стрелок в наших войсках, за исключением какого-то седоусого

старого полковника, которого я даже никогда не встречала.

Эмери засмеялся.

— Из меня стрелок не лучше, чем из нее повар, Дональд. — Он похлопал жену по плечу. — Она приготовит ужин, прежде чем это место действительно тебя напугает.

Дональд навсегда запомнил свой первый ужин в башне. Трапеза была поистине невероятной, еда была столь же великолепна, как гостеприимство Джим и Хелен — совершенно новых друзей. Во время ужина они беседовали.

— Каково это — быть искателем редких металлов, Дональд?

Говоря с ними, он умалчивал о многих вещах, но хотел набраться сил и хотя бы раз в жизни рассказать все как есть. Он говорил об узких лестницах, об одиночестве внегалактических планет и мгновениях дикой радости и торжества, когда в разрушенном городе гуманоидов или в пустынном кратере обнаруживались минералы, неизвестные на Земле.

Он обменивался чудесными историями с Эмери; огненная гора — за огненную гору, странный зверь — за другого зверя, утренний туман — за великолепный закат. Но он забыл рассказать о том, как он обманывал и лгал на пути к богатству, как он выигрывал, проигрывал и вновь выигрывал в кости. Он промолчал о неверности и предательствах, о намеренно уничтоженных кораблях.

Наконец вечерние тени закрались в башню, и заходящее солнце окрасилось в красный цвет — тогда они поняли, что пора заканчивать разговор.

Брюстер встал.

— Ночи здесь прохладные? — спросил он.

— Достаточно, — сказал Эмери. — А в чем дело, Дональд?

— Я думал, что это может быть неплохой идеей — поставить койку наверху. Если вы не возражаете, я поднимусь и посмотрю.

— Конечно, пойдем, — сказал Эмери. — Хелен и я выбрали тарелку наугад. — Он улыбнулся. — Мы стали называть эти платформы «тарелками». Только представь, как хорошо было бы поставить перед собой такую тарелку со стейком под грибным соусом. — Его улыбка стала шире. — Не могу вам обещать, что летучая мышь не пролетит и вас не разбудит. Но там прохладно и во всех отношениях удобно. Если вас беспокоит уединение — за этими приподнятыми краями «тарелок» оно обеспечено.

Хелен улыбнулась:

— Если вы будете прямо над нами — то нас точно не увидите. Мы хотели спрятаться в собственном раю среди джунглей.

— Это трудно для одинокого холостяка, — пожаловался Брюстер. Он сделал глубокий вдох, и поднял ящик с провизией. Затем он повернулся и посмотрел наверх. — Я все равно постараюсь забраться на вершину. Если мне там не понравится, спущусь на несколько «тарелок».

Эмери усмехнулся:

— Хотите быть повелителем, сидящим на вершине, а?

Брюстер внимательно посмотрел на офицера. Он сразу понял, что в его шутке не было никакого скрытого смысла и, чтобы скрыть свое смущение, быстро двинулся вверх.

Он обернулся только для того, чтобы сказать:

— Этот обед был действительно особенным! Еще раз спасибо.

— Мы рады, что вам понравилось! — крикнул Эмери. — Увидимся за завтраком.

Брюстеру потребовалось больше минуты, чтобы подняться наверх. Верхняя платформа оказалась огромной,

ее края были загнуты вверх. Тяжело дыша, он сел на каменный выступ и выронил свой ящик.

Он выглядел испуганным. Любопытно, но, как ни странно, древние канавки и углубления в стенах башни заставили его вспомнить давние детские сказки. Он как будто даже припомнил несколько слов, но не был уверен в их точном смысле.

И он спал во всех трех кроватях и ел из всех трех тарелок. Первая кровать была очень маленькой, а вторая небольшой. Но третья была огромной.

Брюстер расшнуровал сапоги и откинулся на спину, устало вздохнув. Тени сгустились; они, казалось, хотели вытянуть тепло из его тела и разума. Солнце уже не заливало крышу башни розовым светом.

Он закрыл глаза и полностью расслабился.

Существует промежуток между сном и бодрствованием, который может показаться сновидцу долгой, бесконечной ночью. Но Брюстер не сумел вспомнить, как отяжелели веки — как правило, это предупреждало его о наступлении сна. Он не почувствовал ни долгой ночи, ни удивительного выхода из пограничного состояния полусна, в котором четкие черты реальности оставались неуловимыми.

Был ли тот сон кошмарным? Или он просыпался в тисках какой-то странной силы, какого-то инопланетного разума, который захватил контроль над его разумом?

Лишь одно было ясно. Он находился в другом мире. Это был мир огромных контрастов, мир морей и джунглей, мир дождя и палящего солнечного света. Он, казалось, шел по нему, но медленнее, чем ходил до этого. Он, казалось, почти скользил, полз по земле.

Это был мир грома и шума. Можно стоять у моря и смотреть со скалистого мыса на многие мили бьющихся

волн. Можно, покачиваясь, скользить под водой вдоль линий белоснежных кораллов...

Но во внутреннем мире не было ни гроз, ни шума. Если внимательно прислушаться, можно было уловить незаметные движения маленьких животных, жужжание и гул невидимых насекомых. Но не настолько хорошо зная природный мир, можно было вообразить, что находишься в волшебном саду, где все плодовые деревья и сине-алые цветы созданы только для того, чтобы дарить наслаждение.

Космический корабль был крошечной точкой в глубинах неба. Но он стремительно становился все больше. Он сделал несколько кругов и понесся вниз, солнечный свет блестел на его цилиндрической оболочке. В это время в саду все замерло, а потом дикая природа, казалось, начал протестовать против вторжения. Морские птицы вскрикнули и закружились в воздухе, возмущенные ящерицы зашипели и заскользили в свои норки у подножия морской стены.

Корабль внезапно вспыхнул.

Он видел пожар, видел, как огромные языки огня устремлялось в небо. Он просто смотрел, спокойный и в то же время потрясенный; он двигался к кораблю очень медленно — так медленно передвигаются в кошмарах смертельно напуганные люди.

Тем не менее он чувствовал себя бодрым и свежим. Это ощущение сохранилось, когда огромные белые здания и сверкающие сложные инструменты пришли на смену морским картинам; в его голове шептали чьи-то голоса.

— Я знал, что мы можем исцелить. Но они были так близки к смерти, когда мы вытащили их из-под обломков, что я боялся: наша задача окажется трудноисполнимой.

— Даже если бы они умерли — мы смогли бы исцелить их, — сказал второй голос. — Любой фрагмент живой ткани хранит в себе соматическую картину всего организма. Мы могли бы восстановить и оживить их тела и сознания, если бы получили хоть одну живую клетку.

Голос замолчал, затем продолжил.

— Соматическая смерть никогда не бывает мгновенной. Мозг умирает медленнее тела, а энергетический тест показал, что всегда есть несколько клеток, которые сохраняются на протяжении невероятных промежутков времени. Даже без помощи питательной жидкости мы могли бы сохранить несколько клеток.

— Это верно, — согласился первый голос. — Если бы они умерли, подавляющая часть мозга продолжала бы жить в зачаточной форме в одном нервном окончании. На основе крошечного фрагмента поврежденной ткани головного мозга, полного нейрограмм — основных схем памяти и генетики — мы могли реконструировать все утраченные схемы и связать с цепочками памяти, являющимися истоками воображения и желаний. Жизнь вернется во всем своем величественном блеске, жизнь разума, похожая на бескрайнее беспокойное море беспокойностью. Может показаться, что она погибла навсегда, но малейший всплеск возродит ее. Нельзя ограничить жизнь одной планетой или одной звездой; когда она погибает, то на ее бурных вершинах загорается новый факел, который слепит другие миры своими мечтами о выживании. К счастью, эти двое не умерли, хотя их травмы привели бы к смерти, если бы мы не исцелили их с помощью комбинированного применения хирургических методов и соматических лучей. Все подобные победы над смертью являются важными вехами на пути научного прогресса; такие исследования укрепляют власть науки над слепыми силами природы. Мы создали

могущественную и стабильную цивилизацию, придерживаясь одной из задач — покорение природы с помощью непрекращающихся исследований. Но мы не должны забывать, что наши величайшие победы — еще впереди.

Вспыхнул водоворот света, и Брюстер понял, что он находился внутри одного из зданий и смотрит на движущиеся полупрозрачные фигуры, вырисовывающиеся в темноте. Рядом с высокой стеной лаборатории, покрытой научными инструментами, которых он никогда раньше не видел, лежали две белые известняковые плиты, на каждой из которых распростерлась неподвижная человеческая фигура. За плитами возвышались блестящие металлические и стеклянные объекты; что-то круглое, похожее на зеркало, отражало свет, лучи падали в нижнюю часть помещения, на гладкое лицо мужчины и растрепанные темные волосы женщины.

Мужчина и женщина были голыми. На мгновение лучи застыли, нисходящими линиями рассекая неподвижные тени. Затем огненные нити обвились вокруг голов мужчины и женщины и пламенные круги очертили их тела.

Свет медленно двигался вперед и назад, и в рассеянной огнями темноте из-за «зеркала» выступило какое-то существо. Оно было огромным и белым, с выпученными глазами и рожками, выступающими над головой. К этому существу быстро присоединилось другое.

Лежавшая на платформе Хелен Эмери потеряла и открыла глаза.

Затем вновь вспыхнул яркий свет, и сцена переменилась. По всему небу плыли темные облака, скрывавшие силуэты белых зданий. Ударил молния, ослепительное сияние залило небо.

Могло сияние исходить от самих зданий? Брюстер не знал; он погрузился в глубокий сон и не просыпался, пока не начался рассвет.

Проснувшись, он на мгновение испытал чувство нереальности происходящего; он заподозрил причину — и в висках у него запульсировало. Заволновавшись, Брюстер встал в тревоге и посмотрел на ужасную спираль, которая разворачивалась вниз.

Холодный серый рассвет. Казалось, его можно принять за «кошмар фантастического безумия». Как его сознание могло вместить мысли, рожденные нечеловеческим разумом? Как он мог увидеть картины и услышать голоса, которых память никогда не могла запечатлеть?

Неужели в башне обитало что-то, способное физически переноситься в другие места — в озеро, окрашенное красным цветом заката, или в джунгли, в тени которых прячутся опасные хищники? Сейчас все было тихо. Все было абсолютно спокойно. Теперь все, что он видел и чувствовал, не могло быть сном.

Он знал, что психологам известно о природе снов. Особенность снов заключена в том, что внутренние переживания выражаются, когда ум освобождается от необходимости переживаний, от беспокойства, связанного с другими. Это уже проверено. Проводились испытания, после которых никаких сомнений не осталось. И события, пережитые во сне, подчинялись особой логике, которую редко удавалось объяснить после пробуждения.

Но теперь — могла ли логика объяснить то, что он увидел и услышал? Может ли чужая наука обмануть смерть на планете далекой звезды, за множество световых лет от Земли, на ином витке Вселенной? Может ли великая наука излечить смертельно раненых?

Они узнают, подумал он. Если их корабль проносился над морской стеной, они вспомнят. Я попрошу Джима и Хелен отвести меня к обломкам.

Он поднял глаза и увидел рассвет, теплые лучи которого пробивались через высокие окна башни. Небо было светлым, как рассветное небо на Земле; в глубине леса пели птицы

Они узнают. Они скажут мне.

Хелен Эмери склонилась над крошечной плитой, ее волосы сияли в лучах утреннего света. Она тотчас разогнулась, услышав, как спускается Брюстер.

— Это ты, Дональд? — спросила она. — Рано встал, верно?

Брюстер быстро подошел к ней, его лицо исказилось.

— Я почти не спал, — соврал он. — Слишком устал, полагаю. Потрясение оказалось сильнее, чем я думал. Где Джим?

— Утреннее купание, — ответила она, отбрасывая со лба непослушные волосы.

Казалось, она смутилась и быстро добавила:

— Всего лишь десятиминутная прогулка вдоль дамбы, жаль, что мне не так нравится купаться в озере, как Джиму. Я родилась далеко от моря, на ферме, и никогда не видела моря до восемнадцати лет.

Дамба!

Брюстер не помнил, как убедил ее отвести его к обломкам.

Услышанное шокировало его; воспоминания спутались. Кажется, Брюстер смог придумать логичную и внятную причину для такой прогулки. В память врезалось лишь то, что Хелен кивнула в знак согласия.

Путешествие оказалось легким, поскольку тропу заранее расчистили. Тишину нарушал лишь редкий хруст веток под ногами. Они не видели ни птиц, ни рептилий,

лишь один раз крошечное существо скользнуло по тропе и исчезло в кустах с жутким визгом.

Несколько минут спустя они услышали рев и грохот моря. Растительность поредела и исчезла, и они вышли на открытое пространство.

С губ Хелен Эмери сорвался крик удивления. Она стояла, широко раскрыв глаза и недоверчиво глядя вперед; кровь отхлынула от ее лица.

Внезапно она побежала — побежала прямо к яркому новенькому кораблю, стоявшему у дамбы.

— Это наш корабль! — крикнула она. — Дональд, это корабль, на котором мы прилетели сюда! Что могло случиться? Как он мог восстановиться?

Брюстер посмотрел на Хелен; она все еще бежала и на бегу задавала вопросы. Не отвечая, ошеломленный и испуганный, он присоединился к ней возле корабля. Он протянул руку и коснулся прохладного блестящего металла.

Страх пришел и встал рядом с ним, и на мгновение перед его мысленным взором возникла дамба, а потом он заглянул в тень...

Миг озарения. Озарение вошло в его сознание, отступило и вернулось вновь. Интеллект настолько мощный, что он может силой мысли восстановить разрушенный космический корабль, даже если корабль полностью уничтожен огнем. Интеллект такой силы, оснащенный научными инструментами, мог бы сделать... почти все, что хотел.

Брюстера била дрожь, и он вряд ли мог поверить тому, что сам себе говорил. Корабль восстановили с какой-то целью. С какой именно? Чтобы изучить его конструкцию, как ученые изучали бы странное судно, разбившееся на Земле.

Ему нужно остаться одному. Подумать — и принять решение. Представилась возможность, которая откры-

вает ему варианты выбора. Теперь он может выбирать — и выбор не следовало откладывать, ведь другой возможности может не представиться.

Он пытался говорить спокойно, старался, чтобы голос не выдавал его.

— Пойдем отыщем Джима, — сказал он. — Джим должен был к этому моменту вернуться. Он узнает, действительно ли это наш корабль.

— Я отыщу его как можно быстрее, — пообещала она. — Но я уверена, что это наш корабль.

Хелен очень долго и пристально разглядывала Брюстера, как будто пытаясь прочесть его мысли.

— Я не успокоюсь, пока Джим тоже не поймет, — сказал он. — Значит, на этой планете есть разумная жизнь. Выходит, мы не одни, как думали прежде. За нами следили, нас изучали.

Ее глаза расширились от внезапного приступа тревоги.

— Ты действительно так думаешь?

— А какое может быть другое объяснение? Какое другое объяснение ты можешь найти?

— Я пойду к Джиму, — сказала Хелен.

Она развернулась и ушла.

Брюстер недолго постоял, слушая, как стихает звук ее шагов. Затем он повернулся к кораблю. Во рту у него пересохло.

Он вошел в корабль через открытую дверь и огляделся по сторонам. Все казалось невероятно новым — новым, ярким и блестящим. Он увидел двойное кресло для пилотов, стоявшее перед рычагами управления. Он подошел к приборной панели, взглянул на датчики и посмотрел из иллюминатора на зеленый необъятный лес.

В маленькой компактной рубке управления была та безопасность, которой не найти ни в лесу, ни на берегу. Лес может убить тысячей разных способов. И в море

таились тени, которые могли бы угрожать человеческому здравомыслию.

В лесу человек мог погибнуть ужасной смертью, и его выбеленные кости останутся лежать под холодными звездами. На корабеле было два кресла для пилотов, но пилотировать его мог и один человек. Кабина рассчитана на двоих — но не на троих. Корабль не мог доставить двоих мужчин и одну женщину обратно на Землю.

Джунгли были зелеными и таили угрозу. Джунгли шептали: «Не будь дураком! Это твой шанс! Скорее действуй!»

Брюстер сел в одно из пилотских кресел.

Он взглянул на зеленые джунгли. Но никаких джунглей он не увидел. Он увидел Нью-Йорк.

Он вернется в этот огромный город, где вечерами из окон домов льется свет, который ему так нравился; крыши ярко светились, озаряя ночные небеса.

Он вернется в Нью-Йорк с кучей денег. Он сможет зайти в любимый ресторан и сесть за любимый столик. Снаружи темно, он увидит звезды, сияющие в зимнем небе. Вино быстро нальют в бокал, и по стеклу поднимутся пузырьки.

Напротив будет сидеть женщина. Ее имя не имеет значения. Он знал только, что это женщина, нежная и очень красивая, а если он потеряет ее, то его всегда будет ждать другая.

Он закрыл глаза, и женщина оказалась в его объятиях. Ее губы горели, и слова, которые она говорила, мешали ему отправиться на поиски другой. Он был очень рад этому. Ему не о чем беспокоиться.

Брюстер поднялся с кресла пилота и вышел из корабля, чтобы подождать Джима и Хелен.

Джунгли кричали ему: «Ты просто сумасшедший! У тебя был шанс! Почему ты не хочешь воспользоваться им?»

Он не мог дать джунглям никакого ответа. Он никак не мог сфокусироваться на своих мыслях. Двое незнакомцев приняли его как друга, полностью доверились ему. Но это не было надлежащим ответом. Это и в самом деле ничем нельзя было объяснить.

Он увидел, как они шли по тропе, и выпрямился, охваченный внезапным беспокойством. Ему следовало быть рядом с Джимом. Нельзя просто сказать офицеру исследовательской службы: «Твой корабль потерпел крушение, и вы были на грани смерти. Но интеллект, существование которого я не могу даже доказать, исцелил вас. Забирайся и взлетай. Торопись, Джим! Пока они не попытались остановить тебя. Если бы они могли читать твои мысли, они бы сейчас были здесь и остановили бы тебя. Должно быть, твое сознание заблокировано звуком. Воспользуйся этим преимуществом, Джим! Только не стой здесь, глядя на меня!»

Для офицера-исследователя было характерно совершенно иное отношение к миру: он никогда не отступит так быстро. Сначала он должен во всем убедиться, а это потребует времени.

— Дональд, когда Хелен сказала мне, я не мог в это поверить. Я подумал, что это своего рода заглушка. Я... я сел.

Брюстер приподнял взгляд и стоящего перед ним Джима.

Эмери сел на пень и уставился на корабль.

— Как он здесь оказался? — спросил он.

— Мы нашли его здесь, — сказал Брюстер.

— Это наш корабль, — проговорила Хелен. — У тебя есть какие-то сомнения на этот счет, Джим?

— Я все пойму, когда взгляну на приборную панель.

Эмери встал и вошел в корабль. Брюстер и жена Джима последовали за ним. Джим медленно бродил по

рубке управления, его губы вытянулись, глаза странно сияли.

Эмери обошел корабль, как человеку, находящийся под гипнозом, его взгляд скользил по панелям и циферблатам, показывавшим достаточный запас топлива и оптимальное механическое и электронное состояние всего необходимого оборудования.

— Господи! — пробормотал он. — Только не это. Это противоречит здравому смыслу!

Брюстер знал, что придется делать. Он не был героем. В его прошлом осталось немало вещей, которые он хотел забыть — и еще один грязный эпизод не мог ничего изменить. Однако он впервые мог назвать себя порядочным человеком. Это было новое впечатление. Приходит время, когда человеку приходится отдавать все, что можно.

— Джим! — воскликнул он.

Он подождал, пока Эмери не повернулся к нему лицом.

— У меня никогда не было друзей лучше, чем ты и Хелен, — сказал он. Потом Брюстер ударил кулаком по челюсти Эмери. Это был тяжелый, быстрый удар, и он свалил Эмери на палубу. Хелен закричала в ужасе.

Брюстер развернулся и взял ее за плечо. Она пыталась высвободиться, ее глаза были дикими, но он не выпустил ее.

— Послушай меня, — взмолился Брюстер. — Джим сказал мне, что ты тоже офицер-исследователь. Ты знаешь, как управлять этим кораблем.

— Ты ударил его без всякой причины!

Брюстер помотал головой.

— У меня была причина. Мы подвергались очень большой опасности, но я не смог бы убедить его. Он не стал бы слушать. Но он твой муж, и сейчас беспомощен.

Ты меня слушаешь. Он твой мужчина, и влюбленная женщина всегда слушается в таких ситуациях.

— Не стал бы слушать чего? — зло спросила она.

— Я собираюсь остаться и спасти вас от опасности. Я собираюсь сам стать мишенью. Но не думай, что я жертвую собой. Если ты в качестве мишени выберешь Джима, у меня все равно шансов не будет.

Он встряхнул ее, немного грубо, стараясь разозлить.

— Ты понимаешь? Мне придется остаться здесь в любом случае. Но ты можешь спасти Джима. И ты можешь спасти Джима, если положишься на здравый смысл.

Внезапно она перестала сопротивляться. Она взглянула на него, ее губы побелели.

— Ты действительно так думаешь?

— Конечно, я так думаю. Я собираюсь остаться снаружи. Говорю как можно честнее — я хочу, чтобы вы улетели. Только дай мне тридцать секунд, чтобы прояснить ситуацию.

Он не стал прощаться. Он пересек рубку управления тремя быстрыми шагами и одним движением закрыл за собой дверь шлюза.

Он был в семидесяти футах от корабля, когда тот взлетел с оглушительным ревом.

Брюстер пошел медленно через лес, придерживаясь направления, которое, казалось, теперь отчего-то оставалось его последней связью с Землей. На него снизошло чувство почти подавляющего одиночества, когда он увидел башню, окруженную несметными деревьями, вершины которых сияли в солнечном свете. Он долго шел по поляне, опустив плечи.

Внезапно башня показалась ему драгоценной. В башне он насладился удивительным гостеприимством. Он впервые в жизни встретил человека, способного на дружбу, теплую, глубокую и надежную.

Восходящие платформы казались ему теперь безумно пустынными и печальными. Все тени, казалось, издевались над ним, увеличивая его чувство потери, подчеркивая одиночество, которое обволакивало его него, подобно какой-то дьявольской мантии, намертво вставшей в его плоть.

Он поднимался выше и выше.

В верхней части винтовой лестницы он остановился, чтобы взглянуть вниз.

И внезапно он понял секрет башни. Башня была его домом.

На Земле дом не считался домом, пока в него не вселялись жильцы. Когда дом становился жилым, он изменялся. Люди, которые в нем жили, изменяли его.

Если бы стены могли говорить и открывать свои секреты...

Но стены говорили. Как еще объяснить видения, как объяснить голоса? Некий величественный, могучий интеллект создал этот дом, который теперь стал жилищем.

И почему стены не могут быть чувствительными к волнам мысли так же, как фотозлементы чувствительны к удаленному воздействию физического тела. Наука, которая может излечить смертельную рану, легко справится и с этими трудностями. Брюстер присел на край верхней платформы и уставился на винтовую лестницу, вспоминая видения огромных ярких планет, морей и небес, бескрайних вод и первобытных джунглей. На берегах земных морей жили огромные моллюски. Они казались огромными на Земле, но здесь, в джунглях, он встретил ящерицу в двадцать футов длиной.

Улитка не должны постоянно цепляться за свои дома. На Земле были моллюски, способные покидать раковины, когда у них возникало такое желание.

Морские приливы и отливы, бесконечные течения в великом море... Неужели интеллект, зародившийся в

воде, предпочел бы бродить, присоединяя себя к этой волне, чтобы вернуться домой через некоторое время.

Как было легко представить себе существо, уставшее в конце концов от блужданий, поднимающееся на морской берег в своем яром стремлении вернуться домой.

Странные канавки и впадины...

В раковине моллюска были такие же канавки и впадины, потому что моллюск должен строить для себя в форме спирали, должен занимать каждую впадину и выступ в своем доме.

Брюстер все еще сидел, не зная, из-за чего были напряжены его нервы.

На Земле у моллюсков были большие ороговевшие конечности, которые могли входить в пазы, подобные тем, какие Брюстер видел здесь, на расположенной под ним огромной спирали.

Брюстер думал, что научному интеллекту может не доставать сострадания. Возможно, что он спас своих друзей от участи худшей, чем смерть — потому что многие подопытные кролики несчастны. Но в то же время вполне возможно, что этот интеллект мог руководствоваться альтруистическими побуждениями. Чтобы восстановить инопланетную форму жизни и корабль, который привез эту форму в чужой мир, нужно проявить доброту и щедрость. В таком случае Джим и Хелен Эмери должны находиться вне опасности, и их отлет — часть плана чужого разума. Но если разуму чужды подобные альтруистические представления — не решит ли он, что ему помешали, и не попытается ли выместить свою ярость на ком-то?

Что ж, если он был подоопытной свинкой...

Сначала шум был едва слышен; он так легко, почти незаметно коснулся слуха Брюстера — как будто легкое дуновение морского ветра, шелест сухих лесных листьев.

Когда Брюстер это услышал, он понял: нет никакой надежды спастись отсюда. Он оставался неподвижным, слушая, как звук становился громче, слушая, ожидая, тщетно борясь со своим страхом. Звук становился громче и громче, и вдруг к основанию спирали упала тень, которую могло обросить только непрерывно движущееся существо, перемещающееся с неодолимой медлительностью морского прилива.

Вверх по спирали полз хозяин дома, его тень скрывала «тарелки», канавки и впадины. Он постепенно при-

нимал форму раковины, словно эта спираль была частью его разума и плоти. Он полностью занял свой дом, подняв большую, рогатую голову и обратив на Брюстера взгляд, который, казалось, пронзил душу человека.

Внезапно, из расщелины в бутристом известняке возник плавающий, дископодобный объект, он был так ослепительно ярок, что Брюстер прикрыл глаза.

Диск казался невероятно сложным по своей конструкции, его многочисленные ручки и слабо светящиеся трубки показывали, что перед ним научный прибор, служащий некой неведомой цели.

Об этой цели Брюстер начал догадываться еще до того, как трубки присоединились к его лбу. Стены могли говорить, и это был их голос — инструмент для легкого общения, отвечавший на каждый мысленный импульс, созданный владельцем дома.

И гостями дома? А почему нет? Автоматический сторож, возможно, принимающий сообщения в отсутствие хозяина и повторяющий их по его возвращении. Поглощающий впечатления каждой части дома, миллионов крошечных механизмов, фотоэлементов, встроенных в каждый ярус. Прикрепляющийся и к другу, и к врагу...

Как только трубки на висках осветили лицо Брюстера, он понял, что странность и тайна навсегда останутся с ним. Но он также понял, что вопросы, которые никогда не перестанет задавать сам себе, менее важны, чем простой факт: хозяин дома теперь использовал устройство, чтобы общаться с ним напрямую.

— Для тебя, — прошептал голос глубоко в его сознании. — Мы создали это для тебя, Дональд Брюстер! — Казалось, большое лицо, увенчанное рогами, улыбнулось. — Он вернет тебя на родную планету!

Затем Брюстер увидел корабль, стоявший у дамбы в блеске солнечного света. Это была воплощенная красота — самый красивый корабль, который он когда-либо видел.

Он моргнул и прищурился. Он хотел встать на ноги и крикнуть слова благодарности. Но его удивление и восторг были слишком велики; все, что он мог сделать — просто стоять и смотреть.

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЕЙ НОГ

1. Свидетельство Горація Рэнделла, психоаналитика

Кто-то громко постучал в дверь моей спальни. Было уже за полночь, но я не мог заснуть и ответил.

— Кто там? — спросил я.

— Молодой человек, который настаивает на том, чтобы вы его приняли, сэр, — раздался хриплый голос моей экономки. — Молодой человек — очень худой и бледный — говорит, что у него есть дело, которое не может ждать. Я ответила, что вы спите, но после он сказал, что вы единственный доктор, который может ему сейчас помочь. Он говорит, что не спал или не ел в течение недели, и это совсем как молодой парень, сэр! — Скажите ему, пусть войдет, — ответил я, когда надел халат и потянулся за сигарой.

Дверь отворилась, и в лучах света я увидел молодого человека, невероятно изможденного — настолько, что я посмотрел на него с ужасом. Он был шести футов ростом и чрезвычайно плечист, но не думаю, что он весил сто фунтов. Когда он подошел ко мне, то пошатнулся и прислонился к стене, чтобы не упасть. Его глаза сверкали. Было очевидно, что он одержим некой потрясающей идеей. Я любезно указал на кресло, и он рухнул в него.

Через мгновение он выпрямился и посмотрел на меня. Когда я предложил гостю сигару, он отмахнулся с презрением.

— Зачем мне травить свое тело такими вещами? — рявкнул он. — Табак для слабаков и детей.

Я изучал его с любопытством. Это был, по-видимому, необыкновенный молодой человек. Его лоб был высок и широк, нос изогнут, как ятаган, а губы так плотно сжаты, что казались всего лишь тонкой линией на лице. Я

ждал, когда он заговорит, но тишина окутала его, как паутина.

— Мне придется каким-нибудь образом разбить лед, — ответил я. — Вы можете что-нибудь сказать мне — признаться...

Мой вопрос пробудил его. Его плечи дернулись, и он наклонился вперед, сжав обеими руками спинку стула.

— У меня украли то, что принадлежало мне по праву, — сказал он. — Я гений, и однажды, на короткое время, обрел огромную силу. Однажды я спроецировал свою личность перед огромными толпами людей, и каждое слово, которое я произносил, увеличивало мою известность и льстило моему самолюбию.

Он дрожал и трясся с такой силой, что я вынужден был встать и положить свою руку ему на плечо.

— Иллюзии превосходства... — пробормотал я. — Без сомнения, усиленные тяжелым комплексом неполноценности.

— Совсем не то, — рявкнул он. — Я поэт, художник, и внутри меня огромная сила, которая увеличивается. Мир не дает мне самовыражаться как следует и теперь я вправе ненавидеть мир. Пусть люди остерегаются!

Он запрокинул голову и засмеялся. Его смех, казалось, усилил напряжение, которое каким-то образом проникло в комнату.

— Назови меня сумасшедшим, если пожелаешь, — крикнул он. — Но я жажду власти. Я не успокоюсь, пока мое имя не будет на устах миллионов.

— Традиционный курс лечения... — начал я.

— Я не желаю лечиться! — крикнул он, и затем, чуть менее взволнованным голосом, добавил: — Возможно, вы будете удивлены, если я назову свое имя.

— Как вас зовут? — спросил я.

— *Артур Сент-Аман!* — ответил он и встал.

Я был так поражен, что выронил свою сигару. Могу даже сказать, что на миг почувствовал благоговение. *Артур Сент-Аман!*

— *Артур Сент-Аман*, — повторил он. — Вы, естественно, удивлены, узнав, что бледного, зажатого и наполовину обезумевшего юношу, который сейчас перед вами, называли когда-то ровней Ньютону и Леонардо да Винчи. Вы удивлены, поняв, что голодающий паренек с комплексом неполноценности когда-то был признан. Это все так удивительно и так смешно, но трагедия остается. Подобно доктору Фаусту, я однажды посмотрел в лицо Бога, а сейчас я значу не больше, чем любой школьник.

— Вы все еще очень молоды! — ахнул я. — Вам не может быть больше двадцати четырех.

— Мне двадцать три, — сказал он. — Ровно три года назад я опубликовал свою брошюру по эфирным вибрациям. Шесть месяцев я жил в сиянии славы. Я был вундеркиндом научного мира, а затем тот француз выдвинул свою теорию.

— Полагаю, вы имеете в виду мсье Поля Ронделли, — перебил я. — Я помню его поразительное опровержение, сделанное в то время. Он полностью затмил вас в сознании людей, а затем научный мир объявил вас мошенником. Звезда погасла очень неожиданно...

— Но она взойдет снова, — выкрикнул мой юный пациент. — Мир заговорит обо мне, и на этот раз обо мне не забудут. Я должен доказать свою теорию. Я должен доказать, что влияние эфирной вибрации на одиночные клетки заключается в переключении — переключении... — он смутился, а затем внезапно воскликнул: — Но нет, я не скажу вам. Я никому не скажу. Я пришел сегодня вечером, чтобы облегчить перед вами душу. Сначала я хотел пойти к священнику. Мне было необходимо высказаться перед кем-нибудь. Когда мои мысли вырыва-

ются из-под контроля, они превращаются в монстров. У меня активный и ужасный мозг, и я должен иногда выговариваться. Я выбрал вас, потому вы человек разумный и проницательный и уже слышали много признаний. Но я не стану обсуждать с вами эфирные вибрации. Когда вы это увидите, то все сразу поймете.

Он резко повернулся и вышел из моей комнаты и из моего дома, ни разу не оглянувшись. Я больше никогда его не видел.

2. Дневник Томаса Шила, романиста и автора рассказов

21 июля. Сегодня мой четвертый день на пляже. Я уже набрал три фунта и так обгорел на солнце, что напугал маленькую девочку, когда шел плавать этим утром. Она строила замок из песка, а когда меня увидела, то уронила лопатку и визгом побежала к своей маме.

— Ужасный черный человек! — крикнула она. Полагаю, она подумала, что я Джинн из «Аладдина». Это мило — я почти ощутил дурной вкус Нью-Йорка. Элси приедет на уик-энд.

22 июля. Маленькая девочка, которую я вчера напугал, исчезла. Ее искала полиция; вероятнее всего, ее похитили. Этот случай угнетал всех на пляже. Все купальни опустели, и даже дети сидели подавленные и печальные. Никаких следов не нашли на песке в том месте, где в последний раз видели ребенка.

23 июля. Пропал другой ребенок, и на этот раз похититель оставил улику. Возле места жестокой борьбы были найдены трость и шляпа. Песок на несколько ярдов вокруг запачкан кровью. Несколько матерей с детьми выехали из гостиницы в Нью-Бич сегодня утром.

24 июля. Элси приехала утром. Новое преступление совершилось в самый момент ее прибытия, и я едва ли

смог объяснить ей всю ситуацию. Моя бледность сильно напугала ее.

— В чем дело? — спросила она. — Ты выглядишь больным.

— Я болен, — ответил я. — Я увидел нечто ужасное на пляже утром.

— О Боже! — вскрикнула она. — Они похитили одного из детей?

Для меня стало немалым облегчением то, что она прочитала о детях в нью-йоркских газетах.

— Нет, — сказал я. — Детей не нашли, но нашли тело человека — в нем не осталось ни капли крови. Он весь выгорел. И по всему телу исследователи обнаружили маленькие волдыри желтоватой слизи. Когда солнечный свет осветил их, они заблестели.

— Их изучили под микроскопом? — спросила Элси.

— Их сейчас изучают, — объяснил я. — Мы узнаем результаты к вечеру.

— Помоги нам Бог, — сказала Эльси; она пошатнулась и чуть не упала. Я был вынужден поддержать ее, когда мы вошли в гостиницу.

25 июля. Два любопытных события. Химик, который исследовал вещество в медузе, найденной около тела на пляже, заявил, что это живая протоплазма, и он отправил ее на экспертизу в Департамент здравоохранения одному из биологов. И глубокий бассейн около восьми ярдов в диаметре был обнаружен в скалистой трещине примерно в миле от отеля «Нью-Бич»; там, очевидно, находилось несколько странных обитателей. Вода в этом бассейне была черная, как чернила, и очень соленая. Бассейн находился в восьми или десяти футах от океана, это зависело от приливов и отливов, которые происходили каждую ночь и утро. Сегодня утром одна из постоялиц отеля, молодая леди по имени Клара Филипс, оказалась у бассейна совершенно случайно, и будучи

зачарованной его зловещим обликом, решила зарисовать его. Она уселась на краю каменистой трещины и взялась за карандаш, когда что-то под ней издало странный звук. «Галп», — сказало оно, «Галп!» Мисс Филипс испугалась и тут же вскочила, чтобы сбежать от длинного золотого щупальца, которое проскользнуло к ней через скалы. Щупальце появилось из самого центра бассейна, из черной воды, и его вид вызвал у девушки невыразимое отвращение. Она быстро шагнула вперед и растоптала его, и ее нападение было настолько внезапным, что щупальце не смогло увернуться от нее и уйти обратно в воду. Мисс Филипс оказалась удивительно сильной молодой девушкой. Она превратила своим каблуком кончик щупальца в кровавое месиво. Затем развернулась и убежала. Она бежала так, как никогда не бегала со времен подготовительной школы. Но когда она мчалась по мягкому пляжу, ей казалось, что до нее доносились звуки — нечто чудовищное преследовало ее. Надо отдать должное мисс Филипс: она не оглядывалась назад.

А вот история маленького Харри Доти. Я предложил ему красивую монету в десять центов, но он сказал мне, что это бесплатно. Ловлю его на слове.

— Да, сэр, я всегда знал про этот бассейн. Бывало, я здесь ловил крабов, морские огурцы и большие, фиолетовые анемоны, сэр. Один или два раза я поймал что-то необычное, наподобие зубчатой ракушки или безголового червя с зелеными присосками на хвосте и похожим на дьявола с воскресного пикника, или на блестящего ската, сэр. Я никогда не видел подобной вещи, сэр. Я взял его за голову, таких глаз, настолько похожих на человеческие, я еще никогда не видел. Они были синими и бездушными, сэр. Оно плюнуло на меня, и я пошатнулся и ударил его. Я ударил его, сэр. А затем я услышал за

спиной на пляже какой-то грохот. Это был забавный звук, как будто что-то отбивалось.

26 Июля. Элси и я завтра уезжаем. Я на грани смертельного ужаса. Элси заикается всякий раз, когда пытается заговорить. Я не виню ее за это, но не могу понять, почему она хочет вообще говорить после того, что мы видели... Есть вещи, которые можно выразить только молчанием.

Местный химик получил заключение сегодня утром из Совета здравоохранения. Совет постановил, что на пляже был найден объект, состоящий из сотен клеток, очень похожих на клетки человеческого тела. Но они все-таки не являются человеческими. Биологи были полностью озадачены — одна часть находки в настоящее время на пути в Вашингтон, а другая — направлена в Американский музей естественной истории.

Этим летом местные власти исследовали любопытный бассейн в скалах. Элси, я и большинство отдыхающих следили за операцией. Томас Уилшир, полицейский из Нью-Джерси, бросил веревку в бассейн, и мы жадно следили за этим. «Сто футов», — прошептала Элси, когда полицейские смотрели друг на друга в изумлении.

— Оно, скорее всего, ушло в море, — крикнул кто-то.
— Я не думаю, что сам бассейн глубокий.

Томас Уилшир покачал головой.

— В этом бассейне что-то странное, — сказал он. — Мне не нравится его вид. Нырятьщик был шумливым, храбрым маленьким человеком с каким-то непонятным нервным недугом, который заставлял его яростно вздрагивать. — Вы должны спуститься туда когда-то, — сказал Уилшир. Дайвер покачал головой и потоптался на месте.

— Наденьте на него костюм, ребята! — приказал Уилшир, и бедняга превратился в отвратительного глазастого монстра.

Через миг он подошел к бассейну и исчез в его зловещих черных глубинах. Двое мужчин усердно работали насосами, в то время как Уилшир сонно кивал и чесал подбородок.

— Интересно, что он найдет... — пробормотал он. — Лично я не думаю, что у него много шансов выбраться обратно. Я не хотел бы оказаться на его месте за все доллары США.

Через несколько минут резиновые трубки начали сильно дергаться.

— Бедный парень! — шептал Уилшир. — Я знал, что у него нет ни единого шанса. Тяните, ребята, тяните! — Трубы начали быстро вытаскивать. К ним ничего не прилипло, но нижняя часть была покрыта сверкающей золотой слизью. Уилшир схватил отрезанный конец и вскользь его осмотрел.

— Аккуратно обрезано, — сказал он. — Бедняга!

Часть из нас взглянула на другую трубку в ужасе. Элси настолько побледнела, что я подумал: она вот-вот упадет в обморок. Уилшир заговорил снова:

— Мы сделали одно знаменательное открытие. — Мы замерли в ожидании. Уилшир помолчал долю секунды, и слабая улыбка искривила его губы. — В этом бассейне что-то есть, — закончил он. — Жизнь нашего друга была отдана не напрасно.

У меня возникло абсурдное желание ударить его прямо в жирное, торжествующее лицо, и я сделал бы это, но крики других зрителей подавили этот импульс.

— Взгляни! — простонала Элси. Она показала на черную поверхность бассейна. Вода поменяла цвет. Медленно она стала красноватой оттенок; а затем что-то ужасное выскочило на поверхность. — Человеческая рука! — крикнула Элси и закрыла лицо руками. Уилшир присвистнул. Еще два объекта присоединились к первому, Элси смотрела туда, полуприкрыв глаза пальцами.

— Уходим! — скомандовал я. — Уходим сейчас же. — Я схватил ее за руку и силой увел ее от края того ужасного склепа, когда был остановлен криком Уилшира.

— Взгляни на это! Взгляни на это! — закричал он. — Это ужасная вещь. Господи, это не человек!

Вдвоем мы обернулись и стали смотреть. Есть такие богохульные создания, которые невозможно описать. Я смутно помню, что в ночном кошмаре у Тартара были золотые руки, которые сияли и искрились на солнце, и над чудовищно изогнутым клювом были глаза, в которых не осталось ничего, кроме невыразимой злобы.

Мысль о том, чтобы стоять на месте и наблюдать за останками тела бедного маленького водолаза, казалась мне невыносимой, и, несмотря на громкие протесты Уилшира, которые, полагаю, хотел нас заставить это сделать, я повернулся и побежал, буквально волоча Элси за собой. Это было, как оказалось, самое мудрое, что я мог сделать, потому что позже существо вышло из бассейна и практически схватило несколько отдыхающих. Уилшир выстрелил в него два раза из пистолета, но существо плюхнулось обратно в воду, по-видимому, целым и невредимым и триумфально скрылось под водой.

3. Свидетельство Генри Граба, аптекаря

Обычно я закрывал аптеку в 10 часов. Но тем вечером, незадолго до времени закрытия, я склонился над прилавком, читая историю о привидениях, и она была настолько интересной, что я не мог оторваться. Мой нос оказался у самой страницы, и я не замечал ничего, что происходило вокруг меня; а когда я случайно посмотрел вверх, там стоял он и наблюдал за мной.

В свое время я видел немало бледных людей (большинство людей, приходивших с рецептами, были бледны) и я видел несколько тощих людей, но никогда не

видел такого тощего и бледного молодого человека, как тот, который стоял передо мной.

— О Небеса! — сказал я и закрыл книгу.

Губы молодого человека скривились в болезненной улыбке.

— Извините, что беспокою вас, — сказал он. — Но мне плохо. Мне срочно нужна медицинская помощь!

— Чем могу помочь? — спросил я.

Он посмотрел на меня очень торжественно, как будто раздумывая, может ли он доверять мне.

— Это действительно случай для врача... — сказал он.

— К нам не обращаются с подобными случаями, — сказал я ему.

Внезапно он вытащил свою руку. Я ахнул. Пальцы были разбиты в кровавое месиво, и кровь стекала по запястью.

— Вы должны остановить кровотечение, — сказал он. — Я обращусь к врачу позже.

Что ж, я взял немного марли и перебинтовал ему руку как можно туже.

— Немедленно обратитесь к врачу, — сказал я ему. — Кровотечение возобновится, если вы не будете осторожны. К счастью, ни одна из костей не повреждена.

Он кивнул, и на мгновение его глаза вспыхнули.

— Черт побери эту женщину! — пробормотал он. — Черт побери ее!

— В чем дело? — спросил я, но он собрался с силами и просто улыбнулся.

— Я очень расстроен... — сказал он. — Не понимаю, что я наговорил — вы должны простить меня. Кстати, у меня есть неглубокая рана на коже головы, которую вы могли бы осмотреть.

Он снял шапку, и я заметил, что его волосы мокрые. Он раздвинул их рукой и показал мерзкую ссадину шириной около дюйма. Я внимательно ее осмотрел.

— Ваш друг не был очень осторожен, когда он бросил этот крючок, — сказал я наконец. — Никогда не верил в хорошую рыбалку, если в лодке двое. Мой друг таким образом потерял глаз.

— Это из-за рыболовного крючка, — признался он. — Вы кто-то вроде Шерлока Холмса, не так ли?

Я отмахнулся от его комплимента небрежным жестом и повернулся к бутылке с карболовой кислотой, которая стояла на полке позади меня. Именно тогда я услышал нечто среднее между рычанием и стоном.

Я резко повернулся и схватил молодого человека в тот момент, когда он бросался на меня, с пеной у рта и выпученными глазами. Я потянулся вперед и схватил его за плечи, и через секунду мы стали отчаянно бороться на полу. Он укусил и пнул меня; и я был вынужден заткнуть его ударом в лицо. В тот момент я учуял в комнате своеобразный рыбный запах, как через открытую дверь донесенный порывом ветра с моря.

Несколько мгновений я боролся с немалым напряжением, а потом мне показалось: что-то вдруг зашевелилось подо мной. Молодой человек выскользнул из моих рук и направился к двери. Я попытался следовать за ним, но я споткнулся обо что-то скользкое и упал лицом вниз.

Когда я встал, молодой человек ушел, а в руке я держал что-то настолько странное, что едва смог поверить, что это было реально; потом я отбросил это с криком отвращения. Это был красноватый, будто резиновый объект около пяти дюймов в длину, по краям усаженный маленькими золотыми присосками, которые открывались и закрывались, когда я смотрел на них.

Я все еще пытался справиться с ужасным волнением, когда Гарри Мортон вошел в комнату. Он дрожал, и я заметил, что он с опаской озирался по сторонам, когда подходил к конторке.

— Что у вас есть самое лучшее от нервов? — спросил он.

— Бромиды, — сказал я. — Я могу для вас смешать несколько. Но что ужасного произошло с вашими нервами, Гарри?

— Галлюцинации... — простонал он. — И еще другое...

— Расскажите мне, — попросил я.

— Я слонялся по улице, — заговорил он, — и увидел что-то большое, желтоватое, шумно передвигающееся существо, похожее на человека. Это было неестественно, Генри. Я не суеверен, но это выглядело неестественно. И потом оно спустилось в канаву и побежало с быстротой молнии. Еще оно забавно зашумело. Сказало «Галп».

Я смешал бромиды и подал ему стакан.

— Понимаю, Гарри, — сказал я. — Но забудь. Никто тебе не поверит.

4. Свидетельство Хелен Боуэн

Я сидела на крыльце и вязала, когда молодой человек с мешком остановился перед домом и посмотрел на меня.

— Доброе утро, мадам, — сказал он. — У вас есть комната с ванной?

— Посмотрите на вывеску, молодой человек, — говорю я ему. — У меня есть симпатичная светлая комната на втором этаже, которая должна подойти вам.

Он подошел и улыбнулся мне. Но как только я увидела его близко, то сразу невзлюбила. Он был таким ужасно исхудалым, и его рука была забинтована, и выглядел он так, будто явился с поля боя.

— Сколько вы хотите за комнату? — спросил он.

— Двенадцать долларов, — сказала я ему. Я хотела избавиться от него и думала, что высокая цена его от-

пугнет, но он сунул руку в карман, вытащил пачку банкнот и начал их считать. Я тотчас встала, вежливо ему поклонилась, схватила его и повела в холл. Я не хотела упускать подобную возможность. У кузена Хирама есть игра, в которую он играет с ракушками, и я поняла, что молодой человек станет устрицей для кузена Хирама.

Я потащила его наверх и показала комнату, которая, казалось, его устроила. Но когда он увидел ванну, то начал прыгать, как школьник, захопал в ладоши и начал вести себя так странно, что я начала подозревать, будто он сходит с ума.

— Это самый подходящий размер! — крикнул он. — Надеюсь, вы не против, если она будет наполнена целый день. Я принимаю ванну достаточно часто. Но я должен положить в нее немного соли. Я не могу купаться в пресной воде!

— Он, конечно, странный... — подумала я. — Но я не против. Такой шанс выпадает нечасто.

Наконец он успокоился и вытолкнул меня из комнаты.

— Все в порядке, — сказал он. — Но я не хочу, чтобы меня беспокоили. Когда принесете соль, спуститесь в зал и закройте дверь. Ни под каким предлогом никто не должен заходить в эту комнату.

Он закрыл дверь перед моим носом, и я услышала звук ключа в замке. Мне это не нравилось, и мне не понравились звуки, которые начали издаваться из-под двери. Сперва я услышал громкий вздох, как будто что-то неприятное лезло из его груди, а потом я услышала забавный глотательный звук, который мне не понравился. Он не терял времени. И я услышала громкий плеск и глоток, а затем, примерно через пятнадцать минут, все стало тихо, как смерть.

Больше мы не слышали о нем ничего до вечера, когда я послала Лиззи за солью. Сначала она попыталась открыть дверь, но та была заперта, и Лиззи пришлось положить сумку в холле. Но она не ушла. Она прижалась к стене и стала ждать. Примерно десять минут спустя дверь открылась, и длинная, тонкая рука протянулась и взяла сумку. Лиззи сказала, что рука была желтая, мокрая и самая тонкая, которую она когда-либо видела.

— Но он худенький молодой человек, Лиззи, — объясняла я ей.

— Возможно, — сказала она. — Но я никогда прежде не видела человеческое существо с подобными руками!

Позже, в районе 10 часов, должна сказать, я сидела в зале с шитьем, когда почувствовала что-то влажное на своей руке. Я взглянула наверх и обнаружила, что с потолка капает красное. Я видела именно то, о чем говорю. Потолок был весь влажный, и с него капало красное.

Я вскочила и побежала в зал. Я хотела кричать, но кусала губы, пока кровь не начнет стекать на мой подбородок, что заставило меня прийти в себя и стать решительной.

— Скорее всего, это тот молодой человек, — сказала я сама себе.

Я вскарабкалась по лестнице, мрачная как смерть, и постучала в его дверь.

— Я буду стоять здесь, пока ты не выйдешь! — крикнула я. — Открой немедленно!

Я услышала, как за дверью что-то шлепало за дверью. «Оно ненасытно. Подлый, голодный зверь! Почему оно не думает ни о чем, кроме своего желудка? Я не хотел, чтобы оно выходило. Но ему сейчас не нужен свет. Когда его аппетит пробуждается, он меняется без облучения. Господи, но я с трудом забрал его снова. С каждым разом все труднее и труднее!»

Внезапно он, кажется, услышал стук в дверь. Его чу-даковатая болтовня закончилась, и я услышала, как ключ повернулся в замке. Дверь приоткрылась, и он взглянул на меня. На него было страшно смотреть. Щеки впали, и под глазами были ужасные большие круги. На голове виднелась повязка.

— Я хочу, чтобы ты ушел сейчас же, — сказала я. — Здесь творятся странные вещи, и я не могу их вынести. Тебе придется уйти.

Он вздохнул и кивнул.

— Возможно, что так, — сказал он. — Я хотел уйти в любом случае. Здесь есть крысы”.

— Крысы! — я ахнула, но не очень удивилась. Я зна-ла, что в доме есть крысы. Они превратили мою жизнь в кошмар. Я никогда не могла избавиться от них. Даже кошки боялись их.

— Я не переносу крыс, — продолжил он. — Я соби-раюсь и ухожу.

Он закрыл дверь передо мной, и я услышала, как он стал бросать свои вещи в сумку. Дверь открылась снова, и он вышел на лестничную площадку. Он был ужасно бледен и облокотился о стену, чтобы удержаться, а затем он начал спускаться по лестнице.

Я смотрела, как он спускался, и когда он ступил на первую ступеньку, то пошатнулся и прислонился к сте-не. Потом он, кажется, стал ниже, и пошел вниз по по-следнему пролету, переступая через три ступеньки ра-зом. Затем он совершил прыжок по направлению к две-ри. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь подходил к двери так быстро, и я начала подозревать: он что-то сделал, из-за чего ему теперь стыдно.

Итак, я развернулась и пошла в комнату. Когда я взглянула на дверь, то чуть не упала в обморок. Она вся была скользкой и мокрой, и семь мертвых крыс лежали на спинах в центре комнаты. И они были такие блед-

ные, каких я никогда не видела. Их носы и хвосты были абсолютно белыми, и они выглядели так, как будто в них не было ни капли крови. А затем я вошла в альков и взглянула на ванну. Я не расскажу вам, что я там увидела. Но помните, я говорила вам о потолке внизу? Я говорила, что с него капало красное, и альков от него не отличался.

Я выбежала из комнаты настолько быстро, насколько могла, и закрыла и заперла дверь, а затем спустилась и позвонила кузену Хираму.

— Приезжай срочно, Хирам, — сказала я. — Здесь произошло что-то ужасное!

5. Свидетельство Уолтера Нойза, смотрителя маяка

До этого дела шли довольно хорошо. Я весь день полировал лампы, и у меня появились на руках большие мозоли, размером практически с куриное яйцо. Я пошел в башню, заперся внутри и достал книгу, которую читал в течение недели. Это был перевод «Арабских ночей», сделанный юношей по имени Лэнг. Какое это великое утешение для парня, когда он сам закрылся от всех у края мира. А я всегда любил читать о молодом короле Черных островов. Я читал первую главу о короле Черных островов и дошел до предложения «И тогда юноша снял свою мантию, и султан с ужасом осознал, что он был человеком только по пояс, а нижняя часть его тела обратилась в мрамор». И тогда я случайно посмотрел в окно.

Ледяной южный ветер яростно стучал дождем по стеклу, и сначала я не видел ничего, кроме прозрачного блеска на мокром стекле и неясную сияющую линию темных, огромных волн. Тогда поразительный и неопи-суемый предмет прижался к окну и заслонил черное море и небо. Я ахнул и вскочил.

— Чудовищный кальмар! — пробормотал я. — Должно быть, на берегу разыгрался шторм. Это щупальце разобьет стекло, если я не сделаю что-нибудь...

Я пошел за плащом и шляпой, и через миг я спускался по винтовой лестнице, переступая три ступени враз. Еще до начала шторма я вооружился револьвером и бокалом крепкого ямайского рома.

У выхода я на мгновение остановился и осмотрелся. Но оттуда, где я стоял, я не смог увидеть ничего, кроме высоких серых валунов, окаймлявших южную оконечность острова, и поверхности поднимающейся и бушующей воды. Дождь бил мне в лицо и практически ослеплял меня, и низкий ропот доносился от могучих волн. Передо мной простирался лишь необъятный яростный океан; за моей спиной — тепло и безопасность моего миниатюрного убежища, свежая курительная трубка и книга с чудесными историями; но я не мог позабыть о той угрожающей гадкой фигуре, которая прижалась к стеклу. Я опустился по трем ступеням на скалу и быстро направился к задней части маяка. Капли дождя, более едкие, чем слезы, текли по моим щекам, попадали в рот и стекали с уголков усов. Всепоглощающая темнота цеплялась, как пиявка, к моей одежде. Я не прошел и двадцати шагов, как наткнулся на неподвижную фигуру.

Сначала я ничего не увидел, кроме головы и плеч хорошо сложенного мужчины; но как только я подошел чуть ближе, то столкнулся с чем-то, что заставило меня закричать от ужаса. Отвратительное щупальце выбросилось и обвилося вокруг моей ноги. С испуганным криком я отвернулся и попытался бежать. Но из темноты выскочило еще одно щупальце, и еще одно. Мои пальцы сжали револьвер в кармане. Я вынул его и открыл огонь по корчащейся твари.

Выстрел из моего оружия отозвался эхом от соседних валунов. Внезапный, пронзительный крик агонии разорвал тишину. Затем послышалась страстная мольба.

— Не стреляйте больше! Пожалуйста! Я устал. Я устал, когда пришел сюда, и я хотел помочь! Я не хотел причинять вам вреда. Клянусь Богом, я не думал, что они нападут на вас. Но я не мог их сейчас контролировать. Их очень много. Это слишком много для меня. Пожалейте меня!

На мгновение я был слишком потрясен, чтобы думать. Я тупо уставился на дымящий револьвер в своей руке, а затем моим глазам вновь открылся бурный океан. Вид огромных волн успокоили меня. Я медленно обратил свой взгляд к невообразимому существу, которое находилось передо мной.

Но даже когда я просто посмотрел на него, мой разум снова помрачился, и к горлу подступила тошнота. «И тогда юноша снял свою мантию, и султан с ужасом осознал, что он был человеком только по пояс...»

В нескольких футах от места, где я стоял, ужасная желеобразная масса гадко растекалась по мокрым камням, и от этой испещренной прожилками центральной массы расходилась тысяча щупалец, извивающихся, подобно змеям на голове Медузы Горгоны. И посреди этой непристойности виднелись торс и голова обнаженного молодого человека. Его волосы были спутаны и покрыты водорослями; и на его высоком белом лбу были пятна крови. Его нос казался настолько острым, что он мне напомнил меч, и я на мгновение подумал, что он заблестит в тусклом, таинственном свете. Его зубы стучали так громко, что я мог слышать их стук там, где стоял; и, пока я смотрел и смотрел на него, он сильно кашлял; в углах рта выступила пена.

— Виски! — пробормотал он. — Я устал! Я столкнулся с кораблем...

Я не мог говорить, но полагаю, что из моего горла донеслись какие-то странные звуки. Молодой человек истерично кивнул.

— Я знал, что вы меня поймете, — пробормотал он. — Мне с этим не справиться, но я знал, что вы мне поможет. Бокал виски...

— Как с тобой могло такое случиться? — выпалил я. Я наконец справился со своим голосом, и теперь был полон решимости вернуть себе спасительное здравомыслие. — Как это существо намоталось на тебя?

— Оно не намоталось на меня, — простонал парень. — Я — это оно...

— Ты это что?

— Часть этого... — ответил молодой человек.

— Разве оно не поглотило тебя? — закричал я ему. — Ты не собираешься сейчас стать его пищей.

Молодой человек грустно покачал головой.

— Это часть меня, — повторил он снова, а затем добавил: — Мне нужно что-то, что поддержит меня. Мне конец. Я плавал, подошел корабль и отрезал мне шесть ног. Я ослаб из-за потери крови, и я не могу стоять.

Длинная рука поднялась и коснулась воды.

— Некоторые из них еще живы, — сказал он, — но я не могу их контролировать. Одни действуют, но другие — уже нет. Я не могу ходить на них.

Собрав всю отвагу, какую я смог в себе найти, я поднял револьвер и двинулся в сторону существа.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — крикнул я. — Но я расщеплю этого монстра на атомы.

— Ради Бога, не делай этого! — взвизгнул он. — Это можно назвать убийством. А мы человеческие существа.

Вспышка алого огня ответила ему. Почти бессознательно я нажал на спусковой крючок, и теперь мое оружие заговорило снова.

— Я разорву его в клочья! — пробормотал я сквозь зубы. — Подлый ползучий черт!

— Не делай этого! Не делай этого! — взвизгнул юноша, а потом неземной вопль разорвал покров ночи. Я видел, как существо затряслось всеми своими складками, а потом вдруг встало и нависло надо мной. Кровь брызнула из его огромного, раздутого тела, и малиновый душ окатил меня. Высоко над собой, в ста футах в вышине, я увидел бледное, измученное лицо молодого человека. Он выкрикивал проклятия. Казалось, он шел на ходулях.

— Ты не можешь убить меня! — закричал он. — Я сильнее, чем думал. Я еще одержу победу!

Я снова достал револьвер, чтобы открыть огонь. Но прежде чем я смог прицелиться, существо погрозило мне и погрузилось в море. Возможно, для меня великое счастье, что я не погнался за ним. Мои колени подогнулись под меня, и я упал. Когда я собрался с силами и смог заговорить — я лежал на чистых белых простынях и смотрел в голубые глаза удивленного правительственного инспектора.

— С тобой стряслась беда, парень, — сказал он. — Пришлось дать тебе транквилизаторы. У тебя шок был?

— В каком-то смысле да, — ответил я. — Но все началось с «Арабских ночей»...

6. Вундеркинд

[Странная рукопись, найденная в бутылке]

Я был вундеркиндом. Мой гений порастил мир. Великолепный ум, грандиозная судьба! Мои враги... объединяются, чтобы уничтожить меня. Проколотый воздушный шар...

Маленькая коробка, и я положил под нее собаку. Она изменилась... желе! Эфирные колебания, генерируемые

любопытными изменениями в живых клетках... Процесс начался, и ничто его не остановит. Рост! Огромный рост! Из побега образовались ноги! руки! Удивительный рост! Человеческое существо рядом. Положите маленькую девочку под это. Она изменится. Красивая медуза! Он становилась все больше. Я покормил ее мышами. Потом ее уничтожил.

Так интересно. Нужно попробовать это на себе. Я знаю, как вернуться. Сила воли. Воля ребенка слишком слаба, но мужчина может возвратиться. В содержании клеток нет фактических изменений.

Огромный опыт! Я выбрал глубокий бассейн, где я мог спрятаться. Голод. Видел человека на пляже.

Подозрение полиции Я должен быть более осматрительным. Почему я не взял тело в море?

Ужасный инцидент. Девушка — художник. Я почти поймал ее, но она наступила на ногу. Раздавила ее. Ужасная боль. Я, конечно, должен быть более осторожным.

Великое унижение. Маленький мальчик подцепил меня. Но я напугаю его. Шалун! Я смотрел и смотрел на него. Я попытался поймать его, но он бежал слишком быстро. Я хотел съесть его. У него были очень красные щеки. Я ненавижу женщин и детей.

Конечно, они подозревали. Маленькие мальчики всегда болтали. Я хотел съесть его. Но я хорошо их напугал, и я получил мужчину. Он спустился за мной в костюме водолаза. Но я схватил его. Я разорвал его на куски. Я имею в виду буквально — на куски. Затем я позволил фрагментам всплыть. Я хотел напугать их. Я думаю, что мне это удалось. Они побежали, чтобы спасти свою жизнь. Власти — дураки.

Я пошел назад. Но это было нелегко. Существо боролось и боролось. «Я хозяин!», — сказал я, и оно сглотнуло.

Оно глотало, глотало и глотало, а затем я вернулся. Но моя рука была придавлена и истекала кровью!

Этот дурак клерк! Почему он так долго? Но он не догадывался, какой сильный голод пробудило во мне его красное лицо. Я стоял перед прилавком, и он вернулся. Я бросился на него. Мне повезло, я увернулся.

Ужасная проблема. Я не могу превратиться обратно. Я проснулся ночью и обнаружил, что оно разлагается и на кровати, и на полу. Его руки корчились и извивались. И оно ненасытно. Во время бодрствования оно непрерывно требует пищи. Иногда оно полностью поглощает меня. Но теперь, когда я пишу, верхняя часть моего тела — человеческая.

Сегодня днем я въехал в меблированные комнаты недалеко от пляжа. Соленая вода стала необходимостью. Изменения сейчас происходят быстрее. Я не могу сдерживать это. Моя воля бессильна. Я наполнил ванну водой и добавил немного соли. Затем залез в нее. Великолепное ощущение. Чудесное расслабление. Голод. Страшный, ненасытный голод.

Я — все звери, все животные. Крысы. Я поймал шесть крыс. Очень вкусно. Великолепное ощущение. Но я испортил комнату. Что делать, если у старой идиотки снизу возникнет подозрение?

У нее возникнет подозрение. Она хочет меня выгнать. Я уйду. Сейчас для меня есть только одно убежище. Море. Я пойду к морю. Я не могу больше притворяться, что я человек. Я — все звери, все животные. Какой шок я должен вызвать у старой ведьмы. Я слышал, как ее зубы стучали, как она шла вверх по лестнице. Все, что я мог сделать, это удержаться и не прыгнуть на нее. В конце концов в море. Великое расслабление, великое наслаждение. Свобода наконец.

Корабль. Я побежал к нему. Шесть рук побежало. Страшная агония. Я страдал в течение нескольких ча-

сов. Земля. Я карабкался по скалам и сорвался. Потом я решил вернуться.

Часть меня пошла назад. Я звал на помощь. Сумасшедший дурак вышел из маяка и уставился на меня. Пять из моих щупалец прыгнули на него. Я не мог их контролировать. Они обвили его ногу. Он потерял голову. Достал револьвер и стрельнул по ним.

Я получил контроль над ними. Огромные усилия. Умолял его, пытался ему все объяснить. Он не желал слушать. Выстрелы — много выстрелов. Белый горячий огонь в моем теле — в моих руках и ногах. Сила вернулась ко мне. Я встал и вернулся в море. Я ненавижу человеческие существа. Я становлюсь больше, и заставляю мир узнать обо мне.

Артур Сент-Аман

7. Ловец лосося

[Свидетельство Уильяма Гэмвелла]

Нас было пятеро в лодке: Джимми Симмс, Том Снодграсс, Гарри О' Брайен, Билл Сампсон и я.

— Джимми, — сказал я, — мы можем начать обедать. Я не особенно голоден, но все лососи спрятали свои носы в грязи!

— Они, конечно, не берут приманку, — сказал Джимми. — Я никогда не видел, чтобы дрянные твари так медленно плавали.

— Прекрати жаловаться, — промычал Гарри. — Мы здесь всего пять часов.

Мы дрейфовали в сторону восточного берега, и я крикнул Биллу вытащить весла, но он ничего не сделал.

— Мы ляжем в дрейф, — предупредил я. — Кстати, что это за странный буксир с разбитой дымовой трубой?

— Он появился этим утром, — сказал Джим. — Помоему, похоже на контрабандиста.

— Они страшно рискуют, — ответил Гарри. — Таможенники могут появиться в любую минуту.

Конечно, вскоре появилась и лодка таможенников, плававшая вдоль берега и похожая на тощую осу, вставшую на тропу войны.

— Они приказали буксиру остановиться, я уверен в этом, как в своем рождении, — сказал Билл. — Похоже, у нас тут горячее дельце!

— Назад! — крикнул я. — Хотите оказаться между ними?

Том и Билл вытащили весла и повернули в сторону западного берега; а затем течение подхватило нас и понесло дальше. На палубе на мгновение подняли сигнальный флаг. Джимми перевел нам.

— Остановитесь, или будем стрелять, — крикнул он. — Теперь давайте посмотрим, что на это ответят!

Буксир, видимо, решил игнорировать приказ. Он развел пары и бросился вперед. Из трубы вырвался огромный столб дыма.

— Они пытаются оторваться! — крикнул Билл. — Но у них нет ни единого шанса.

— Ни единого, — подтвердил Том. — Один залп разнесет их на атомы. — Билл встал и прикрыл ладонями уши. Остальных грохот почти оглушил. — Что я тебе говорил? — крикнул Том.

Мы взглянули на буксир. Дымовая труба исчезла, и корабль застыл в дыму.

— А это был только один выстрел, — сказал Билл. — Но повреждения уже большие. Подождите, они выстрелят из большой пушки!

Мы ждали, ожидая увидеть что-то интересное. Но мы увидели то, что испугало нас почти до смерти. Между катера и буксиром из воды появилась гигантская, желтоватая мерзость, которая поднялась на тридцать футов в воздух. Она дико билась и издавала ужасные звуки,

будто что-то глотала. Мы слышали бешеные вопли людей на буксире, и с палубы катера кто-то крикнул: «Взгляни на это! Взгляни это! О, Боже!»

— Смилуйтесь, небеса! — прорычал Билл.

— Оно пришло за нами! — заорал Том.

Через миг существо поднялось и завертелось между двумя лодками, а затем направилось к катеру. У него была, по крайней мере, тысяча ног, и они гадко вертелись в солнечном свете. У твари обнаружился крючковатый клюв и большой рот, который открывался и закрывался, и глотала она больше воды, чем кит. Существо было ужасно, чудовищно большим. Оно достигло предела высоты, и своей бесформенной, кощунственной необъятностью превзошло две лодки и все грузовые суда в порту.

— Вы живы? — завопил Билл. — А там действительно берег Лонг-Айленда? Я не верю в это. Мы в индийском океане или в Персидском заливе или посреди Гиперборейского моря ... То есть в *Ермунганде*!

— Что такое Ермунганд? — крикнул Том. Он бросился к концу каната и решительно ухватился за него.

— Эти существа живут на дне арктических морей, — простонал Билл. — Они вырываются на воздух раз в сотню лет. Я клянусь, что это существо — Ермунгандер.

Ермунгандер или нет, но всем нам стало очевидно, что монстр знал, что делает. Он надвигался на катер с невероятной скоростью. Вода поднималась и пузырилась на его пути. На других лодках люди бросились к бортам и наблюдали за всем происходящим широко открытыми глазами.

Матросы на катере оправились от сиюминутного потрясения, яростно замахали руками и забежали взад и вперед по палубам. Три орудия были приведены в рабочее положение и направлены на наступающий ужас.

Маленький человек с золоченой тесьмой на рукавах странно дергался и во весь голос выкрикивал команды.

— Не стреляйте, пока не сможете посмотреть ему в глаза! — кричал он. — Мы не можем позволить себе промахнуться. Мы дадим бортовой залп, который он не забудет.

— Это немыслимо, сэр! — закричал кто-то, — Раньше в мире никогда не было ничего подобного.

Мужчины на борту буксира явно обрадовались. Трубки и бескозырки взлетели в воздух под громкие торжествующие крики, вырвавшиеся из ста пьяных горл.

— Огонь! — крикнул карлик в синем мундире, командовавший катером.

— Это ничем хорошим не кончится! — крикнул Билл, когда гром пушек сотряс нашу лодку. — Это не приведет ни к чему хорошему.

Как выяснилось, Билл был прав. Небывалому залпу не удалось остановить мерзкого монстра.

Он поднялся, словно облако, из воды и двинулся к катеру, как летающая рыба. Он неистово простер свои огромные руки и обнял катер. Он вырвал суденышко из волн и яростно поднял в воздух.

Его огромные золотые бока сверкали подобно утренним звездам, но красная кровь сочилась из зияющей дыры на горле. Тем не менее, он не обращал внимания на раны. Он поднял маленький стальной корабль в воздух своими гигантскими сплетенными руками.

Я никогда не забуду тот момент. Закрываю глаза, и это все передо мной. Я снова вижу этот великанский ужас из безмерных пропастей, то вертящееся фантастическое чудовище из зловещих глубин чернейшей ночи. И в его колоссальных руках и ногах я вижу крошечный корабль, из которого с визгом выпадала сотня маленьких людей, кричащих и скрывавшихся в пенящемся черном водовороте.

Оно все поднималось и поднималось, и его сверкающая масса закрыла солнце. Монстр взмыл вверх, и его гибкие руки скрутили катер, превратив корабль в бесформенную массу стали.

— Мы следующие! — пробормотал Билл. — Нас ничто не спасет. У человека нет шансов, когда он находится прямо перед Ермунгандером!

— Это не Ермунгандер! — пропищал Том. — Это человеческое существо, которое вылезло наружу на ночь. Но я не говорю, что оно не хочет схватить нас.

Другие мои спутники упали на колени. Но существо не атаковало нас. Вместо того, издав душераздирающий вопль, который казался немыслимым, оно скрылось под волнами, унеся с собой смятые остатки героического маленького катера и измельченные, истерзанные человеческие тела. И когда тварь исчезла из виду, вода вокруг окрасилась в красный цвет, цвет крови.

Билл был на веслах, он кричал и ругался, пытаясь нас приободрить.

— Тяните, парни,— скомандовал он. — Давайте подойдем к левому берегу, пока рыба снова не начнет дышать. Среди нас нет тех, кто захочет провести остаток жизни на дне моря. Среди нас нет тех, кто захотел бы иметь дело с Ермунгандером.

Через миг мы развернули лодку и отправились на берег.

Люди на других кораблях плакали и махали нам, но мы не останавливались и не отвечали ни на какие просьбы. Мы не думали ни о чем, кроме огромного чудовища, которого мы увидели поднимающимся в небо — и зрелище это никогда не забудется.

8. Новость из «Лонг-Айленд газетт»

Тело молодого человека, около 25 лет, было найдено этим утром на пустынном пляже возле Нортпорта. Вид тела свидетельствует о сильнейшем истощении, мистер Э. Томас Богарт обнаружил три небольшие раны на бедре молодого человека. Края раны были окрашены, как будто от пороха. Тело едва ли весит сто фунтов. Полагают, что молодой человек стал жертвой нечестной игры, поблизости от места происшествия ведутся допросы.

9. Коробка с ужасом

[Свидетельство Гарри Олсона]

Я ничего не ел в течение трех дней, и я пошел к мусорным бакам. Иногда находишь что-то ценное в баках, иногда — нет; но в любом случае, я работал систематически. Я прошел по всей улице, и не нашел ничего полезного, кроме старой пары подтяжек и банки лосося. Но когда я дошел до последнего дома, то остановился и выпучил глаза. Затем я протянул руку и подобрал коробку. Это была забавная с виду коробка, со стеклянными стенками, с маленькими отверстиями, с металлическими отсеками около трех квадратных дюймов в задней части, и с рукояткой, достаточно большой, чтобы за нее мог взяться человек.

Я взглянул на окна дома, но там не было никого, кто бы смотрел на меня, и тогда я спрятал коробку в пальто и пошел вниз по улице. «Это что-то дорогое, могу поклясться своей жизнью, — подумал я. — Возможно, какой-то старый врач сдох, и его жена выбросила вещь по-дальше, не посоветовавшись ни с кем... Это настоящее научное сокровище, и я смогу получить за него еды на неделю.

Я хотел изучить коробку получше, поэтому решил сделать перерыв. Я сел в укромном местечке, достал штуквину из пальто и посмотрел на нее.

Что ж, сэр, это заинтересовало меня. На коробке был маленький рычаг; если на него нажать, то опускалось стекло, и в задней части металлической коробки что-то щелкнуло. Потом она засветилась. Я сразу понял, что на стекле что-то должно было появиться. Я не знал, что именно, но любопытство проснулось. «Этот свет неспроста, — думал я. — Эта коробка обозначает бизнес».

Я начал думать, что произойдет, если туда положить что-то живое. Там, где я сидел, были кусты; я встал и отправился на поиски. Это заняло некоторое время; но потом я поймал нужное существо и держал его крепко между большим и указательным пальцами, чтобы оно не смогло убежать, а потом заговорил с ним. «Кузнечик, — сказал я, — не имею ничего против тебя лично, но наука требует жертв».

Этот негодяй покачивался, извивался и измазал мой большой палец патокой, но я не выпустил его. Я сжал его покрепче и затолкнул в коробку. Затем я поднял рычаг и заглянул в отверстие.

Бедняга корчился и вертелся в течение нескольких минут, а затем начал растворяться. Он становился все тоньше и тоньше, и вскоре я мог смотреть сквозь него. Когда он превратился в какую-то слизь, то начал извиваться. Я бросила его на землю, и он понесся быстрее, чем многоножка.

«Я брежу, — подумал я. — Я вижу то, чего никогда не бывало». Затем я сделал очень большую глупость. Я сунул руку в ящик и повернул рычаг. Сначала ничего не произошло, но потом моя рука начала холодеть. Я заглянула через отверстия, и то, что я увидел, заставило меня закричать, и вытянуть руку, и побежать, словно сумасшедший. Моя рука казалась массой извивающихся, за-

кручивающихся змей! По крайней мере, сначала они выглядели как змеи, но потом я увидел, что они были мягкими, желтыми, эластичными и намного хуже, чем змеи.

Но даже тогда я не совсем потерял голову. По крайней мере, я не терял ее долгое время. «Это явная галлюцинация, — сказал я себе, — и я не стану из-за этого с самим собой спорить». Я сел на большой камень, поднял свою руку и посмотрел на нее. У нее была тысяча пальцев, и с них капало, но я заставил себя смотреть на них. Я начал рассуждать. «Избавиться от этого, — сказал я. — Ты все выдумываешь!» Мне показалось, что пальцы начали укорачиваться и немного затвердели. «Ты все придумываешь, — продолжил я. — Это чистейшая ерунда. В ящике нет ничего необычного!»

Что ж, сэр, можете не верить мне, но я спорил с собой ради сохранения рассудка. Моя рука снова стала нормальной. Извивающиеся, извилистые существа стали короче, толще и соединились вместе, и очень скоро ко мне вернулись пальцы.

Затем я встал и закричал. К счастью, меня никто не услышал и никто не увидел, как я танцевал на пальцах своих ног. Когда дыхание восстановилось, я взял адскую коробку и унес ее. Я выбросил ее прямо в реку. «Настал твой черед, — сказал я. — Больше ты не станешь превращать бедных тварей в медуз!»

Что ж, сэр, я бросил эту гадость в реку, но сначала я раздавил ее досками на причале, пока она не утратила форму. Она стала совершенно ни на что не похожей.

— Тебе конец! — закричал я, когда она тонула. Мне следует дать за это медаль, но я не жалуюсь. Не каждый человек может называть себя бескорыстным благодетелем человечества.

ПАРЕНЬ НА МЕСТЕ

Я был парень на месте. Я оставил другого парня лежать в темном переулке, покрытая медью пуля осталась в его теле, и полицейские называли мое имя. А еще они называли бандита по имени Джек Андерс. Андерс выскочил из переулка и убрался прочь как можно быстрее, не остановившись посмотреть, иду ли я за ним следом. Пуля вылетела из дула пистолета Андерса, но я был виноват в случившемся так же, как и он.

Постойте... Конечно, если честно, я был виноват сильнее. Он нажал на курок, но это я указал на парня. Я хотел укрыться от яркого света, потому что, когда я посмотрел на свои руки, стоя под уличным фонарем, ладони, казалось, изменили цвет. Я не мог оставаться на свету, не мог этого вынести. Мои руки... красные руки...

В темноте я мог забыть о руках. Я хотел танцевать в темноте, хотел раствориться в ритме спокойной музыки. Это было странное убеждение... Впрочем, подумайте. По всему городу разлетались сообщения, в которых звучало мое имя. Входя в тот танцзал, я буквально выставлял себя напоказ — и в ту же самую ночь.

Я должен был скрыться в толпе на улице. Но я — беспокойный парень. Когда я получаю иену, я должен отработать гонорар, даже если это означает, что копам придется побегать как следует.

Накрашенные куколки в броских костюмчиках стояли вокруг в свете тусклых ламп, когда я входил в зал. Я миновал билетную кассу и смешался с нелепыми с виду постоянными посетителями. Ребята, которые посещают танцзалы, все одинаковы... Тупые, неуклюжие болваны, которые должны выкладывать наличку, чтобы удостоиться благосклонности дам.

У меня все по-другому. Все, что мне нужно сделать — просто поманить пальцем. Я не говорю о том, что могу туда войти, даже не покупая билет. Ненадолго... Есть правило, которое гласит, что вы можете сначала посмотреть на дам и выйти, если они вам не подходят. Все, что я сделал поначалу — смешался с постоянными клиентами и оценил дам. Вот так я и подслушал разговор.

Две дамы, которые перешептывались между собой, держались в углу, подальше от веревок, ограждавших танцпол. Одна была блондинкой с холодным взглядом, в котором словно застыло: «Я за тобой слежу».

Другая девочка была молода и мила, я с первого взгляда мог угадать, что она в первый раз сюда попала.

Блондинка буквально пронзала взглядом свою спутницу. Я подобрался поближе и прислушался к ее словам. Она не давала той бедной девочке и слова вставить.

— Ты очень умная, так? — насмехалась она. — Думаешь, что у тебя что-то есть.

Темноволосая девочка покачала головой.

— Нет, Дикси, нет. Я не говорила этого. Я не знаю, почему ему нравлюсь. Я клянусь, что не знаю.

— Брось врать, крошка. Ты знаешь, как пользоваться тем, что у тебя есть. Ты умна, хорошо, но не настолько умна, как я. Я заберу его у тебя, поняла?

Внезапно в глазах младшей девочки вспыхнул ужас. Она схватила свою спутницу за запястье и крепко сжала пальцы.

— Ты не можешь этого сделать! Я люблю его. Я люблю его, слышишь?

Блондинка вырвалась.

— Ты найдешь другого, малышка, — насмехалась она; ее губы искажала злобная усмешка. — Все они хороши. Что же поделать, если мне нравится этот парень.

— Он тебе нравится, потому что он богат. Дело не в том, кто он такой. По тебе сходят с ума многие мужчины.

— Спора нет, именно так. Но Джимми другой. Может, я действительно люблю его денежки. Ну и что? Разве ты их не любишь?

— Клянусь, что нет, Дикси. Я любила бы его, если б у него не было ни цента.

— Он — все, что тебе нужно, да? Тебе не кажется, что этого слишком мало?

— Ты не уведешь его, Дикси. Обещай мне, что ты этого не сделаешь.

Дикси рассмеялась.

— Я уведу его сегодня вечером, дорогуша. Я умею обращаться с такими парнями, как Джимми.

Тогда я понял, что Дикси — это девочка для меня. Я подошел и протянул к ней руки.

— Потанцуем, дорогуша? — спросил я.

Она была удивлена. Она на мгновение уставилась на меня, как будто испугалась. Как будто она знала, что я там стоял, но не могла разглядеть меня.

Потом ее руки поднялись и коснулись моих плеч. Мы начали танцевать, медленно двигаясь к центру танцпола.

Мы были в центре зала, и тут глубоко внутри я как будто услышал голос: «Сейчас, сейчас, когда свет приглушен и музыка напоминает шепот из гробницы».¶

Я внезапно перестал танцевать и сжал ее в объятиях.

— Ты никогда не забереешь у нее Джимми, — прошептал я.

Она была умной, та девочка. Она узнала меня за миг до того, как я ее поцеловал. Она застонала от ужаса и начала трепыхаться, как связанная птица.

— Отпусти меня, — стонала она. — Вернись через год, через месяц. Я буду тебя ждать. Я не убегу от тебя. Я клянусь.

— Ты хотела меня обдурить, — сказал я. — Тебя предупреждали о твоём сердечке, но ты пошла прямо на танцульки.

— Я останавлиюсь сегодня вечером, — пообещала она. — Дай мне несколько дней... неделю.

Я покачал головой.

— Очень жаль, девчушка. Но это — расплата.¶

Забавно, как близко я могу подбираться к людям, не пугая их. Когда она оседала на пол, пары вокруг нас кружились в танце. Свет был настолько тусклым, что люди не замечали — она лежит у моих ног, неподвижная и холодная.

В течение трех или четырех секунд никто не замечал ее. Потом одна из девочек увидела — и закричала. Мужчины и женщины на всей площадке перестали танцевать и столпились вокруг нее. Я знал, что через мгновение они заговорят обо мне снова — и назовут мое имя. И я тихонько ускользнул.

Мне не нравится, когда меня называют по имени. В том зале я был всего лишь одиноким парнем, которому хочется с кем-то потанцевать. Я — Смерть лишь тогда, когда я наношу удар, а в промежутках я становлюсь похож на людей, которые окружают меня.

Возможно, вы однажды повстречаете меня в толпе. Но вы не узнаете меня — обычно я маскируюсь, попадая в новое окружение. Я всегда спасаюсь бегством от того, что должен сделать. Я — *парень на месте*. Но в конце... В конце концов я встречаюсь со всеми.

ДИКАРЬ

Мы проводили исследования для Музея Ларкина, на другом конце Млечного Пути. У нас возникли проблемы с ракетным двигателем, и пришлось совершить посадку для ремонта в небольшом зеленом мире за тысячу световых лет от дома.

— Мы должны ее одолеть, сынок! — сказал старик, сурово разглядывая навигационную панель. — Очень плохо, но нам здесь не приходится рассчитывать на помощь!

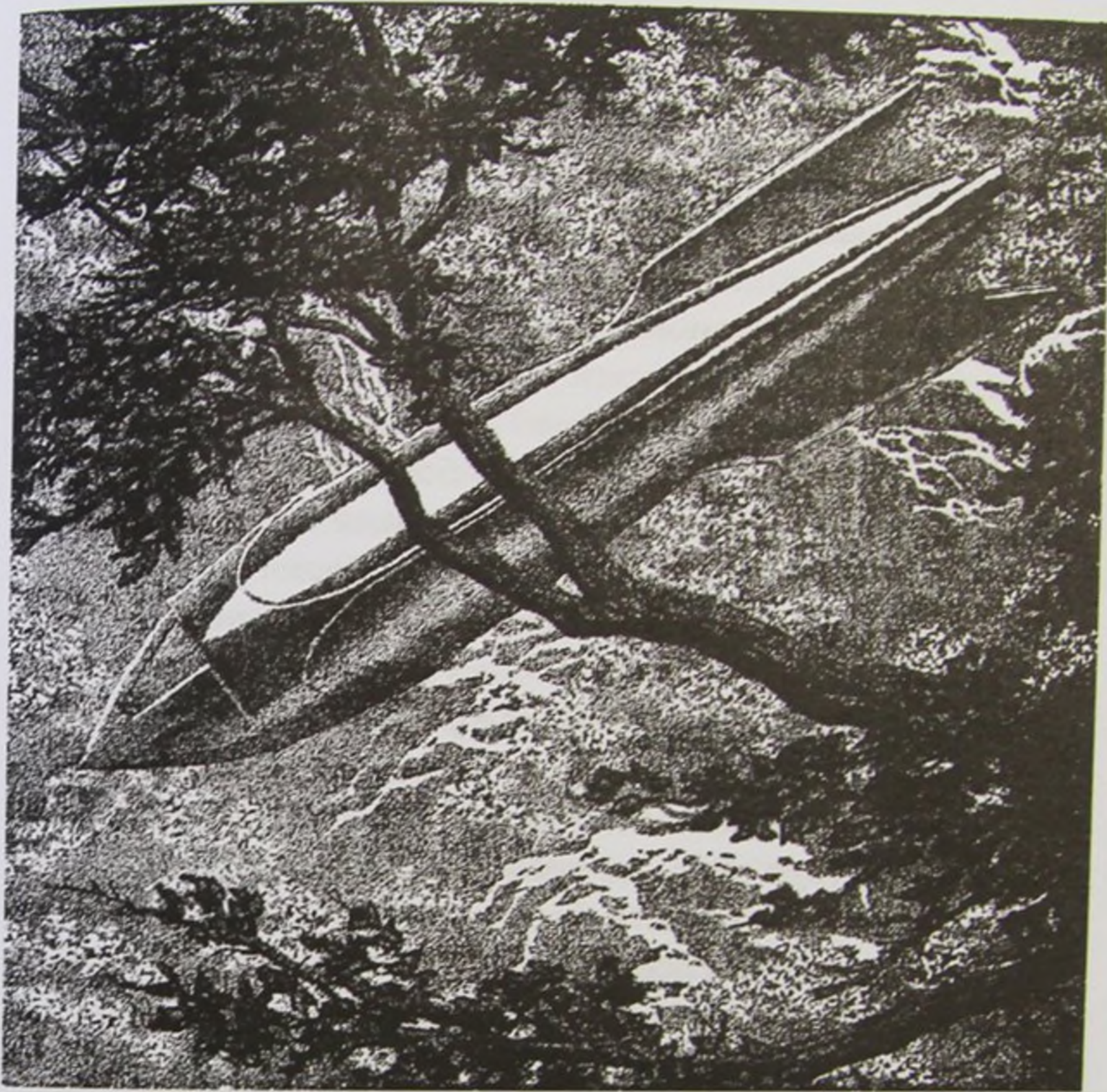
Я громко рассмеялся, стараясь скрыть отвращение: мне не хотелось даже думать о непроходимых джунглях, которые были широко распространены на внутренних планетах звезд класса G. Высокие, мрачные старые леса заполняли гниющие растения и немыслимые скопища ядовитых кровососов.

Старик в глубине души был доволен. Ему понравилось бродить по дикой местности, нравилось подставлять лицо порывам ветра и каплям дождя. Когда я посмотрел на него, он показался мне человеком, у которого есть свое представление о рае — сидеть золотой осенью на берегу реки, любоваться закатом, следить, как поплавок движется вниз по течению и как красавица-рыба движется к приманке.

Ему нравились исследования, но больше всего он любил охоту и рыбную ловлю. Он мог пустить корни где угодно, как человек старой закалки, лишившийся родного угла. Он был счастлив в космосе, но так и не смог примириться с тем, что на капитанском мостике нет никаких растений.

— Прошло уже, кажется, много веков с тех пор, как я лежал на спине посреди леса и смотрел прямо на звезды.

Он усмехнулся, на кривых зубах повисла табачная жвачка.

— Много веков — и я готов променять блестящий металл самой прекрасной ракеты на свете на один лишь запах доброй милой земли.

Повсюду, на всех планетах — одно и то же. Море и джунгли!

— Конечно, конечно, — сказал я, надеясь успокоить его и помешать ему опять завести старую песню. — Рай в ваших руках. А теперь, если вы подготовитесь как следует и возьметесь за рычаг безопасности, я попытаюсь опус-

тить корабль так, чтобы не растрясти вас и чтобы вы не забыли о своих несбыточных мечтаниях!

Это было гладкое приземление — насколько приземления могут быть гладкими. Мы пронеслись между высокими стенами листвы, золотисто-желтыми и ярко-изумрудными; на видовом экране у моего локтя сверкали лучи яркого солнечного света.

Мои руки сжимали рычаги управления, но на мгновение я почувствовал себя ужасно напуганным гигантским убийцей, спускающимся вниз по бобовому стеблю, который тянулся между звездами. Так оно и было. Звездные бродяги связаны с миром детства множеством образов, ведь они видят одни и те же странные цвета повсюду, куда бы ни повернули.

Свет, какого никогда не бывало, сияет лишь для них, и даже старик, который женился пятьдесят лет назад, мог обнять жену и сказать: «Завтра я буду в открытом космосе, и твои глаза будут столь же прелестны, как туманные луны, плывущие в море золота».

Он понимал смысл всех этих слов, потому что в космосе, кажется, время не имеет значения, и все воспоминания становятся воспоминаниями о молодости, и ты видишь все как будто впервые абсолютно чистым, незамутненным взглядом.

Я отмахнулся от этого ощущения.

— Теперь можно отпустить поручни! — сказал я. — Мы двигались по касательной, но приземлились идеально ровно, ни единой травинки не помяли.

Он отнял руку от поручня и вытер пот со лба.

— Ты — хороший пилот, сынок! — сказал он. — Ровнее некуда...

Я посмотрел на него.

— Ну... лучше бы выйти наружу и проверить повреждения. — решительно, почти грубо сказал я, указывая на шлюз. — Нам не понадобятся кислородные маски. Ки-

слорода в атмосфере чуть больше нормы, но мы легко с этим справимся.

Я обратил внимание на его комплимент, но эти слова скорее смутили меня и сбили с толку. Зачем он заговорил о моей опытности? Конечно, я был хорошим пилотом. Разве я не пересек Галактику двадцать раз, ни разу не потеряв корабля? Я гордился своим послужным списком, но не видел причин хвастаться.

В космосе человеку необходимо сохранять чувство собственного достоинства, но его следует считать чем-то вроде яркой детали одежды, которую можно носить молча, без лишних пояснений.

— Ну, давайте начнем! — сказал я.

Мы вышли из вакуумного шлюза безоружными, имея при себе только некоторые необходимые инструменты и ожидая, что нас приветствует только ветер посреди пустынного леса.

Действительно, нас встретил вой. Но этот звук издавало некое существо, и порывистый ветер, который дул на открытом месте, издавал стон, почти столь же мучительный, как тот, который мы слышали.

Человек стоял на коленях на траве, он был от гнева или от боли. На плече у него была большая и глубокая окровавленная рана, и он закатывал глаза и стучал по ране ладонями.

Меня не легко напугать, но зрелище оказалось настолько неожиданным, что я вздрогнул и отшатнулся.

Не стану говорить про старика. Он казался спокойным, когда стоял, глядя в мою сторону; в его глазах отразилось только удивление. Легкое, почти безмятежное удивление! Да, примерно так. В нем было что-то вечно детское, и я никогда не замечал ничего подобного ни в людях, ни в разумных зверях.

Среди звезд ничто не могло по-настоящему напугать его, поскольку он легко принимал все капризы природы,

равно и лучшие, и худшие. Он мог принять даже мучительную боль и смерть — темную сторону очень яркой драгоценной монеты.

Раненый человек явно был дикарем. Он не носил одежды, и металлический браслет на его правой лодыжке звенел, когда он шевелился. Он был высок и крепко сложен; могучий дикий абориген, наделенный от природы разумом, который не предвещал ничего хорошего его врагам.

— Оставайся на месте, сынок! Я скоро вернусь!

Старик быстро нырнул обратно в вакуумный шлюз, оставив меня наедине с дикарем. Я посмотрел на тяжелый магнитный рывок, который держал в руке; во рту у меня стало сухо, как в пустыне.

Мне привиделось — вот я бросаюсь в атаку и обрушиваю тяжелое и тупое орудие на череп одного из своих собратьев.

Это видение вызвало у меня отвращение. Бедняга сходил с ума от боли, а в моем представлении дикарь имел моральное право слепо сражаться со всем, что угрожало его безопасности. В его представлении я был враждебным чужаком с неба.

Да ведь я стал бы каким-то убийцей, даже если бы он напал на меня! О, конечно, я очень раним и даже горжусь этим. Музей Ларкина не ожидал, что я стану дикарем-колонизатором. Все, чего они хотели — это отчеты, археологические, антропологические, лингвистические, ради славы науки.

Когда я был ребенком, сущим мальком, мой папа часто говорил, что солдат науки отступает на двадцать ступеней вниз по лестнице, когда он проливает кровь; и я никогда не сомневался в том, что остаюсь верным сыном своего отца.

— Он что-нибудь говорил? — спросил старик, высываясь из шлюза с невероятным рвением; под мышкой он держал лингвоанализатор и длинный рулон ленты-переводчика.

Он начал заправлять ленту в анализатор, не дожидаясь моего ответа; на лице у него выразилось поистине беспредельное восхищение.

— Мы заставим его заговорить! Он что-то скажет, а затем мы проиграем запись!

Старик редко ошибается. Но на сей раз он ошибся. Очевидно, раненый абориген не хотел, чтобы металлическая коробка переводила его мысли на язык чужаков с неба.

Он стоял, буравя нас взглядом на протяжении нескольких секунд; в его глазах отражались эмоции столь же древние, как сами люди.

Конечно, мальчик, подумал я. Мы поймали тебя в тот момент, когда ты в тяжелом положении. А у тебя есть своя гордость.

Я, должно быть, угадал его мысли; он внезапно выпрямился, как будто почувствовал приступ гордости, и встал во весь рост, рана выделялась на его теле как некая большая темно-красная медаль, полученная за доблесть на поле битвы, о которой никогда не поведают джунгли.

Дух человека может быть величественным, даже героическим, когда человек не пытается скрыть свои раны; и меня поразило, что у нас с дикарем так много общего — и нас, возможно, ожидают новые открытия.

— Теперь он что-нибудь скажет! — прошептал старик, затаив дыхание. — Он собирается заговорить!

Я никогда не видел, что человек или животное разворачивались с такой скоростью, как этот дикарь. В одно мгновение он стоял перед солнечным светом, неподвижный, как субкритическая масса, готовая к атомному взрыву. В следующее мгновение он мчался прочь от нас через подлесок, облака зудящих насекомых неслись за ним.

Старик умел сдерживаться, когда ему что-то не удавалось.

— Ну, теперь... — вот и все, что он выдавил.

Великолепный дикарь ушел, и мы снова остались одни, на поляне стало так тихо, что можно было расслышать комариный писк. Но я не позволил себе позабыть о делах. Ремонт корабля — это большое, важное, первоочередное дело.

Я взял старика за руку и потянул его к основанию ракеты.

— Нам нужно работать быстро! — предупредил я. — Если он возвратится со своим племенем, то они скорее всего решат, что мы его ранили.

— С чего бы дикарям искать виноватых? — усомнился старик. — Кажется, большинство дикарей просто вымещают свой гнев на первом же встреченном незнакомце, независимо, виноват он или нет.

— Это в конечном счете становится чем-то вроде примитивного правосудия, — заверил я. — В какой-то момент большинство из нас в чем-то виновно. Если они становятся неосторожными, то вполне заслуживают того, что получают.

Повреждения оказались не слишком сильными.

— Работы на час, если мы хорошенько все продумаем! — сказал я. — Может, я и паникер, но думаю, нам стоит немного поторопиться.

— Как скажешь, сынок! — усмехнулся старик, снимая свой жилет.

Это было его лучшее качество. Он мог болтать часами, но когда работа выглядела по-настоящему серьезной, он становился надежным и крепким, как гранит.

Мы закончили ремонт ровно через двадцать восемь минут и уже возвращались к вакуумному шлюзу, когда старик схватил меня за руку.

— Смотрите!

На краю поляны в красноватом солнечном свете стояли инопланетные звери. Они появились из подлеска в

полной тишине и выбрались из тени так внезапно, что это напоминало какой-то фокус.

Я никогда в жизни не встречал настолько отталкивающих существ. Впервые за долгие годы я испугался, но я просто не мог связать их внешность с какими-то конкретными страхами, не мог точно объяснить, почему кровь в моих жилах застыла от их вида.

Существа ходили прямо и смутно напоминали ящериц, но у них была тонкая кожа, и это заставило меня усомниться в том, что они — на самом деле. Недозрелые! Это странно и необычно, но их дряблая кожа была розоватой, тонкой, припухлой — казалось, она скрывает что-то бесформенное и чудовищное.

Существа, должно быть, были наделены каким-то интеллектом, поскольку они носили фантастические предметы одежды и металлическое оружие. Но впечатление незрелости не исчезало. Знакома ли вам дрожь при виде чего-то мягкого, розового и пятнистого — какого-то головастика с ручками-зародышами, шумно пускающего пузыри на краю застойного бассейна. Эти существа обитали на суше, они почти не уступали нам размерами. Но ощущение незрелости не исчезало.

Зверей было только двое, и они, казалось, обсуждали нас. Они издавали резкие, отвратительные звуки, которые старику показались разумной речью. Через десять секунд он позабыл о своем удивлении и отвращении и взялся за лингвоанализатор; его глаза сияли, когда он шел по поляне к неведомым существам.

Я попытался предупредить его, но он остался глух ко всем предостережениям. Он махнул мне в ответ, в его глазах отразилась самоуверенность ученого, поставившего перед собой высокую цель. Поляна внезапно показалась холодной и пустынной. Мы остались наедине со странными животными, с опасными животными, в тысяче световых лет от зеленых лужаек и смеха детей, от

дымящих каминов, от огромных библиотек и верных друзей.

Одна часть моего разума напоминала об опасности, но другая возвращалась в небольшой провинциальный городок, где я бродил, взяв под руку самую симпатичную мисс, о какой только мечтал разведчик, странствующий среди звезд; я жил воспоминаниями об этом дне.

Старик подошел на двадцать футов к одному из зверей, и тут их металлическое оружие выстрелило. Это было зверское нападение, столь же неожиданное, сколь и бессмысленное. Он не сделал ни единого угрожающего жеста. Он просто пересекал поляну, сжимая научный инструмент, его огромные голубые глаза широко раскрылись; их взгляд свидетельствовал только о доброте и невинности.

Охваченный ужасом, я видел, что он отшатнулся и упал на колени. На мгновение в его глазах отразилось всепоглощающее сомнение. Потом он вздрогнул и крикнул мне.

— Не дай им снова выстрелить! Берегись...

Я мог быстро разозлиться.

Я бросился на зверей, охваченный слепой яростью, не думая о том, что в лицо мне могут выстрелить. Я раздавил бы ногой ядовитую змею, которая ужалит без предупреждения, и я нисколько не сомневался, что могу поступить точно так же с существом, достаточно разумным, чтобы изготовить металлическое оружие.

Когда они увидели, что я бросился на них, то опустили оружие и направились в лес. Я мчался прямо за ними, не обращая внимания на сплетающиеся растения и колючие кусты, которые били меня по бокам.

Я настиг одного из зверей в ста футах от поляны. У меня возникло странное ощущение, когда я приближался к нему. Я раздвинул руки. Попытается ли оно сопротивляться? Глаза, которые смотрели на меня, явно выражали

какие-то мысли. Конечно, существо испугалось: оно судорожно вздрагивало и отступало от меня, как будто не могло смириться с моим приближением и не хотело признать, что у него не осталось ни единого шанса.

Растительность позади зверя оказалась такой густой, что и существо вдвое большего размера не смогло бы сквозь нее прорваться. Тварь все еще отступало, когда мои руки коснулись ее и сжали — крепко, сильно, жестоко.

Был ли у него спинной хребет, который я мог переломить, легкие, которые можно было бы сдавить? Я ни в чем не был уверен. Я только знал, что собирался забрать жизнь у существа, плоть которого была холодной и влажной, как плоть птицы-мусорщика. Одно прикосновение к такому созданию вызывало у меня боль. Издав омерзительный крик, существо пару раз ударило меня головой и, готов поклясться, зашипело. Но я, возможно, ошибся.

Внезапно гнев оставил меня.

Что проку, подумал я. Пусть уползет в свое логово, пусть проживет свою ненавистную жизнь в густых джунглях, как скорпионы или ящерицы с зелеными и красными ядовитыми мешочками на горле.

Проблема в том, что такие ящерицы бывают красивыми. Это существо было столь же уродливо, как слепой слизняк. То, что у него были глаза, оно носило одежду и обладало чем-то вроде разума — не делало зверя менее уродливым.

Я чувствовал отвращение. Ненавидеть зверя, которого создала такая природа, так же глупо, как ненавидеть червя, прогрызшего яблока или покрытый пиявками камень на краю водоема.

Я разжал руки и позволил отвратительному животному выскользнуть.

У животных, которые развили интеллект, не утратив инстинктов джунглей, была длинная и неприятная исто-

рия. Я сталкивался с такими животными прежде, я видел их куда больше, чем мне хотелось бы, но никогда они не достигали такой стадии развития. Я вспомнил раскалывающих камни птиц Спагуна, с их грубым кремневым оружием и тщательно продуманным похоронным обрядом, и огненных ящериц Галмара, получивших такое название не потому, что они могли проходить через огонь как саламандры, а потому, что они освоили использование огня и научились ковать железные стрелы.

Животные, чешуйчатые, кожистые, теплокровные, в одной весовой категории с человеком.

Это существо действительно по весу почти не отличалось от людей, но я был вполне уверен, что жизнь его так же коротка, как жизнь сорняков в наших пригородных садах, сорняков, которые зацветают в конце осени и умирают при первом прикосновении мороза. Это означало, что зверь никогда не сможет ничему научиться. Естественный отбор в конечном счете закончил мое дело.

— Можешь поблагодарить Великую Природу за свое счастье, мистер Скорпионьи Глаза, — сказал я.

Зверь, казалось, понял, что ему предоставили отсрочку, поскольку он начал снова подвывать, а потом внезапно помчался по траве прочь от меня.

подавив отвращение, я развернулся и с трудом двинулся обратно к кораблю.

— Ты должен мне позволить проиграть запись, сынок! — сказал старик несколько часов спустя. — Говорю тебе, я сейчас в порядке. Все хорошо. Это была только поверхностная рана. Ну и что, если я потерял немного крови?

Мы были почти в открытом космосе, в пяти миллиардах миль от звезды класса G, которая согревала, словно объединенный червями маленький зеленый орех, тот мир, который я надеялся больше никогда не видеть. Объединенный червями — именно так; ведь на планете обитали те существа.

Я думал о дикаре, о том, как он прямо и гордо стоял в лучах солнечного света, настаивая на своем вопреки боли и страданиям. Большая, пульсирующая рана в боку — и все-таки он сумел собраться с силами и бросить нам вызов.

Что ж — когда-нибудь этот небольшой зеленый мир будет принадлежать великолепному дикарю, в глазах которого горит свет разума. И на его ногах больше не будет цепей. Он найдет свою дорогу к звездам!

Выходит, старик хотел проиграть запись, сделанную на рекордере, верно? Он не смог получить лингвистический анализ речи великолепного дикаря. Все, что у него было — это мерзкое бульканье, которое издавали существа, пытавшиеся его убить.

Зачем он хотел и дальше мучить себя?

Я не имел морального права выступить против него. Он был одаренным ученым, наделенным чудесным, почти детским любопытством, и если он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы прослушать запись, представляющую научный интерес — мне не следовало вмешиваться.

— Вперед! — проворчал я. — Кто вас останавливает?

Казалось, он немного смутился, когда включил записывающее устройство.

— Ммм... Ты проделал прекрасную работу, перевязав мне руку, сынок, — сказал он. — Не думай, что я тебе не благодарен за то, что ты сделал.

— Давайте, слушайте дальше! — сказал я. — Если вас это забавляет — проиграйте хоть двадцать раз. Можете встать и потанцевать под эти звуки.

— Не забывай — они были разумными животными. Их речь можно перевести. Мы получим что-то большее, чем та тарабарщина, которую мы слышали.

— Конечно, получим, — сказал я. — Бесконечные ругательства, вероятнее всего.

Он схватил меня за руку.

— Послушай!

Ты когда-нибудь видел медведя? Ты ведь побывал на множестве звезд.

— Конечно, вы правы. Это настоящее безумие. Возможно, нам лучше уничтожить ту запись.

— Зачем нам это делать?

— Я не знаю. Только мысль о ее существовании пугает меня.

— Мы ее сохраним, — заявил я.

В любом случае, как ни посмотри, это была полная ерунда.

На одной небольшой планете посреди бескрайних звездных полей, растянувшихся в вечном сиянии на миллионы световых лет, отвратительный маленький розовокожий двуногий, у которого на лице нет меха, сказал, что мы просто похожи на людей.

— Я подумал... — сказал старик. — Я подумал, что одна крупинка песка, попав в большую, сложную машину, может испортить ее и заставить все колеса вертеться не так, как надо. Если эта песчинка твердая и достаточно разумная...

— Все равно нужно овладеть атомной теорией, чтобы отправиться в космос, — сказал я. — Вы видели тех животных. Неужели похоже, что они наделены разумом?

Я снова рассмеялся, потому что старик на минуту стал похож на большой полинявший коврик.

Внезапно он присоединился к моему веселью, его густой баритон разнесся по рубке управления.

Величайшее достоинство человека — высшая уверенность в себе и своей судьбе, уверенность, которая не допускает появления конкурентов.

Я встал, преисполненный это величественной уверенности, наблюдая, как мое изображение поднимается вместе со мной на полированной металлической поверхности навигационной панели.

Но я видел не себя — то есть не себя как личность. В крепкой груди, покрытой густым светлым мехом, в вытянутом, заостренном лице и глубоко посаженных глазах, в которых тлели вечные огни, я увидел себя как вершину пирамиды, кульминацию пяти миллионов лет эволюционной борьбы.

Как об этом сказал поэт?

Вечный человек, имя которого прославлено во всей звездной пустоте...

НЕБЕСНАЯ ЛОВУШКА

Лоутону нравилось бороться. Он с восторгом обменивался ударами с Томми Слэшавэем, его худое тело блестел от пота. Он предпочитал драться медленно, смакуя каждый удар, получая удовольствие от того, как постепенно спадает темп поединка.

— В следующий раз повезет больше, Слэшавэй, — сказал он, проведя левый хук в челюсть противника с такой силой, что большая волосатая обезьяна выплюнула резинку и повалилась на спину.

Лоутон отбросил назад прядь рыжих волос и устоял на обмякшую фигуру, лежащую на слегка наклоненном спортивном настиле.

— Хорошая работа, Слэшавэй, — сказал он. — Ты примитивный и мрачный, но у тебя есть то, что нужно.

Лоутон льстил себе: он считал себя противоположностью примитива. Он предсказывал погоду на восемь дней вперед куда точнее, чем бил.

Они разослали его отчет за пару минут. Из Нью-Йорка в Лондон, в Сингапур и обратно. Через полчаса он переоденется в уличную одежду и отправится наружу с чертовски хорошим чувством.

Он исполнил свой еженедельный долг перед обществом, манипулируя метеорологическими приборами в течение сорока пяти минут в верхних теплых слоях стратосферы и удовлетворил свою любовь к поединкам, отколотив профессионального борца. У него будет насыщенная, славная неделя, и он сможет позаниматься чем-то другим.

Командир космического корабля, капитан Форрестер, вошел и посмотрел на него с укоризной.

— Дэйв, я не поддерживаю тех ребят, реформаторов, которые хотят переделать природу заново. Но тебе при-

дется признать, что наше поколение знает, как добиться наилучшего эффекта с минимальными усилиями. Сейчас у нас нет мировых войн, потому что мы расходует энергию, занимаясь парусным спортом восемь или десять раз в неделю. С тех пор как о наших романтических эмоциях стало заботиться тактильное дальновидения, мы уже не зависим от разных случайностей.

Лоутон обернулся и вопросительно посмотрел на него:

— Думаешь, я этого не понимаю? Можно подумать, что я просто свалился с Марса.

— Всё нормально. У нас есть предохранительные клапаны. Предполагается, что они помогут нам остаться цивилизованными. Но тебе от них нет никакой пользы.

— Черта с два. Я каждый раз дерусь со Слэшавзём, когда оказываюсь на борту «Персея». А что касается женщин — что ж, для меня существует только одна девушка в мире, и я не променяю ее ни на какие турецкие картинки дальновидения из Стамбула.

— Да, я понимаю. Но ты выплескивал свои примитивные эмоции со слишком большим усилием. Даже железного человека можно контузить. Тот последний удар был зверским. То, что Слэшавзэй два раза в неделю получает тяжелые удары и обрушивается на весь медицинский персонал, не означает, что он может выдержать...

Корабль внезапно содрогнулся. Палуба изогнулась под ногами Лоутона, швырнув его к капитану Форрестеру и заставив обоих мужчин двигаться так, что могло показаться, будто они вместе вальсируют по кораблю. Все еще лежавший на полу спарринг-партнер покатился вниз, столкнувшись с металлической перегородкой; он мотался взад и вперед, как мокрая скумбрия.

Прошла целая минута, прежде чем Лоутон положил этому конец. Он наклонился, чтобы помочь Слэшавзёю избежать опасности, потом прыгнул в сторону бывшего

противника. Но неуклонно усиливавшиеся резкие колебания корабля отшвырнули его в сторону от командира; Лоутон рухнул на массивного гимнастического коня, ободрав голень и стукнувшись о палубу.

Он пополз к спарринг-партнеру на четвереньках; в висках у него стучало. Резкие колебания прекратились за мгновение до того, как он добрался до Слэшавэя. Он с усилием поднял большого человека, прижал его к переборке и начал трясти, пока зубы не застучали.

— Слэшавэй, — бормотал он, — Слэшавэй, старик!

Слэшавэй открыл заплывшие глаза.

— Уф! — пробормотал он. — Ты крепко меня приложил, сэр.

— Ты вырубился со скоростью света, — объяснил Лоутон. — За минуту до того, как корабль накренился.

— Корабль накренился, сэр?

— Что-то пошло не так, Слэшавэй. Корабль не двигается. Не было вибраций... Слэшавэй, ты ранен? Твой череп стукнулся о перегородку так сильно, что я испугался...

— Со мной все нормально. Что значит, корабль не движется? Как он мог остановиться?

— Я не знаю, Слэшавэй, — сказал Лоутон. Помогая противнику подняться, он с опаской посмотрел на пострадавшего. Капитан Форрестер присел на колени, ощупывая сухожилия, проверяя, нет ли растяжения связок; лицо его подергивалось.

— Сильно болит, сэр?

Капитан тряхнул головой.

— Кажется, не очень. Дэйв, мы на высоте двадцать тысяч футов, как мы, черт побери, можем застыть в неподвижности в космосе?

— Твоя правда, командир.

— Надо сказать, ты очень полезен.

У Форрестера заболели ноги и он, хромя, пошел в сторону одного из кварцевых портов атлетического зала — к небольшому сияющему кругу, расположенному на уровне глаз. Порт наклонился вниз под углом почти шестьдесят градусов, но все, что он мог увидеть — это неясные отблески; потом он уткнулся бровями в смотровой козырек и уставился вниз. Лоутон услышал, как он резко вздохнул.

— Что такое, сэр?

— Тонкие перистые облака прямо под нами. Они не двигаются.

Лоутон ахнул, ощущение абсолютной невозможности сложившейся ситуации нарастало и приобретало кошмарные пропорции. Что могло случиться?

Прямо за ним, возле висевшего на переборке хронометра, отмерявшего секунды с неуклонной регулярностью, находился синий визор, сейчас покрытый туманной дымкой — достаточно было включить его, чтобы связаться с пилотами.

Капитан доковылял до визора и нажал на кнопку. Два пилота появились на экране; они сидели бок о бок посреди паутины сверкающих проводов и нихромовых приборов. Они расстегнули свои защитные костюмы, а их шлемы лежали на коленях. Свет от свечи Яблокова, заливавший кабину, очерчивал их измученные лица, которые приобрели трупный оттенок.

Капитан заговорил прямо в прибор.

— Что не так с кораблем? — скомандовал он. — Почему мы не спускаемся? Доусон, ты должен объяснить мне!

Один из пилотов наклонился вперед, напряжённо поводя плечами.

— Мы не знаем, сэр. Поворотные механизмы не были запущены, когда корабль начал вращаться по спирали.

Мы не можем работать с аварийными двигателями, и температура повышается.

— Но... это противоречит логике, — пробормотал Форрестер. — Как металлический корабль, весящий тонны, мог вращаться в воздухе подобно воздушному шару? Он находится в неподвижном состоянии, но это не плавучесть. Мы, кажется, во всех смыслах этого слова застыли.

— Объяснение может быть проще, чем вы предполагаете, — сказал Лоутон. — Когда мы найдем ключ...

Капитан шагнул к нему:

— Ты можешь найти ключи, Дэйв?

— Я хотел бы попытаться. Они могут быть спрятаны где-нибудь на корабле, а может быть, и нет. Но я хотел бы пройтись по кораблю с частым гребнем, а потом так же тщательно пройтись снаружи. Полагаю, вы окажете мне помощь и дадите мне карт-бланш, сэр.

Лоутон получил карт-бланш. В течение двух часов он не делал ничего экстраординарного, но обошел каждый дюйм корабля. Он также построил экипаж и расспросил всех. Все прочие пребывали в таком же недоумении, как и пилоты, и теперь полностью очнувшийся Слэшавэй, который следовал за Лоутоном.

— Ты правильный парень, сэр. Еще две или три трещины, и моя башка напрочь расколется.

— Но не так, как яичная скорлупа, Слэшавэй. Чугун покрывается трещинами под ударами, но твой череп, кажется, крепче, чем закаленная сталь. Слэшавэй, ты не поймешь этого, но мне приходится говорить с кем-нибудь, а капитан слишком занят, чтобы слушать. Я обошел внутреннюю часть корабля, потому что я думал, здесь может быть источник нашей удивительной плавучести. Потребовалось бы много пузырьков воздуха, чтобы превратить этот корабль в воздушный шар, но в машинном отделении под некоторыми конденсаторами

есть большие вакуумные камеры, которые, предположительно, могли быть наполнены гелием. И есть пористые переборки, которые могли забиться...

— Да, — пробормотал Слэшавэй, почесывая голову. — Я понимаю, что ты имеешь в виду!

— Ничего подобного. *Внутри* корабля не оказалось ничего, что могло бы поднять нас. Поэтому должно найтись что-то снаружи, что-то кроме воздуха. Мы знаем, что снаружи есть воздух. Мы высунули головы и принюхались. И мы обнаружили любопытную вещь.

— В кислороде есть водяной пар, но это не H_2O . Это HO . Подобное молекулярное строение наблюдается в верхних слоях атмосферы Солнца, но не на Земле. И здесь также присутствуют молекулы углеводородов. Углеводород появляется обычно как газ метан, но снаружи он существует как CH . Метан — это CH_4 . И еще есть молекулы оксида скандия. Оксид бора — в нейтральном состоянии...

— Вот здорово! — пробормотал Слэшэвэй. — Мы на этом поднимаемся, а?

Лоутон сидел на корточках, опираясь на руки, рядом возле защитного купола, открывшегося на палубе погодной обсерватории «Пингвин». Он опустил бериллиевый отвес, не отрывая взгляда от медленно вращавшегося горизонтального барабана лебедки, на который было намотано более двухсот футов сверкающего металла.

Внезапно барабан остановился. Лоутон, напрягся, на его лице появилось испуганное выражение. Его осенила догадка, которая казалась ему такой же безумной, как идея о пористых переборках. Индикатор лебедки показывал сто три фута, давая ему богатую пищу для размышлений. В ста футах от него отвес упирался во что-то твердое — то, что удерживало их в пространстве. Едва дыша, Лоутон склонился над лебедкой и посмотрел вниз. Между кораблем и перистыми облаками не было ничего,

за исключением свободно висевшей в пустоте черной точки и тонкой бериллиевой нити.

— Ты видишь что-нибудь внизу? — спросил Слэшавэй.

Лоутон отошел от лебедки, его мозг кружился.

— Слэшавэй, прямо под нами есть твердая поверхность, но она совершенно невидима.

— Ты имеешь в виду, она похожа на замороженное облако, сэр?

— Нет, Слэшавэй. Он не мерцает, но отклоняет свет. Застывший водяной пар мгновенно опустился бы на землю.

— Ты думаешь, она вокруг нас, сэр?

Лоутон ошеломленно уставился на Слэшавэя. Своим неловким замечанием спарринг-партнер пробудил скрытые в подсознании страхи.

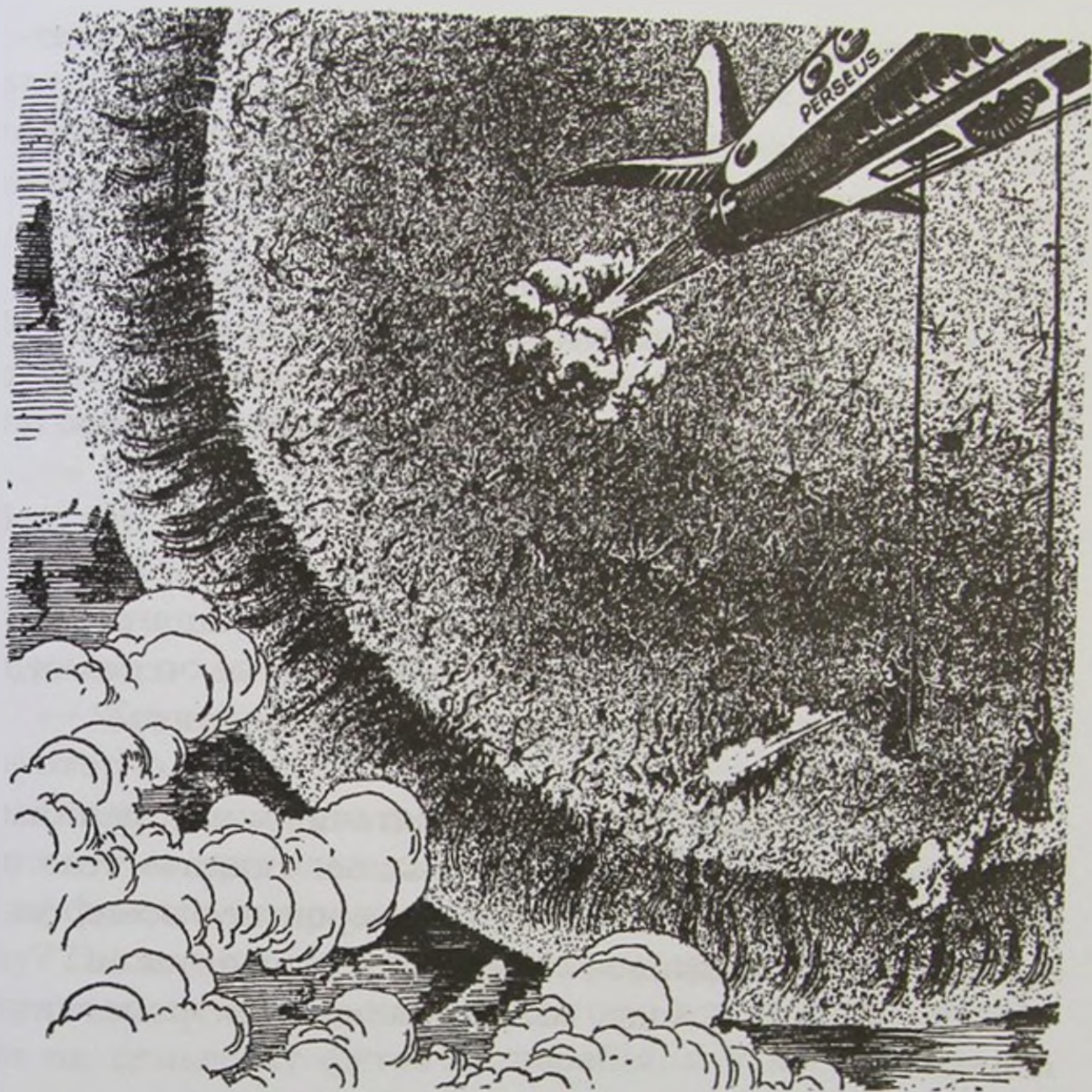
— Я не знаю, Слэшавэй, — пробормотал он. — Я разберусь с этим.

Час спустя Лоутон сидел за столом капитана в диспетчерской, лицо его то краснело, то бледнело. Говоря, он отводил взгляд в сторону. У человека, который слишком хорошо справляется с неприятной задачей, может развиться подсознательное чувство вины.

— Сэр, мы повисли внутри поллой сферы, которая напоминает огромный, плавающий мыльный пузырь. Перед тем, как разорваться, пузырь должен стать пластичным. Но теперь разрыв, по-видимому, зарубцевался, и оболочка вокруг нас прочна, как сталь. Мы закупорены, сэр. Я отправил ракеты по всем направлениям, чтобы убедиться в этом.

Лицо Форрестера выразило изумление. Он не так испугался бы, если бы ближайшие планеты раскрыли свои пугающие секреты, а на Земле внезапно появилась супер-раса.

— Хорошо, хорошо, Дэйв. Ты полагаешь, в космосе что-то произошло?

Лоутон поднял взгляд, содрогнувшись.

— Необязательно, сэр. Что-то случилось с нами. Мы плывем по небу в огромном, невидимом пузыре неизвестного происхождения, но мы не знаем, есть ли у него что-нибудь общее с космосом. Это может быть метеорологическим феноменом.

— Ты говоришь, мы плывем?

— Мы медленно плывем на запад. Облака под нами отступают в течение пятнадцати или двадцати минут.

— Ну и ну! — проворчал Форрестер, — Нам придется...

Он резко замолчал. Радист «Персея» стоял в дверном проеме, смущение и нерешительность смешались в его взгляде.

— Прием крайне нестабильный, сэр, — объявил он. — Мы может поймать несколько более сильных передач, но наши аварийные сигналы остаются без ответа.

— Продолжайте искать, — скомандовал Форрестер.

— Да, сэр.

Капитан повернулся к Лоутону.

— Предположим, мы назовем это пузырем. Почему мы так его называли, если он неподвижен? Ваша ракета вылетела и упала, бериллиевый отвес застыл через сто футов. Почему сам корабль остается неподвижным?

Лоутон ответил:

— Пузырь должен обладать достаточным внутренним равновесием, чтобы удержать большое, тяжелое тело в своем ядре. Другими словами, мы, вероятнее всего, застыли в центре сходящихся энергетических потоков.

— Ты имеешь в виду, мы окружены электромагнитным полем?

Лоутон нахмурился.

— Необязательно, сэр. Я просто указываю, что должен быть энергетический заряд какого-то типа. В противном случае судно остановилось бы на внутренней поверхности пузыря.

Форрестер угрюмо кивнул.

— Мы должны быть благодарны, я полагаю, за то, что можем двигаться внутри корабля. Дэйв, как ты думаешь, человек может спуститься на внутреннюю поверхность?

— У меня нет в этом никаких сомнений, сэр. Мне спуститься?

— Конечно, нет. Черт побери, Дэйв, мне нужна твоя энергия внутри корабля. Я мог бы пожелать менее импульсивного первого офицера, но человеку в моем положении не пристало быть разборчивым.

— Тогда каковы ваши приказы, сэр?

— Приказы? Должен ли я приказывать тебе думать? Ты можешь работать под таким напряжением? Мы дрейфуем прямо в сторону Атлантического океана. Что ты предлагаешь по этому поводу?

— Я рассчитываю сделать все лучшее, на что способен, сэр.

«Лучшее» Лоутона постоянно противоречило приказам капитана. Десять минут спустя он спускался, перебирая руками, по аварийной лестнице.

— Крутой Дэви спускается, чтобы осмотреться, — проворчал он.

Он сознавал, что флиртует с опасностью. Воздух снаружи был пригоден для дыхания, но не травмируют ли диффузные, непривычные газы его дыхательную систему? Он не знал, он не мог быть уверен. Но ему пришлось признаться, что до сих пор все шло хорошо. Он спустился на семьдесят футов от корабля, и у него совсем не кружилась голова. Когда он посмотрел вниз, он смог увидеть алые купола гор между прорехами в одеяле перистых облаков. Он не мог разглядеть Атлантический океан — пока. Он уверенно преодолел последние тридцать футов. В конце лестницы он напрягся и двинулся дальше.

Он спустился примерно на шесть футов, наконец достигнув какой-то губчатой поверхности, которая пружинила при каждом его движении. Дэвид с удивлением обнаружил, что сидит в небе, уставившись сквозь раздвинутые ноги на облака и горы.

Он глубоко вздохнул. Его поразило, что ощущение падения может возникнуть без всякого движения вниз. Он

начал испытывать подобное ощущение. Его желудок крутило, а голову как будто сжимали обручи.

Он вдруг пожалел, что решился на это. От нервного напряжения он боялся полностью утратить эмоциональный контроль. Он посмотрел вверх, его глаза прищурились от солнечного света. Высоко вверху сверкающий, клиновидный силуэт «Персея» приобрел колоссальные размеры, закрыв примерно пятую часть неба.

Опустив правую руку, Дэвид провел пальцами по невидимой поверхности под собой. Она на ощупь была эластичной и влажной.

Он постоял, покачиваясь с ноги на ногу, а потом сделал рискованную попытку пройти по небу. Под его ногами затрещала таинственная поверхность, и вокруг ступней появились маленькие искры. Он снова резко сел, его лицо стало мертвенно-бледным.

Из открытого аварийного люка вверху высунулась массивная голова.

— Ты совершенно прав, сэр, — сказал Слэшавэй, его голос беспокойно дрожал.

— Что ж, я...

— Тебе лучше пойти прямо наверх, сэр. Так приказал капитан.

— Все верно, — крикнул Лоутон. — Спусти лестницу еще на десять футов вниз.

Лоутон быстро поднялся, чувство обиды тлело внутри него. По какому праву в дело вмешался главный пилот? Он свалил ответственность на другого, не так ли?

Следующее потрясение Лоутона ожидало как раз в тот момент, когда он забрался в аварийный люк. Капитан Форрестер прислонился к стеллаж с парашютами; он задыхался, его лицо густо покраснело.

Слэшавэй тоже выглядел плохо. Мышцы у рта дергались; он приподнял воротник костюма.

Форрестер открыл рот:

— Дэйв, я пытался управлять кораблем. Я не знал, что ты снаружи.

— Боже, он не знал...

— У роторов сработал обратный эффект, и в машинном отделении израсходовали весь кислород. Еще хуже — туда просочился угарный газ. Воздух на всем корабле загрязнен. Мы должны немедленно открыть вентиляционные клапаны. Я жду, чтобы узнать — мог ли ты дышать там, внизу. Ты был прав, не так ли? Этим воздухом можно дышать?

Лицо Лоутона потемнело от ярости.

— Я был подопытной крысой в небе, да?

— Послушай, Дэйв, мы все в опасности. Не смотри так на меня. Естественно, я ждал. У меня есть экипаж, мне нужно думать о нем.

— Что ж, думай о нем. Открой эти клапаны, прежде чем у нас не начнутся конвульсии.

Через полчаса угарный газ смешался с кислородом, находившимся вне корабля, а экипаж перевел дыхание. Рассеянный газ, смешавшийся с кислородом, показался вполне нормальным. Но у Лоутона возникло предчувствие. Независимо от того, насколько ослаблено действие смертоносного газа, он все равно никогда не будет полностью безвреден. И вдобавок они были над Атлантическим океаном.

Далеко внизу были изумрудные турбулентные потоки, полускрытые на востоке движущейся массой облаков. Пузырь держался, но боевой дух экипажа начинал ослабевать.

Лоутон шагал по диспетчерской. Он чувствовал неожиданный прилив энергии.

— Мы продержимся, пока не кончится кислород, — крикнул он. — У нас будет четыре или пять дней, самое большое. Но, кажется, мы путешествуем быстрее, чем

океанский лайнер. Если провезет, то мы будем в Европе, прежде чем станем дышать углекислым газом.

— Как это поможет, Дэйв? — сказал капитан устало.

— Если мы сможем прорваться наружу, то поможет.

Капитан резко выпрямился.

— Прорваться наружу? Что ты имеешь в виду, Дэйв?

— Я закрепил диски распределения на поглотителях космических лучей и направил их вниз. Тонкий поток случайных нейтронов, направленный на дно пузыря, может разрушить его энергетический баланс — он станет тонким. Это авантюра, но дело стоит того. И нам нечего ставить на кон, имейте в виду...

Форрестер гневно воскликнул:

— Нечего, кроме наших жизней! Если ты сделаешь дыру в пузыре, ты разрушишь его энергетический баланс. Так, тебе это приходило в голову? Внутри разрушенного пузыря мы можем опасно накрениться или упасть в море, прежде чем двигатели заработают.

— Я думал про это. Пилоты наготове, чтобы запустить роторы в тот момент, когда мы накренится. Если нам удастся проделать дыру в пузыре, мы запустим вертолетные лопасти и спустимся по вертикали. Прежнего эффекта не будет. Я заменил все перегоревшие цилиндры.

Взволнованный голос донесся из кабины капитана:

— Настройка, сэр.

Лоутон резко остановился. Он повернулся и схватился за край стола обеими руками, его голова коснулась головы Форрестера, когда двое мужчин посмотрели вниз на изображение Джеймса Калдвэлла, появившееся на экране.

Калдвэllu было не больше двадцати двух или трех, но экранное свечение посеребрило его волосы и подчеркнуло линию рта, придавая ему старческий вид.

— Итак, молодой человек, — прорычал Форрестер. — Что такое? Чего ты хочешь?

Раздражение в голосе капитана, казалось, усилило возбуждение Калдвэлла. Лоутону пришлось сказать: «Все в порядке, парень» прежде чем тот выложил сведения, которыми, казалось, ему не терпелось поделиться.

Он заговорил беспорядочными, отрывистыми фразами.

— Пузырь весь расплывается, сэр. Внутри большие желтые и фиолетовые наросты. Они появились вверху, а потом... распространились повсюду. Сначала как будто небо затянуло облаками, а потом... все разрослось...

На мгновение Лоутон почувствовал, что нормальный мир куда-то исчез — вместе с разумом и здравым смыслом. Дважды он пытался задать вопрос и два раза умолкал.

Воздушные насосы были бесполезны; он мог сам за полсекунды подтвердить заявление Калдвэлла. Если Калдвэл ошибся...

Калдвэл не ошибся. Когда Лоутон подошел к кварцевому порту и посмотрел вниз, кровь отхлынула от его лица.

Растительность была пышной и неземной. В небе плавали гибкие усики толщиной с запястье человека, там были багровые цветы и вязкие грибковые наросты. Они скручивались, корчились и двигались во всех направлениях, создавая переплетение прямо под ним и изгибаясь вверх, к кораблю, среди хаоса соцветий и стручков. Он мог видеть, как падали семена — они выбрасывались из стручков, которые напоминали ему загадочные скорлупки яиц морских коньков, которые он собирал в детстве на морских пляжах во время отлива.

Нездоровая растительность пугала его. Местность казалась сырой и малярийной. На грибных наростах виднелись гниющие пятна, а миазматический туман надви-

гался от них к кораблю. В рубке было совершенно тихо, когда он вернулся от кварцевого порта и встретился с испуганным взглядом Форрестера.

— Дейв, что это значит? — сорвался с губ капитана вопрос.

— Это значит — жизнь появилась, развилась и стала гнить внутри пузыря, сэр. В течение часа или около того.

— Но это — невозможно.

Лоутон покачал головой.

— Не совсем так, сэр. Нам вдалбливали, что эволюция движется черепашьими темпами, но какие у нас есть доказательства, что она не может мчаться с молниеносной быстротой? Я говорил вам, что снаружи есть газы, которые мы не можем выработать даже в химической лаборатории, это молекулярные механизмы, которые чужды земле.

— Но растения получают питание из почвы, — заметил Форрестер.

— Я знаю. Но если в воздухе есть чужеродные газы, то поверхность пузыря должна быть пропитана неслыханными химическими соединениями. Внутри пузыря могут быть соединения, ускорившие органические процессы; мутации длинной в сто миллионов лет сократились до часа.

Лоутон снова зашагал по комнате.

— Было бы проще предположить, что семена реальных растений были каким-то образом уловлены и удержаны внутри пузыря. Но растения, которые окружают нас, никогда не росли на Земле. Я не ботаник, но знаю про тропические леса Амазонки и о разливах Конго.

— Дэйв, если рост продолжится, то эти стебли заполнят пузырь. Они задушат нас, заберут весь наш воздух.

— Думаете, я этого не понимаю? Мы должны остановить растительность, прежде чем она уничтожит нас.

Было страшно смотреть, как падал дух экипажа. Миазмы зловещей растительности вскоре заполнили корабль, распространив всюду предчувствие поражения.

Внизу стало особенно тяжело. Над сплетениями багровых лоз и лиан поднималось непреодолимое зловоние растений, увенчанных пурпурными, раздутыми и отяжелевшими стручками.

Растения казались в каком-то смысле разумными. Они росли так быстро, что дурной запах, который от них исходил, мог усиливать напряженность внутри корабля. Из этого цветка каждую минуту непрерывно вырастали все новые усики, подобных которым Лоутон никогда не видел.

Пузырь превратился в цветущий ужас, медленно двигавшийся в западном направлении над штормовой Атлантикой. И все химические вещества, которые Лоутон распылял через вентиляционные клапаны, не смогли помешать росту зелени или уничтожить какие-нибудь семена. Было трудно уничтожить растительную жизнь химическими веществами, которые не вредили человеку. Лоутон опасно рисковал, увеличивая нездоровье быстро сокращающегося запаса, распыляя сомнительные ядовитые вещества.

Все было тщетно. Наросты увеличивались, как на дрожжах, как будто решили продемонстрировать свое негодование против предпринятых мер.

Потерпев поражение, отчаявшись, Лоутон разыграл свою последнюю карту. Он отправил в бой пятерых членов экипажа, вооруженных воздушными пушками. Он вернулся, крича. Лоутону пришлось подкрепиться двойными виски с содовой, прежде чем он смог выдержать укоризненные взгляды людей, из которых вытаскивали зловещего вида колючки.

С тех пор началось столпотворение. Младшими офицерами овладела паника, некоторые члены экипажа

обезумели. Один из них набросился на четверых товарищей с гаечным ключом; другой — вбежал в кухню корабля и зарезался ножом. Помощник инженера выпрыгнул в аварийный люк, заявив, что предпочтет быструю смерть медленной смерти от удушья.

И он умер быстро. Это было ужасно. Взглянув вниз, всякий мог увидеть его скрюченное тело, болтавшееся на малиновом шипе сорока футов в высоту.

Слэшавэй стоял, глядя на это Ватерлоо; грубые черты его лица начали подергиваться.

— Я не могу терпеть это, сэр. Это раздражает меня.

— Я знаю, Слэшавэй. Здесь что-то похуже марихуаны.

Слэшавэй тяжело сглотнул.

— Бедный парень сделал мудрую вещь.

Лоутон сказал сухо:

— Позабудь об этой идее, Слэшавэй — убей ее. Мы сильнее его. У нас нет не одной унции слабости. У нас есть то, что нужно.

— Человек не может столько вынести.

— Глупости. Нет предела тому, что может вынести человек.

Послышался настойчивый голос:

— Радиоприемник настроен, сэр.

Лоутон развернулся. На экране мерцали туманные очертания лица, которые постепенно становились четче.

Радист «Персея» задыхался от волнения.

— Прием улучшается, сэр. Европейские короткие волны становятся сильнее. Статика ужасная, но мы принимаем все станции на континенте, и в большинстве своем американские станции.

Глаза Лоутона сузились в щелки. Он сплюнул на палубу; от волнения он не мог сдержать дрожь.

— Слэшавэй, ты слышал? Мы сделали это. Мы вновь победили огонь и воду.

— Мы сделали что, сэр?

— Пузырь, дурак ты этакий — он становится тоньше. Адские колокола, что ты стоишь здесь и смотришь как идиот? Мы добрались до него!

— Я не могу этого выдержать, сэр. Я схожу с ума.

— Нет, не сходишь. Ты просто держишь внутри то, что хочешь выкинуть. Слэшавэй, я собираюсь выступить перед экипажем с первоклассной зажигательной речью. Здесь не будет паники, пока я командую. — Он повернулся к радисту. — Свяжись с диспетчерской. Скажите капитану, я хочу, чтобы все члены экипажа немедленно выстроились у этого экрана.

Лицо оператора побледнело.

— Я не могу это сделать, сэр. Устав корабля...

Лоутон пронзил оператора гневным взглядом.

— Капитан приказал тебе докладывать непосредственно мне, верно?

— Да, сэр, но...

— Если ты не хочешь быть разжалованным, работай.

— Да-да, сэр.

Пораженное лицо капитана предшествовало плановому построению целую минуту, оно казалось бледной тенью на наружном экране. Жилы на его теле были похожи на толстые синие шнуры.

— Дэйв, — прохрипел он. — Ты сошел с ума? Что хорошего будет от того, что мы сейчас скажем?—

— Выстроились? — нетерпеливо отчеканил Лоутон.

Форрестер кивнул:

— Они все в машинном отделении, Дэйв.

— Хорошо. Заблокируй их.

Лицо капитана исчезло назад, и сцена трагического ужаса возникла на светящемся экране визора. Члены экипажа не выстроились. Они кое-как стояли напротив самого большого экрана «Персея», выражая предельное отчаяние.

Огонь безумия разгорался в глазах троих или четверых. Другие порвали рубашки и разодрали себе ногтями кожу. Младший офицер Калдвэл стоял прямо, как тотемный столб, сжимая и разжимая руки. Второй помощник инженера высунул язык. Его лицо было невозмутимым, но было очевидно, что реакция ужаса отразилась идиотической гримасой.

Лоутон облизнул губы.

— Люди, послушайте меня. Снаружи есть некое растение, которое выделяет состав, вызывающий безумие. Некоторые из вас, кажется, имеют иммунитет.

У меня иммунитета нет, но я борюсь с ними, и все вы, парни, тоже будете бороться с ними. Я хочу, чтобы вы сражались на пределе своих сил. Вы можете сражаться с кем угодно, когда знаете, что совсем рядом освобождение от кошмара, который нужно уничтожить — пусть даже это только растение.

— Люди, мы пробьем себе дорогу. Пузырь тонкий. В любую минуту растения под нами могут рухнуть в Атлантический океан.

— Я хочу, чтобы все люди на борту этого корабля стояли на своих постах и выполняли приказы. Прямо сейчас вы похожи на ободранных кошек. Но большинство людей, которые добились успеха, начинали в куда худшем положении.

Он криво улыбнулся.

— Полагаю, это все. Я никогда в жизни не говорил речей, и я их ненавижу.

Младший офицер Калдвэл начал петь. Он начал, и мужчины подхватили песню, которая разнеслась по всем кораблю.

Я суровый, крутой небесный парень.

Я всегда готов, всегда в ударе.

Никогда я не цеплялся за судьбу.

Разве сдамся я теперь врагу?

Все умрут, когда решит судьба,
Я умру лишь раз, и жизнь борьба.
Я суровый и крутой небесный парень.
Смерти не боюсь, всегда в ударе.

Лоутон распрямил плечи. С таким экипажем ничто не могло остановить его! Ах, его силы росли. Безумие, исходящее от травы, его не пугает. Они были отважными ребятами, и ему будет весело отправиться с ними в ад, если потребуется.

Ожидание далось нелегко. Следующие полчаса напряженность постоянно возрастала; Лоутон отдавал приказы и видел, что все люди на своих постах.

— Спокойно, Джимми. Как бороться с безумием? Сосредоточиться на поставленной задаче. Продолжай работать, парень.

— Гарри, лебедку нужно подтянуть. Мы не можем допустить провала.

— Да, все будет внезапно. Нам придется запустить пропеллеры в тот момент, когда рухнет дно...

Он был с капитаном и Слэшавэем в диспетчерской, когда момент настал. Внезапно последовал тяжелый толчок, стол капитана начал двигаться по направлению к кварцевому порту, таща за собой Лоутона.

— О черт! — закричал Слэшавэй.

Палуба резко наклонилась; затем вернулась в исходное положение. Появился внезапный поток, холодный воздух пришел сквозь вентиляционные клапаны, когда тройные пропеллеры заработали.

Лоутон и капитан добрались до кварцевого порта одновременно. Они стояли плечом к плечу, глядя вниз на штормовую Атлантику.

Далеко под ними плыла на волнах волнистая масса растительности. Пока она поднималась и падала в убы-

вающем солнечном свете, на поверхности поднялась густая пена, осквернявшая чистую поверхность моря.

Но это не плавающая масса вызвала тошноту у Форрестера и стала причиной нервной дрожи Лоутона. По острову, напоминавшему скопления водорослей в Саргассовом море, ползло нечто огромное, по форме схожее с пятнистым садовым слизнем.

Форрестер, дрожа, отвернулся от кварцевого порта.

— Боже, Дэйв, это могла быть *последняя капля*. Животная жизнь. Дэйв, Я... я не могу понять, что как мы выбрались.

— Мы снаружи, все в порядке, — сказал Лоутон хрипло. — Как раз вовремя. Командир, будет лучше раздать пунш. Людям это понадобится. Я отвечу прямо. Вы обвинили меня в примитивности. Подождите, вы еще увидите меня через час.

Доктор Стефен Халдэй стоял в дверях своей лаборатории в Аппалачах, глядя в пропитанные сосновым ароматом сумерки; на его приятном лице застыло выражение озабоченности. Это произошло снова. Часть его эксперимента улетела ввысь; очень свободная форма под очень высоким волновым напряжением. Он задумался, не появится ли нечто вроде макромира высоко в стратосфере, изменив даже воздух и частицы вещества, которые двигаются в атмосфере; свободные частицы, сочетаясь с водородом, могли создать новые молекулярные механизмы.

Если бы такое случилось, их теперь должно быть восемь. Его пузырей, плывущих по небу. Они не могли никому навредить — на пути вверх, в стратосферу. Но он все равно чувствовал себя немного неловко. Ему следует в будущем действовать осторожнее, сказал он себе. Намного осторожнее. Он не хотел, чтобы Контролеры повернули вспять часы цивилизации, остановив все эксперименты по расщеплению атома.

ВИЛЛИ

Долина выглядела очень чистой, по-настоящему стерильной, как будто дождь и эрозия удалили все признаки красоты и оставили лишь примитивные очертания, которые и заполняли пространство от края до края.

Человеку, стоявшему на краю утеса и пристально глядевшему вниз, купола города в долине тоже казались чрезмерно резкими. На фоне неровной поверхности утеса они представлялись скопищем поганок — неподвижных, не отбрасывающих тени и окутанных призрачным светом.

Безмолвный наблюдатель застонал и смущенно обернулся. Это был крупный бородатый мужчина; на поясе у него висела черная как уголь шкура ягуара.

Что с ним случилось? Как он...

Он не мог даже объяснить, откуда взялся грубый каменный топор, который он сжимал в мозолистой правой руке. У него было ощущение, что топор мог понадобиться в любой момент, но где он раздобыл оружие и при каких обстоятельствах — мужчина не мог вспомнить.

Он точно помнил, как спорил с каким-то противником и как сила и достоинство помогли ему преодолеть противодействие. Все остальное было смутным, туманным, даже отчасти пугающим. Он вспоминал спиралеобразный металлический объект, унылое, медленное пульсирование, вращение какого-то механизма...

Нет, это было куда сложнее. Он восстановил лишь малую часть масштабных и пугающих воспоминаний, который тлели где-то глубоко в сознании.

Тлели, но не давали света. В его мыслях царил хаос, все кружилось в водовороте, и он чувствовал пробужде-

ние чего-то примитивного, как будто не имевшего ни малейшего права на существование.

Трудно было понять, почему он, человек двадцать девятого столетия, носил шкуру ягуара и сжимал в руке грубый каменный топор. Но куда сильнее его терзало убеждение: от него чего-то ждут, и для исполнения этой задачи понадобятся все его умения и отвага.

Он думал, что находился в одиночестве, но внезапно почувствовал почти неслышные движения за спиной; он ощутил, как чей-то взгляд коснулся его широкой спины.

Он развернулся с диким ревом, его пальцы сжали рукоять топора, глаза отыскиали противника.

Бродяга был крупным дикарем, с бритой головой и обожженными ярким светом солнца плечами. Он также сжимал каменный топор, и во взгляде его горела безумная ярость.

Чувствуя, как мурашки побежали по затылку, человек двадцать девятого столетия медленно сделал шаг назад, поднял руку и швырнул топор прямо в череп врага.

С чудовищным воплем Бродяга прыгнул вбок, но топор, казалось, последовал за ним. С отвратительным хрустом он вонзился в череп огромного дикаря, и тот рухнул лицом вниз. Он недолго бился в конвульсиях, высунув язык; голова раскачивалась взад и вперед на длинной шее. Он почти развернулся и едва не встал на ноги. Дважды он собирался с силами, приоткрыв один глаз и закрыв другой, его живот свисал вниз как распухший мешок. Потом его конечности, казалось, согнулись под тяжестью тела, и сухой, резкий скрежет вырвался из горла.

Человек двадцать девятого столетия вздрогнул и застыл на миг, пристально и мрачно рассматривая блестящую кровавую ленту, которая протянулась от раско-

лотого черепа Бродяги. Его и отталкивал, и притягивал ритуальный пучок волос на бритом черепе врага; его внимание привлекала странная тень, которую отбрасывал брошенный топор на серое лицо противника.

Внезапно скривившись, он наклонился и сделал то, что предписывал обычай.

Спускаясь в долину со скальпом врага, висевшим на поясе, человек двадцать девятого столетия думал, не сошел ли он с ума. В городе, к которому он направлялся, мужчины не снимали скальпы со своих врагов. Как пример, как предупреждение всем Бродягам — это нужно было сделать. Но в городе, к которому он направлялся, люди жили по законам цивилизованного мира, и эти законы, казалось, действовали на огромных расстояниях...

Скальп его врага и ржаво-красные пятна на грубом топоре символизировали что-то, за что ему следовало бороться в прохладном, пульсирующем, темно-синем мире, в котором люди жили в мире и согласии под пологом звезд.

Ему следовало бороться — как ни смешно это звучит — за идею.

— Я пойду один. Я пойду, и я вернусь. Вы увидите.

Он имел право приказывать. Он мог принимать решения и воплощать их в жизнь. Было в нем что-то успокоительное и основательное, он не терпел никаких возражений и отметал все протесты взмахом руки.

Он имел право настаивать на своем. Он носил серые знаки отличия Монитора, и могущественный интеллект давал ему право властвовать. В прохладном, пульсирующем, темно-синем мире были другие правители, но они пожимали плечами и отворачивались. Пожимали...

Нет, нет, они не отворачивались. Он был совершенно уверен, что нет. Символически, возможно — но не в фи-

зическом смысле. Любопытство возобладало. Они смотрели на него, пока...

Он подошел уже совсем близко к городу... На лице мужчины отразилось жалкое замешательство. Что ж, он... он пойдет прямо к Вилли. Вилли был не просто обычным роботом. Вилли был почти человеком, и он привык ждать возле Зала Мониторов, пока его создатель обсуждал вопросы, выходявшие за пределы понимания робота. Вошел посыльный и объяснил, что Вилли всем мешает в коридоре.

— Малыш ждет снаружи. Монитор 236. Что мне сказать ему?

Он пойдет прямо к Вилли. Вилли был не просто обычным роботом. Вилли мог дуться и устраивать сцены, но даже дикие лошади не могли оттащить Вилли от его создателя.

Монитор 236 едва не заплакал от облегчения, когда его ноги коснулись гудящего мото-тротуара и он увидел, что стремительно мчится вперед к центральным воротам Вэлли-Сити. Он уже подъехал совсем близко к воротам, и его мысли путались, а глаза словно застилал туман.

Вэлли-Сити выглядел как-то не совсем правильно — теперь, когда человек оказался так близко. Город утратил резкость, и его бледные купола, пульсирующие призрачным сиянием, казалось, обретали красоту, поднимаясь к утесу наверху. Но энергетические опоры, стоявшие у восточных ворот, казались шире и выше, чем прежде; тут и там появились другие новые, необычные объекты.

Он внезапно задумался о том, почему оказался в одиночестве на мото-тротуаре. Обычно к центральным воротам непрерывно тянулся поток людей. В горле у него застыл ком, когда он увидел горы красного песка на белой транспортной металлической ленте ведущего нару-

жу мотто-тротуара. Там не оказалось пассажиров. Ни один человек не покидал город, и он — он один входил внутрь!

Он немного ускорил шаг, двигаясь теперь почти с такой же скоростью, как блестящая лента металлопласта, которая несла его к центральным воротам. Быстро ходить по мото-тротуарам считалось непристойным. Стоять совершенно неподвижно и беседовать с ближайшим соседом — это было практически неизбежно, если человек следил за сохранением своей энергии и не мог сесть на стратолайнер.

Но... он был Монитором. Он мог бежать, если пожелает. Он мог бежать, бежать. И вдобавок впереди не было ни единого пассажира, который мог бы ему помешать. Ужасное болезненное ощущение возникло у него где-то в районе живота — и он отбросил в сторону правила и порядок.

Он бежал по движущемуся тротуару, и в теле высокого, царственного Монитора прятался дикий зверь. Он бежал все быстрее, каменный топор, украшенный блестками запекшейся кровью, покачивался в его руке.

Он был бы очень рад, если б в тот момент на мото-тротуаре появился какой-нибудь пассажир, он с облегчением услышал бы слова: «Добрый вечер, Монитор 236. Не желаете ли побеседовать с Обычным человеком?» Это помогло бы ему восстановить уверенность в себе. Но не было никого. Никого.

Мото-тротуар уже нес его прямо через центральные ворота в город. Он мог видеть бледные купола, пульсирующие слабым светом, и невыразительный цилиндр центральной электростанции, возносящийся в невообразимую высь — словно гигантский палец, постоянно указывающий в восточную часть долины.

Он видел и переплетающиеся, искрящиеся нити мото-тротуаров, соединяющих купола, силовые шахты и

жилые дома в единую систему, пребывающую в непрерывном движении.

Он видел роботов. Больших, неподвижных, безвольных роботов, которые вовсе не напоминали людей, но были просто металлическими кубами с движущимися конечностями и телео-электронными мозгами, чувствительными к импульсам человеческого мозга.

Они стояли неподвижно, на некотором расстоянии друг от друга, готовые передвинуть, соединить, обрезать, распутать, исправить, проверить и сотней эффективных способов решить проблемы, которые постоянно возникали в обширной, сложной жизни города.

Когда роботы перемещались, они напоминали кружащиеся диски с быстро движущимися пальцами; физическим изменениям они не были подвержены. Роботы оставались бесчувственными, сигналы поступали к ним по лучу коммуникатора. В течение сотен лет они механически передвигались по городу.

Они были фактически неразрушимыми, чувствительными, механическими рабами, и Монитор 236 видел, что некоторые из них отодвигались куда-то глубоко в окружающую синеву, когда он, переводя дыхание, сошел с мото-тротуара.

Кто-то бежал к нему, размахивая белыми руками. Неизвестный мчался к нему в этой синеве — казалось, что странник вернулся из долгого путешествия только ради встречи с этим человеком.

Вновь прибывшая не была красива. Сначала ему бросились в глаза вздернутый нос и веснушчатое лицо; а потом он присмотрелся повнимательнее — и заметил все детали.

И все-таки это была не иллюзия. Нельзя почувствовать запах иллюзии, и нельзя схватить ее руками после того, как охватишь ее взглядом. Ее волосы пахли тлеющими угольями, и было что-то совершенно дикое и соб-

ственническое в том, как она цеплялась за него и целовала. От этих поцелуев Монитор побледнел.

Удивительно, но он испытал восторг, чистую радость. Казалось, все напряжение исчезло, растворилось, так что он больше не чувствовал страха и неуверенности.

И все же она была некрасива. Женщина-варвар, одетая в дрянные остатки шкуры пантеры — в клочья и лохмотья, которые едва прикрывали ее наготу. Дикая женщина, в глазах которой сиял свет джунглей, а на неровных зубах остались пятна от ягодного сока.

— Мы думали, ты никогда не придешь, — шептала она. — Ты был прав, а мы были... глупы! Бродяги собираются напасть.

Он уставился на нее, плотно сжав челюсти. На мгновение он как будто оказался сразу в двух смутно вспоминающихся мирах, которые соприкасались, пересекались и все же были отделены друг от друга широкой бездной времени.

Напряжение снова вернулось. Замешательство появилось в его глазах, и оно передалось девушке.

— Что не так, Агар? — хрипло прошептала она. — Почему ты так смотришь на меня?

— Агар? Да, я — Агар, — ответил он, как будто чувствуя потребность громко повторить свое имя.

Девушка казалась напуганной. Она отчаянно вцепилась в его запястье.

— Агар, что такое? Скажи мне, Агар!

Ее длинные, острые ногти врезались в его плоть, и когда он посмотрел вниз, то заметил небольшие темнокрасные пятна на мото-тротуаре, который двигался рядом, на уровне его колен.

Его кровь, кровь Монитора, пролила эта обезумевшая дикая женщина в городе двадцать девятого столетия. Городе пылающих куполов у подножия вечных скал, го-

роде, который, казалось, простирался в бескрайнюю синеву...

Необъяснимое побуждение заставило его внезапно запрыгнуть обратно на мото-тротуар.

— Наши люди готовы, Агар, — воскликнула девушка, взбираясь следом. Она не прыгала на тротуар, как он, но скорее заползала, как будто опасаясь, что движущаяся дорожка полна магической энергии, которая требует очень осторожного отношения.

— Наши люди ждут в тени Полу-Тела, Агар!

Полу-Тело! Да, теперь он вспомнил. Он оставил своих людей под большой, металлической Половиной Тела, их волосатые, грубые лица были освещены языками костра, который он разжег для их защиты.

Бродяги боялись огня, и — Бродяги боялись его людей. Но Бродяги завидовали его людям — безопасности города и волшебной энергии Полу-Тела.

Полу-Телу поклонялись с незапамятных времен. Оно было холодным, синим и неподвижным — колоссальных размеров конструкция, которая возвышалась точно посреди Сентрэл-Сквер и служила защитой его людям. Символично, что это была не совсем половина тела — скорее Лицо, которое размышляло о городе и никогда не погружалось в сон — большое, металлическое лицо, в глазах которого сосредоточилась неизмеримая мудрость.

— Мы должны бороться из всех сил, — прошептала девушка, стоявшая рядом. — Бродяг нужно уничтожить.

И снова возникло это чувство — два смутно припоминаемых, взаимосвязанных мира, к которым прикованы его мысли, которые рождают неисчислимые парадоксы... Его разум был как будто парализован.

Бродяги? Кто такие Бродяги? Мото-тротуар стремительно нес его в самое сердце города, прямо к Залу Мониторов и большой Сентрэл-Сквер.

— Я — Монитор, — произнес он, очнувшись. — А чем занимаешься ты, девочка? И почему ты так на меня смотришь? Говори, я даю тебе разрешение.

— Ты мне даешь *разрешение*, Агар? Твое раз...

— Что ж, я Монитор, и...

На лице девушки отразился крайний испуг.

— Агар, Агар, что с тобой стряслось? — она едва не зарыдала. — Ты принесешь огонь от неба. Имя, которое ты только что произнес. О, я не осмеливаюсь повторить это! Огонь поглотит меня.

Он сердито нахмурился и шевельнул рукой, как будто собирался схватить девушку за плечи и встряхнуть, чтобы привести в чувство.

Когда девочка неизвестного происхождения перешла границу... Она, очевидно, притворялась дикаркой на улицах. Такое иногда происходило: психологические дефекты после долгих исследований антропологии, фольклора, нравов и диких ритуалов далеких и примитивных рас и культовых практик недостойных цивилизации азиатских островитян и австралийских аборигенов.

Но почему безвольные роботы не окружили ее в ответ на импульсы из Центра Государственной безопасности? Трагическое и жалкое происшествие, но не подлежащее юрисдикции Монитора. Не то чтобы он не мог вмешаться, но психически нестабильные люди были так раздражительны... Держать сумасшедших Простых людей подальше от улиц — вполне обычное дело для роботов, с которыми сотрудничает Государственная безопасность. Теперь, очевидно, сотрудничество прекратилось.

Он внезапно увидел их, всех его людей, собравшихся у огня посреди Сентрэл-Сквер, под огромной, мерцающей Половиной Тела. Мото-тротуар так стремительно нес его к людям, что путешественнику едва хватило времени, чтобы рассмотреть мужчин и женщин, сидев-

ших широким полукругом — и вот он уже оказался посреди толпы, привлекая всеобщее внимание.

Женщины племени собирались вокруг него с криками облегчения и радости, касаясь его ног, его груди, его бицепсов, как будто там хранилось некое могучее и чистое волшебство, способное защитить их от буйной жестокости Бродяг. Мужчины стояли прямо и неподвижно, пристально разглядывая его. Он знал, что они считали его величайшим из воинов.

Он знал, что они были готовы умереть за него, и он внезапно почувствовал прилив гордости — он снова стоял вместе со своими людьми у Полу-Тела. Его глаза увлажнились, но взгляд стал жестче, когда воин увидел раны на телах своих соплеменников.

В тени сидел старый Бабу; при свете костра его изможденное лицо напоминало череп, а его глаза фанатично блестели. Старый Бабу, во взгляде которого читалось «Смерть Бродягам!», и Тигур, бочкообразный, сутулый, но борец до кончиков ногтей; он позабыл обо всех своих любовных увлечениях, когда начал готовиться к предстоящей битве. Тут были Капа, Турнун, Грун и молодой Укар, юный годами, но могучий и настолько отважный, что, казалось, он сражался всегда.

«Смерть Бродягам!» Эти слова песней врывались в сознание Агара, когда он занимал свое положение у Полу-Тела, рядом с девушкой. Она прижалась к своему спутнику как будто инстинктивно — словно ей по праву принадлежало это место, и она займет его и тогда, когда придет время сражаться.

— Они напали однажды, но мы прогнали их, — услышал он чей-то рык; подняв голову, он увидел, как сурово блестят глаза старого честного Бабу.

— Я видел их, — воин словно издалека услышал свой ответ. — Они собираются в нашей части долины с рассвета.

Нижняя часть лица старого Бабу, казалось, напряглась — словно внезапно подействовала некая таинственная алхимическая реакция, превратившая мышцы его челюстей из каменных в железные.

— Мальчик мог бы проследить за ними, — проворчал он. — Почему ты покинул нас?

— Чтобы увидеть все своими глазами и принести доказательство, — ответил воин. Тут он поднял залитый кровью скальп убитого Бродяги и сунул его под нос старому Бабу.

— Нам не нужны никакие доказательства, — усмехнулся старый Бабу.

— Вы несерьезно отнеслись к опасности. Вы сказали, что Бродяги никогда не нападут бы. Вы сказали, что их слишком мало, а нас слишком много.

— Я это сказал? — проворчал Бабу, проводя пальцем по мертвенно-бледному шраму, рассекавшему его правую щеку.

— Бабу, если ты отказываешься от своих слов, ты бесстыдный лжец.

Губы старого воина скривились в усмешке. Он медленно прикрыл правый глаз, а потом снова посмотрел на собеседника.

— Ну-ну, — проворчал он. — Хотя мы вроде бы и посмеивались, мы не сомневались в твоей мудрости. Просто... ну, просто мы любим тебя, Агар. Без твоей помощи мы не смогли бы бороться, мы ослабели бы...

— Вы сражались бы достаточно хорошо, — услышал свой ответ Монитор 236. — Вы... Вы сейчас находитесь только на пороге стадии воина-короля-священника. Вы думаете, что я наделен волшебной силой. Вы еще не бросили мне вызов, но когда я умру, вы поставите меня на такой высокий пьедестал, что я не смогу спуститься вниз и помочь вам. Вы выберете кого-то, кто будет мо-

литься о вас — хитрого старого знахаря, который потянет вас все глубже и глубже в болото.

Бабу поджал губы и отвел взгляд.

— Иногда слова уносят тебя от нас на крыльях темноты, — сказал он.

Замешательство отразилось на лице Агара.

— Что... что я только говорил, Бабу?

— Не заставляй меня повторять это, — ответил Бабу.

— Он и со мной говорил очень странно, Бабу, — вмешалась девушка, стоявшая рядом с Агаром. — Иногда лучше дивиться, чем знать, почему великий воин так говорит. Вы должны доверять ему, как доверяю я, Бабу.

— Я не утратил доверия к нему, — проворчал Бабу. — Но...

Глаза старого воина внезапно увлажнились, и его рука двинулась к топору, висевшему у пояса.

— Вот оно, — пробормотал он.

Агар почувствовал, что он готов к борьбе — мышцы спины инстинктивно сжались. Он увидел, как прыгнул Бабу, готовый присоединиться к воинам, и почувствовал, как девушка выскользнула из его объятий. На его груди остался почти незаметный след — там, где она прикоснулась к коже холодными губами, как будто стараясь укрепить его силы перед боем. След на его груди, ощущение готовности к борьбе... а потом он прыгнул вперед, взмахнув топором.

Бродяги неслись на его людей со всех сторон. С чудовищными криками они мчались по мото-тротуарам, их бритые головы мерцали в синеве, а рты беззвучно открывались.

В их атаке не было ни плана, ни порядка, а воины Агара тоже не подчинялись никаким приказам. Они сразу сошлись в рукопашной, сцепились друг с другом — топоры поднимались и опускались, пока Централ-Сквер не стала красной от крови.

Сражение продолжалось, враги то наступали, то отступали, и варвары бились с Бродягами у основания огромного, Полу-Тела, потом под длинной серой линией силовых каналов на противоположной стороне площади, а затем в центре открытой площадки. Резня казалась поистине омерзительной.

Бродяги сражались, не давая и не прося пощады. Они как будто намеревались уничтожить как можно больше людей Агара.

Это было ужасно, и ничего поделать было нельзя. Агар неожиданно обнаружил, что вырывает из волосатой руки топор и рубит им противника по носу, превращая лицо в кровавое месиво. С двумя топорами он обрушился на вопящего дикаря, но их вырвал у него семифутовый гигант с волосатыми плечами.

Избежав удара, который едва не убил его, Агар опустился на одно колено и ударил врага головой. Поперхнувшись, великан отшатнулся назад; сзади на его череп опустился чей-то топор.

Старый Бабу явился как раз вовремя. Бабу отшвырнул топор, но другой Бродяга захотел добраться до него. Пока Бабу вырывал оружие из расколотого черепа огромного Бродяги, ему пришлось убить еще одного — быстро, жестоко и безжалостно.

Теперь у Бабу было два топора, и он передал один Агару. Откуда-то донесся страшный, удивительный крик. Что-то проскользнуло по тротуару между расставленными ногами Агара; потом эта вещь остановилась у ног Бабу.

У этой вещи были волосы и глаза, но Бабу оттолкнул ее. В следующее мгновение соратники разделились: на Бабу набросились дикари, которые заставили его отступить, хотя он корчил угрожающие гримасы; Агару пришлось расколоть несколько черепов, чтобы отбить врагов, налетевших с другой стороны.

Казалось, битве не было конца. Агар не мог даже сказать, проигрывали его люди или одерживали верх. Он только знал, что вокруг царил оглушительный шум сражения, и он, казалось, вел своих людей к победе посреди безумного хаоса боя.

Победа казалась невероятной, хотя чуть раньше он обнаружил причину дикого ликования, которое засияло в глазах его соплеменников, которые окружили вождя. Он стоял теперь среди своих людей, и им больше не приходилось сражаться за свои жизни.

Сражались, казалось, только Бродяги, ибо с одной стороны площади, из скопища варваров, доносились дикие крики.

Было немного странно, что ему не позволили получить четкое представление о том, что происходит. Но он понимал причину. Это было старое табу «главный человек — неприкосновенен»; люди окружали его со всех сторон и мешали понять, что творилось за пределами узкого круга бойцов, готовых защищать его от всех опасностей теперь, когда ему больше не требовалось рисковать жизнью в сражении.

Все почти закончилось, когда его воины отступили, предоставив ему возможность осмотреть площадь.

Это было немного неприятно, и он почти пожалел о случившемся; он взмахнул топором, настаивая на своем праве увидеть то, от чего его хотели уберечь — и он увидел, как последние Бродяги тщетно сопротивлялись огромным роботам.

Бродяги попытались сбежать с площади единственной дорогой, все еще открытой для них — по мерцающему мото-тротуару, проходившему слева от Полу-Тела и уводящему вверх к Залу Мониторов. Похоже, они не увидели роботов, спускавшихся к ним, двигавшихся по тротуару в противоположном направлении; они вопреки всему нагоняли отступающих.

Все роботы, за исключением шести, уже спустились к основанию спирали, и было очевидно, что они контролируют ситуацию.

Роботы шевелились и проворно орудовали выдвижными конечностями. Они исправляли недостатки в запутанной, сложной жизни города. Они разрывали, стирали, разбивали все уцелевшие аномалии.

Большая часть «аномалий» теперь превратилась в бесформенные кучи, лежавшие у основания Полу-Тела, мото-тротуар возле статуи стал мокрым и скользким. Движущаяся дорожка медленно унесла прочь все остатки вражеской армии, и внезапно вниз посыпались безжизненные тела Бродяг, а роботы перестали шуметь.

Углубления и отверстия появились в их мерцающих телах, и механические руки втянулись обратно внутрь. Колеса, напоминавшие пилы, исчезали медленнее; казалось, они скользили прочь, оставляя позади темно-красные пятна.

Грубая кожа Агара побелела — он был поражен случившимся.

Роботы не попытались напасть на его людей; внезапно он знал, что один из них покачнулся и направился к нему через всю площадь. Робот подходил все ближе и ближе, пошатываясь, как пьяный, подчиняясь неким непонятным телео-электронным импульсам.

Робот остановился прямо перед ним, замер и посмотрел на человека огромным, мерцающим глазом, появившимся посреди пустого туловища. Медленно, как будто повинаясь притяжению магнита, Агар подобрался поближе к этому большому немигающему шару. Он не знал, почему его сердце так сильно забилося. Он достаточно часто смотрел в глаза роботов. Он был готов увидеть одного из людей Государственной безопасности, образ которого отражался в глубинах глаза — увидеть

человека, направляющего действия робота из Палаты Общественной безопасности.

Когда-то он слышал ужасную историю — Монитор посмотрит в глаз робота и увидит там нечто совершенно неожиданное. Политический сатирик, самозванный автор страшных рассказов, сочинил эту историю. Она получила распространение в кино и на сцене и вызвала негативные последствия, доведя многих до истерики. Монитор увидит вместо Директора Государственной безопасности что-то усохшее, огромное, отвратительное — пугающую шипящую тварь, которая сидит в Палате Государственной безопасности и управляет роботами, наносящими удары направо и налево.

Взгляд Агара был чист, почти стерилен, как будто с его лица исчезло всякое выражение. Медленно, стараясь унять дрожь и чувствуя, как по спине бегут мурашки — он наклонился и посмотрел в огромный глаз робота.

С его губ сорвался крик удивления.

Это было безумно, невероятно — это было совершенно непредставимо! Вилли осмелился...

Теперь он заглянул в этот глаз и смог увидеть — *Вилли!* Маленький робот сидел в Палате Государственной безопасности; его металлические пальцы сжимали телео-электронный импульсный генератор. Провода, шедшие от электронного мозга Вилли к аппарату и тянувшиеся позади, чуть заметно светились и позволяли разглядеть невыразительные серые стены. Казалось, Монитор 236 мог протянуть руку и прикоснуться к Вилли.

— Вилли!

— Хозяин!

Было совершенно очевидно, что выражал взгляд Вилли. Он приветствовал своего хозяина, вернувшегося домой. Теперь он почти бежал к своему господину по Сентрэл-Сквер.

— Вилли!

— Хозяин!

— Вилли!

— Хозяин!

Внезапно огромный безвольный робот моргнул, покачнулся на тяжелых ногах-опорах и зашагал по Сентрэл-Сквер туда, где в синеве замерло в бесконечных размышлениях неподвижное Полу-Тело; устремленные ввысь глаза, казалось, отдавали приказы далеким куполам города и вечным утесам.

Монитор 236 инстинктивно осознал, что робот указывает на надпись у основания статуи. Но он не мог отчетливо рассмотреть надпись с того места, где сейчас стоял.

В висках у него стучало, и ему пришлось подойти поближе к пьедесталу, и даже тогда ему пришлось разглядывать надпись с немалым напряжением. На мгновение он как будто застыл, глядя на металлические буквы сквозь мерцающую завесу, позади которой возвышались большие опоры — его взгляд как будто не мог сфокусироваться, и каждое усилие отдавалось резкой болью в затылке. Потом, внезапно, мерцание исчезло, и завеса упала.

Надпись гласила:

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОБЕДИЛ ВРЕМЯ

МОНИТОР 236

РОДИЛСЯ 2857 ИСЧЕЗ ВО ВРЕМЕНИ 2887

Вилли, разумный робот, сидел в Палате Государственной безопасности, болтая металлическими ногами, и глядя в белое лицо хозяина через оптическое устройство безвольного робота. Он посмотрел на огромную Сентрэл-Сквер и вздохнул от облегчения.

Ему нужно было многое объяснить, но теперь все в порядке.

Память вернулась к хозяину. Он узнал бюст, который возвели в его честь на Сентрэл-Сквер. И тут с человеком произошла разительная перемена.

Лицо хозяина явно изменилось. Это больше не было лицо варвара — это было лицо Монитора. Исчезли тугая складка возле губ и дикая ярость во взгляде.

Он, Вилли, не знал, что путешествие во времени деформирует разум его создателя. Амнезия... с хозяином случилось именно это. Вилли действительно знал об амнезии, у него был почти миллион лет, чтобы изучить микрофильмы по психиатрии в Палате Государственной безопасности.

Он не знал, что у хозяина после возвращения будет амнезия.

Он просто знал, что хозяин вернется, и что он, Вилли, должен остаться преданным хранителем пламени. Нет предела терпению робота.

И когда цилиндр времени появился снова, и дикие потомки племени хозяина приняли путешественника как своего — он, Вилли, запустил мото-тротуары, включил огромных, безвольных роботов, которые исполняли порученные им задачи.

Холодный мысленный взор робота устремился сквозь бескрайние бездны лет. Вилли снова увидел своего хозяина, поднимающегося в цилиндр времени, отвергая все возражения. Он видел, как Мониторы 235 и 237 закрывали крышку цилиндра над спокойным, решительным хозяином, видел, как они обменивались скептическими взглядами, которые было так легко истолковать:

«Путешествие во времени вызывает слишком много непредвиденных последствий. Возражения против него — миллион к одному».

Итак, хозяин изобрел разумного робота, так почему бы ему не изобрести цилиндр, который мог отправиться далеко в будущее? Мониторы 235 и 237 насмехались

над Вилли. Но он, Вилли, прожил миллионы лет, пережил всех Мониторов и всех спокойных, цивилизованных людей.

Он выжил и сохранил свои воспоминания. Время не могло уничтожить их, и теперь, своим холодным мысленным взором, он мог увидеть, как вращается цилиндр. Быстрее и быстрее, сверкая и тускнея, пока не показалось, что он вот-вот разорвется от горя.

Он видел все очень ясно, как будто это случилось вчера. Время не могло уничтожить воспоминания робота, но время повлияло на цилиндр. Он стало бледным, переливчатым коконом, слабо мерцавшим на фоне мягкой, пульсирующей черноты.

Потом, совершенно неожиданно, цилиндр исчез.

Переливающиеся глаза Вилли потускнели, и его зубчатая металлическая челюсть опустилась.

Посреди большой Сентрэл-Сквер хозяин повернулся и снова обнял ту *девчонку* — девчонку, которая была немногим лучше Бродяг. Пожирая ее взглядом, как будто он был все еще варваром, а она была для него единственной женщиной в мире.

Вилли смотрел, и его челюсть опускалась все ниже и ниже. Потом он одним движением отключил передающий импульсы аппарат.

Любовь. Любовь была болезнью, чем-то вроде болезни, но хозяин всегда от нее страдал. Она хуже, чем амнезия, потому что от нее никогда не было лекарства.

И все же... он, Вилли, не сожалел о том, что остался верным хранителем пламени. Хозяин будет править снова, мягко, но решительно направляя своих диких потомков обратно на путь цивилизации.

Хозяин будет править снова.

ЧЁРНАЯ ТВАРЬ

Я вышел из каюты за полночь. Верхняя прогулочная палуба была совершенно пустынна, и тонкие нити тумана качались над шезлонгами и обвивались вокруг блестящих поручней. Воздух был неподвижен. Корабль медленно двигался по тихому, окутанному туманом морю.

Но мне туман не мешал. Я прислонился к поручню и жадно втянул влажный, густой воздух. Почти невыносимая тошнота отступила, неизбывные физические и духовные страдания позабылись, и я стал спокойным и безмятежным. Я снова мог испытывать чувственное восхищение; я не променял бы аромат морской воды на жемчуга и рубины. Я немало заплатил за то, чем собирался наслаждаться — за пять коротких дней свободы и приключений в очаровательной, роскошной, прибрежной Гаване, которую мне расхвалили предприимчивый и, как я надеялся, достаточно честный менеджер из туристического агентства. Меня никак нельзя назвать богатым человеком, и я сильно потратил свои банковские накопления, стремясь удовлетворить непомерные требования «Loriland Tours, Inc.»; в итоге мне пришлось отказаться от таких по-настоящему необходимых удобств, как послеобеденные сигары и не облагаемые налогами шерри и шартрез.

Но я был чрезвычайно доволен. Я шагал по палубе и вдыхал сырой, пряный воздух. В течение тридцати часов я был прикован к своей каюте морской болезнью, более изнурительной, чем бубонная чума или злокачественный сепсис; но сумев наконец выбраться из-под железной пяты, я теперь мог наслаждаться открывающимися перспективами. Они были завидными и великолепными. Пять дней на Кубе, с возможностью кататься

вверх и вниз по залитому солнцем Малекону в ярком лимузине и любоваться розовыми стенами Кабаны, Собора Колумбуса и Ла Фуэрцы, величайшей сокровищницы Ост-Индии. А еще я мог посетить залитые солнцем *patios*, прогуляться по обитым железом *rejas*, и потягивать *refrescos* при лунном свете в открытых кафе, и набираться, пользуясь случаем, испанского презрения к Большому бизнесу и Активной Жизни.

А потом на Гаити, во тьму волшебства, на Виргинские острова, в странную, невероятную старосветскую гавань Шарлотты-Амалии, где дома с красными крышами и без дымоходов стоят рядами, возносясь прямо к звездам; потом на дикие Саргассы, к неизбежной последней остановке, где плавают радужные рыбы, ныряют в воду мальчишки, стоят старые корабли с побеленными солнцем трубами и бродят вечно пьяные шкиперы. Луч опалового света, словно окруженный малахитовой оправой, пробился сквозь серый туман и рассеял мою северную раздражительность. Я прислонился к поручню и погрузился в мечты о Мартинике, которую я увижу через несколько дней. А затем, внезапно, я ощутил приступ головокружения. Древняя ужасная болезнь вернулась, чтобы окончательно извести меня.

Морская болезнь, в отличие от всех других главных несчастий — болезнь индивидуальная. Не бывает двоих людей, у которых она проявлялась бы одинаково. Симптомы колеблются от незначительного недомогания до разрушительного упадка всех способностей. Мои страдания были просто невообразимыми. Задыхаясь и теряя сознания, я отошел от поручней и беспомощно опустился в один из трех оставшихся шезлонгов.

Почему стюард разрешил оставить эти стулья на палубе — для меня представлялось неразрешимой загадкой. Он, очевидно, позабыл о своих обязанностях, поскольку пассажиры обычно не посещали прогулочную

палубу в первые часы после полуночи, а туман и влажность наносили непоправимый ущерб плетеным шезлонгам. Но я был слишком благодарен за те удобства, которые мне обеспечила предполагаемая небрежность — и не придавал беспорядку особого значения. Я лежал, вытянувшись в полный рост, морщась, переводя дух и пытаясь убедить себя, что я болен не так сильно, как кажется. А затем, внезапно, я почувствовал замешательство.

От сидения исходил неприятный запах. Это не вызывало сомнений. Когда я повернулся, моя щека прикоснулась к влажному дереву, а в мои ноздри проник резкий, незнакомый запах — густой и приторный. Он одновременно возбуждал и отталкивал. В какой-то мере он уменьшал мою физическую неловкость, но он также вызывал у меня непреодолимое отвращение, внезапное, истеричное и почти безумное.

Я попытался подняться со стула, но силы оставили меня. Какое-то непостижимое влияние, казалось, не давало мне встать. А затем все как будто провалилось в бездну. Я не шучу. Нечто подобное и впрямь произошло. Основание нормального, знакомого мира исчезло, сгнуло. Я рухнул вниз. Бесконечная пропасть как будто разверзлась подо мной, и я упал и затерялся в серой пустоте. Корабль, однако, никуда не делся. Корабль, палуба, стул по-прежнему оставались на своих местах, и все же, несмотря на сохранение этих привычных атрибутов реального мира, я растворился в непостижимой пустоте. Я испытал иллюзию падения, беспомощного кружения вниз через вечность пространства. Как будто стул, на который я опустился, перенесся в иное измерение, одновременно оставаясь в знакомом мире — он как будто находился и в нашем трехмерном мире, и в мире иных, неведомых измерений.

Я увидел вокруг странные формы и тени. Я всматривался в бесконечные темные пространства и видел континенты и острова, лагуны, атоллы, огромные водовороты. Я падал в великую бездну. Я погружался в темную слизь. Границы разума исчезли, и разрушительные потоки проносились мимо меня, унося жизненные силы и порождая невероятные страдания. Я был один в великой бездне. И фигуры, которые сопровождали меня в этом необычайном пугающем мире, были иссохшими, черными и мертвыми; они безумно прыгали, тряся маленькими обезьяньими головами, внутренности, пропитанные морской водой, вываливались из их тел, а из глаз, лишенных зрачков, сочился гной.

А затем, очень медленно, омерзительное видение растаяло. Я снова оказался на своем стуле, и туман был таким же густым, как всегда, и корабль ровно плыл по тихому морю. Но запах по-прежнему чувствовался — резкий, подавляющий, тяжелый. Я в ужасе вскочил, чувствуя надвигающуюся угрозу... Мне показалось, что в мое тело вторглось нечто огромное и неземное; в одно мгновение все силы зла сосредоточились в одном месте и обрели поистине невероятные пропорции.

Я каким-то образом пробрался внутрь, в теплый, насыщенный влажными испарениями верхний салон; здесь я ждал, задыхаясь, прибытия стюарда. Я нажал на маленькую кнопку с надписью «Стюард» на деревянной панели у центральной лестнице. Я надеялся, что стюард появится до того, как станет слишком поздно, до того, как запах снаружи проникнет в обширный, пустынный салон.

Стюард работал днем, и это было серьезное нарушение — поднимать его с постели в час ночи. Но мне нужно было с кем-то поговорить, и поскольку стюард нес ответственность за шезлонги, я, естественно, посчитал вполне логичным обратиться к нему. Он знает. Он смо-

жет все объяснить. Запах должен быть ему знаком. Он сможет рассказать о стульях ... о стульях ... о стульях ... со мной едва не случилась истерика.

Я вытер ладонью пот со лба, немного успокоился и стал ждать стюарда. Он внезапно появился на верхней площадке центральной лестницы и, казалось, двинулся ко мне сквозь синий туман.

Он был чрезвычайно заботлив, чрезвычайно учтив. Он склонился надо мной и озабоченно коснулся моей руки.

— Да, сэр. Что я могу для вас сделать, сэр? Не слишком хорошая погода, верно. Что я могу сделать?

Сделать? Сделать? Все было ужасно запутанно. Я смог только пробормотать:

— Стулья, стюард. На палубе. Три стула. Почему вы их там оставили? Почему вы не отнесли их внутрь?

Я хотел спросить совсем не об этом. Я намеревался расспросить его о запахе. Но напряжение и потрясение сбили меня с толку. Первая мысль, которая пришла мне на ум при виде стюарда, стоявшего надо мной, такого заботливого и заинтересованного, сводилась к тому, что он — лицемер и негодяй. Он притворялся, что беспокоится обо мне, и все же из чистой порочности он подготовил ловушку, которая ослабила мои силы и привела в жалкое и беспомощное состояние. Он оставил стулья на палубе сознательно, с жестоким и лукавым преступным намерением; он, без сомнения, всегда подозревал: *что-то* займет их.

Но я не был готов к тому, что поведение этого человека так быстро переменится. Это выглядело ужасно. Я с удивлением осознал, что ошибался: я был ужасно несправедлив к этому человеку. Он не знал. Вся кровь отхлынула от его щек, губы приоткрылись. Он стоял передо мной неподвижно, неспособный произнести ни зву-

ка; на мгновение я решил, что он вот-вот упадет в обморок, беспомощно опустится на палубу.

— Вы видели...стулья? — наконец пробормотал он.

Я кивнул.

Стюард склонился ко мне и взял меня за руку. Кожа у него на лице как-то потускнела и сморщилась. На белом пергаментном овале сверкали два глаза, выпученные от страха; стюард дико смотрел на меня.

— Оно черное и мертвое, — забормотал он. — Лицо обезьяны. Я знал, что оно вернется. Оно всегда появляется на борту на вторую ночь, ровно в полночь.

Он сглотнул и крепко сжал мою руку.

— Оно всегда появляется на вторую ночь. Оно знает, где я держу стулья, и оно выносит их на палубу и сидит там. Я видел его в прошлый раз. Оно корчилось в шезлонге, оно страшно вертелось и извивалось. Как угорь. Оно сидит на всех трех стульях. Когда оно видело меня — оно встало и двинулось ко мне. Но я ушел. Я забрался сюда и запер дверь. Но я видел его через окно.

Стюард поднял руку и указал.

— Там. Через то окно... там. Его лицо прижалось к стеклу. Оно было все черное, высушенное и обглоданное. Морда обезьяны, сэр. Боже помоги мне! Морда мертвой, высушенной обезьяны. И с нее капала вода... Я так испугался, что не мог дышать. Я только стоял и стонал, а потом оно ушло.

Он поперхнулся.

— Доктор Блоджетт был изувечен, разорван без десяти минут час. Мы слышали его вопли. Тварь вернулась, я полагаю, и сидела на стульях в течение тридцати или сорока минут после того, как она отошла от окна. Потом она спустилась в каюту доктора Блоджетта и взяла его одежду. Это было ужасно. Ног у доктора Блоджетта не было, а лицо его разодрали в клочья. Следы когтей оста-

лись по всему телу. А занавеска у его полки была пропитана кровью.

Капитан приказал мне молчать. Но я должен кому-то рассказать. Я ничего не могу поделать, сэр. Я боюсь... я должен рассказать. Оно уже в третий раз появилось на борту. Оно никого не тронуло в первый раз, оно просто сидело на стульях. На них осталась влага и слизь, сэр... они все были покрыты черной, зловонной слизью.

Я в замешательстве смотрел на него. Что он пытался мне сказать? Неужели он просто помешался? Или я слишком смущен, слишком ослабел — и просто не могу понять, что он говорит?

Стюард продолжал:

— Трудно объяснить, сэр, но этот корабль *посещают*. Каждое путешествие, сэр — на вторую ночь. И каждый раз оно сидит на стульях. Вы понимаете?

Я не вполне понимал, но что-то неразборчиво пробормотал в знак согласия. Мой голос ужасно дрожал; казалось, слова доносились с противоположной стороны салона.

— Там снаружи что-то было, — вздохнул я. — Это было ужасно. Вот там — слышите? Ужасный запах. Мой мозг... Я не могу вообразить, что на меня напало, но я чувствую, как будто что-то сжало мой мозг. Вот здесь.

Я поднял пальцы и поднес их ко лбу.

— Что-то здесь... что-то... — Стюард, казалось, отлично все понял. Он кивнул и помог мне подняться. Он был все еще поглощен своими мыслями, все еще ужасно взвинчен, но я мог ощутить, что он также стремился подбодрить меня.

— Каюта 16-Д? Да, конечно. Идемте, сэр.

Стюард взял меня за руку и повел к центральной лестнице. Я едва мог стоять прямо. Моя слабость была настолько очевидна, что сострадание стюарда выразилось в поистине героической предупредительности. Дважды

я спотыкался и мог бы упасть, если б направляющая рука моего спутника не сжимала мои плечи и не поддерживала слабеющее тело.

— Осталось всего несколько шагов, сэр. Вот так. Только не торопитесь. Ничего не случится, сэр. Вы почувствуете себя лучше, когда окажетесь внутри, там, где работает вентилятор. Только не торопитесь, сэр.

У дверей своей каюты я хриплым шепотом обратился к человеку, стоявшему рядом:

— Теперь я в порядке. Я позвоню, если вы мне понадобится. Просто... позвольте... войти внутрь. Я хочу лечь. Эта дверь запирается изнутри?

— Да. Да, конечно. Но, возможно, мне следует принести вам воды.

— Нет, не беспокойтесь. Просто оставьте меня... пожалуйста.

— Что ж... хорошо, сэр. — Стюард неохотно удалился, предварительно удостоверившись, что я крепко держусь за ручку двери.

В каюте было совершенно темно. Я настолько ослабел, что был вынужден прислониться к двери всем телом, чтобы закрыть ее. Дверь захлопнулась со слабым щелчком, и ключ упал на пол. Я со стоном опустился на колени и в ужасе начал нащупывать его пальцами на мягком ковре. Но ключ упорно ускользал от меня.

Я вырутался и уже собирался подняться, когда моя рука столкнулась с чем-то жилистым и твердым. Я отшатнулся, задыхаясь. Мои пальцы скользнули по неизвестному объекту; я пытался понять, с чем имел дело. Это была... да, несомненно обувь. И над ней — лодыжка. Башмак был твердо прижат к полу каюты. А кожа на лодыжке, скрытой под носком, казалась очень холодной.

Я немедленно вскочил на ноги и, как запертый в клетке зверь, начал кружить по узкой каюте. Мои руки скользили по стенам, потолку. Боже правый, если бы

мне только удалось отыскать кнопку электрического освещения!

В конце концов моя рука наткнулась на эластичную выпуклость на гладкой панели. Я решительно нажал на кнопку, темнота исчезла, и увидел человека, прямо сидевшего на кушетке в углу — крепкого, хорошо одетого мужчину, солидного и с виду самоуверенного. Только его лицо оставалось невидимым. Мужчина прикрывался носовым платком — большим носовым платком, который, очевидно, был необходим для защиты от холодного воздуха, проникавшего через распахнутый иллюминатор. Человек очевидно спал. Он не откликнулся на прикосновение моей руки к его лодыжке; он и теперь не шевелился. Яркий свет электрических лампочек над головой, казалось, нимало не раздражал его.

Я внезапно почувствовал огромное облегчение. Я сел рядом с непрошеным гостем и вытер пот со лба. Я все еще дрожал всем телом, но спокойное поведение человека, сидевшего рядом, подействовало и на меня. Такой же пассажир, без сомнения, который просто вошел в чужую каюту. Будет не трудно избавиться от него. Просто потрепать по плечу, учтиво все объяснить, и незнакомец удалится. Простая процедура, если только я смогу справиться с силами и действовать решительно. Я так ужасно ослаб, я был так невероятно измучен и утомлен. Но наконец я собрал достаточно сил, чтобы протянуть руку и коснуться плеча незваного гостя.

— Мне очень жаль, сэр, — пробормотал я, — но вы вошли не в ту каюту. Если бы на меня так не подействовала погода, то я попросил бы вас остаться и выкурить со мной сигару со мной. Но видите ли, я — попытавшись улыбнуться, я снова коснулся плеча незнакомца — лучше бы остался один, так что если вы не возражаете — извините, мне придется потревожить вас.

Я тотчас понял, что несколько поторопился. Я не разбудил незнакомца. Он не сдвинулся с места, даже носовой платок, которым он прикрывал лицо, остался неподвижным.

Я испытал приступ тревоги. Дрожа, я вытянул руку чуть дальше и взялся за уголок носового платка. Это было неприлично, но мне следовало узнать. Если лицо неизвестного было таким же, как тело, если оно было привычным и знакомым — значит, все хорошо. Но если нет...

То, что я увидел, меня нисколько не успокоило. Дрожа от страха, я отбросил носовой платок в сторону. На миг, на один только миг, я увидел темное и отталкивающее лицо, его пристальными, белые, как у трупа, глаза, липкие и злые, плоский обезьяноподобный нос, волосатые уши, толстый черный язык, который, казалось, высовывался от изо рта. Лицо пошевелилось, когда я взглянул на него, оно извивалось и омерзительно корчилось, а сама голова меняла положение; она повернулась немного в сторону — и мне открылся профиль, еще более жуткий, омертвелый и грязный.

Я прижался к двери, потеряв самообладание от страха. Я страдал, как страдают дикие звери. Мой разум, лишенный в результате шока всех способностей к логическому мышлению, действовал лишь на уровне инстинктов, на самом примитивном уровне сознания. И все же некая таинственная часть меня по-прежнему фиксировала происходящее. Я увидел, как язык исчез во рту; увидел, как лицо сморщилось и смягчилось, а из полуоткрытого рта и белых слепых глаз потекли тонкие струйки крови. Через мгновение рот превратился в красный разрез на грязном пятне лица — кровавый разрез, который быстро расширился и растворился в бесформенном темно-красном потоке.

***

Стюарду потребовалось почти десять минут, чтобы привести меня в чувство. Ему пришлось просунуть лож-

ку с бренди между моими плотно сжатыми зубами, смочить мне виски ледяной водой и изо всех сил помассировать мои запястья и лодыжки. И когда я, наконец, открыл глаза, он отвел от меня взгляд. Стюард, очевидно, хотел, чтобы я отдохнул и успокоился; он, казалось, сомневался в том, насколько устойчиво его собственное эмоциональное состояние. Однако он сумел внятно изложить, какие средства понадобились для восстановления моих сил, а еще рассказал мне об *следах*:

— Одежда была покрыта кровью, сэр. Я сжег ее.

На следующий день он стал более разговорчивым.

— Оно носило одежду джентльмена, который был убит в последнем путешествии, сэр... Оно носило вещи доктора Блоджетта. Я тут же их опознал.

— Но почему...

Стюард покачал головой.

— Я не знаю, сэр. Возможно, ваше стремительное бегство на палубе спасло вас. Возможно, оно не могло ждать. В прошлый раз оно скрылось вскоре после часа ночи, сэр, а я видел вас в купе несколько позже. Судно, возможно, покинуло его *пространство*, сэр. А возможно, оно заснуло и не смогло возвратиться вовремя, и именно поэтому оно... растворилось. Я не думаю, что оно исчезло навсегда. На занавесках в каюте доктора Блоджетта, и я боюсь, что такое будет случаться всегда. Оно возвратится в следующем путешествии, сэр. Я уверен в этом.

Он откашлялся.

— Я рад, что вы вызвали меня. Если бы вы отправились прямо в свою каюту — возможно, в следующем путешествии оно носило бы уже вашу одежду.

Гавана не смогла излечить меня. Гаити представлялось черным ужасом, омерзительным болотом, полным угрожающих теней и отчаяния, и на Мартинике я и часу не проспал спокойно в своем гостиничном номере.

ОБРЕТЁННОЕ ЗНАНИЕ

Когда эта история была напечатана впервые, она оказала почти гипнотическое воздействие на многих любителей научной фантастики. Они читают и перечитывают ее, и каждый раз чувствуют недоумение. В самом деле, эта история, вероятно, в конечном итоге может привести к идее одновременного существования в пространстве-времени бесконечного числа миров, между которыми возможны путешествия.

Прочтите эту историю внимательно. Не спешите. Если поторопиться – легко сбиться с пути. А если читатель потеряется, то может и не вернуться назад.

*Обретенное знание – словно падающая звезда
За крайними пределами человеческого разума
Теннисон*

Каммингс высунул руку в иллюминатор и опустил пальцы в реку.

— О Боже! – выдохнул он.

Ральф Темпл, перевернувшись на своей койке, сонно заморгал.

— Ничего особенного. Река становится холоднее, вот и все. Вверх по течению...

Темпл выпрямился. Несмотря на то, что их окружала практически абсолютная темнота, он мог разглядеть силуэт головы и плеч своего спутника. Он слышал скрип весел и чувствовал густой влажный запах высокого тропического леса.

— Включи лампу и посмотри, — попросил Каммингс.
— Я, должно быть, схожу с ума!

Темпл, покачнувшись, поднялся на ноги. Он начинал вспоминать. Память возвращалась.

— Хотели бы вы обрести двадцать пальцев вместо десяти? — спросил Моррисон. — Вы бы хотели обернуться и встретить себя — вчера?

Наверху появился тусклый рассеянный свет. Казалось, свечение озаряло нечто похожее на клавиши гигантского пианино.

Он не мог вынести неведения. Крепко сжав в пальцах шапку, он двинулся к свету.

— Ничего себе! — выдохнул он.

Сначала он был просто ошеломлен — здесь, внизу, в густой черноте; но под холодными, яркими звездами человек мог либо закричать, либо сойти с ума.

Он вскрикнул. В пустоте звездной ночи разнесся его слабый голос, и согнутые ноги Пегаса, казалось, выпрямились. Конечно, полная ерунда. Созвездия не могли измениться. Не тогда, когда он...

Его губы сжались, и вся кровь отхлынула от лица. Ночное небо начало наклоняться. У Пегаса выросли рога, и появились светящиеся точки новых звезд вокруг Плеяд.

Кто-то позвал его из густой темноты:

— Ральф, где ты? Вернись назад сейчас же.

Он отполз на четвереньках. Он оставался в сознании; за ним следило множество глаз. Он стоял неподвижно, его позвоночник словно обратился в ледяной столб, а пальцы крепко сжались.

Казалось, минула вечность, прежде чем зажглась спичка и рядом появилась его любимая. Ее медные волосы, распущенные и падающие на лицо, словно занавес, не могли замаскировать ярость в ее взгляде.

— Что ж, ты сделал это, — вздохнула она, уставившись на него, как будто он был каким-то отвратительным насекомым, которое следовало раздавить.

— Джоан, я...

— Я думала, машина не закончена, — набросилась она на него.

— Я знаю. Я и сам так думал.

Он посмотрел на сидящих вокруг девушек. Хихикая, они собрались вместе, чтобы взглянуть на голые, сухие кости непроверенного *предположения*.

Что ж, предположение подтверждалось прямо сейчас. Все шло очень быстро, и в утренних газетах мог появиться сенсационный репортаж.

Его желудок сжался; он сильно вспотел.

— Извините, — сказал он чуть слышно.

— Вы должны быть, Ральф Темпл, — вспыхнула медноволосая девушка. — Только что мы находились в музее ремесел и наук. А потом — мы в темноте, Бог знает где.

— Где Нед? — хрипло спросил Темпл. — Я только что разговаривал с ним.

— Нед говорит, что он в другом месте. В какой-то кабине или каюте, вода течет по ту сторону иллюминатора. Только это не вода. Она густая, как клей.

Темпл пошарил вокруг и нащупал стул. Он сел и вытер пот со лба.

Все в порядке, он сыграл роль Пандоры. Но большинство людей обоих полов делали это с тех пор, как Фарадеи и Моррисоны начали изобретать разные вещи в незапамятные времена. Многие люди резали пальцы, хватаясь за опытные образцы наконечников для стрел, спотыкались в кухне о кучи мусора и поднимали крышки на ульях механических пчел.

Сыграть Пандору — это не преступление. Но изобретение машины времени и представление, что это — лишь предположение, воплощенное в пластике и таинственных схемах... Да, такой поступок был...

Да, он надеялся, что они арестовали Моррисона и отправили его в тюрьму пожизненно. Он все вспомнил.

Моррисон убедил директоров Музея ремесел и наук, что его так называемое изобретение соберет их на Выставке Завтрашней Науки.

Моррисон никогда не бывал так настойчив, как в том случае, когда он рассуждал о пользе «публичности» для людей столь же непрактичных, как и он сам. Понадобилось не больше пяти минут, чтобы убедить директоров в том, что математики-физики были седовласыми мальчишками для прессы, что они могли заполнять воскресные приложения своими фокусами.

Темпл с огорчением вспомнил, что он, Моррисон и Нед были приятелями. Они вместе учились в военной школе и колледже и делились юношескими мечтами о невероятных вещах, которые произойдут в будущем. Затем Моррисон занялся получением докторской степени, Нед — инженерией, а он, Ральф Темпл, унаследовал два миллиона долларов. Это разделило их. Нельзя ожидать, что ученый, математический физик, инженер, загоревших в тропиках под солнцем и ветрами, и плейбой с Парк-авеню остались близким приятелями.

Этого нельзя было ожидать, но черт! — это случилось. Они с Недом получили пропуска в Музей ремесел и наук с приложением дружеской маленькой записки от Моррисона.

Дорогой Нед, дорогой Ральф!

Моя машина будет завтра на выставке. Я надеюсь, на зрителей демонстрация подействует, и они пожертвуют необходимый миллион. Парень по имени Ральф Темпл может принять участие в процессе, но сначала ему придется прийти и все увидеть.

Всего наилучшего, как всегда
Морри.

Стоявший у входа на Выставку Завтрашней Науки Моррисон радостно поприветствовал их:

— Ральф, Джоан... Нед, старина. Скажи мне, что все в порядке.

— Это ты скажи! — посмеялся Нед. — Ральф позволяет мне держать руку Джоан в четвертом измерении. Ты замечал?

— Нет, но теперь ты можешь делать это наяву. Хотел бы ты попутешествовать со скоростью света? Хотели бы вы развернуться и встретить себя — вчера?

— Что должен сделать Ральф? — спросила Джоан.

Темпл отвернулся и нахмурился, но Нед, казалось, наслаждался происходящим.

Он подмигнул девушке Темпла.

— Ему придется разделиться надвое в четвертом измерении. Но он не спрашивал Ральфа. Он спрашивал меня.

Моррисон ухмыльнулся:

— Я спрашивал вас обоих.

— Что ж, чтобы встретить себя вчерашнего, человек должен либо разделиться в четвертом измерении или облететь Вселенную. Не так ли?

Моррисон покачал головой.

— Нет, не совсем. Когда моя машина будет готова, можно будет просто нажать на маленькую кнопку, и — *пуф!*

— Ты имеешь в виду, он исчезнет? — спросила Джоан.

— С Земли — да. Но он найдет много интересного в другом месте.

Тогда они пошли в машину Моррисона. Интересно, но сейчас он не мог вспомнить, как выглядела машина.

Моррисон стоял снаружи. Подошла группа хихикающих школьниц, девочек в возрасте от шестнадцати до двадцати.

Джоан указала на маленькую, сверкающую кнопку.

— Эта кнопка, ты полагаешь?

О, Боже, зачем он это сделал? Он не был молод, но был мужчиной с поседевшими висками и гусиными лапками морщин вокруг глаз. Он не был дураком.

Или был? Как и все чувствительные и творческие люди, он в некоторых отношениях был хамелеоном. В окружении хихикающих легкомысленных девиц его личность изменилась. Он мог стать по-настоящему инфантильным, когда окружающие вели себя как первосортные дебилы.

— Дорогая, — сказал он неожиданно, — готова ли ты поспорить, что Моррисон просто шутит?

— Готова ли я поспорить...

— Заключение пари, дорогая? У меня такое чувство, что я могу запустить машину, просто закрыв глаза и нажав на кнопку.

— Я могу только поспорить, что ты не сможешь.

— А я спорю, что смогу.

— Спорю, что не сможешь.

— Спорю, что могу.

— Не сможешь.

— Смогу.

— Нет.

— Да.

— Скажи, что это? — добавил Нед. — Сколько мне нужно заплатить, чтобы войти в нее?

— Мы войдем в нее все вместе, — ответил Темпл, нажав на кнопку.

***

Джоан потеряла его за рукав, в ее голосе звучали панические нотки.

— Спроси Неда, где он, — умоляла она. — Он услышит нас, Ральф.

Темпл встал. Ему приходилось сдерживаться, чтобы не повысить голос.

— Где мы? — прохрипел он. — Вот что я хочу знать. Где мы?

— Мы внутри машины, конечно, — сказала Джоан, как будто обращаясь к ребенку. — Но Неда здесь нет. Он где-то еще. Когда я разговаривала с ним, он ответил, но видит иллюминатор и воду, которая не течет. Где он может быть?

— Я понял, — сказал Темпл; потом он выкрикнул: — Нед, Нед, ты слышишь меня?

— Я слышу тебя, все в порядке, — из темноты донесся сердитый голос Неда вошел сердито из темноты. — Куда ты подевался?

Одна из школьниц начала рыдать в темноте.

— Прекрати, — резко сказала Джоан — Прекрати сейчас же.

Рыдания утихли.

— Где ты? — спросила Джоан.

— Джоан? Это ты, Джоан? Я говорил с тобой. Я в какой-то кабине, и Ральф был здесь со мной. Но он поднялся куда-то, и теперь он разговаривает со мной, а не могу видеть его.

— Ты помнишь что-нибудь о машине времени Моррисона? — спросила Джоан.

— Моррисона? Боже мой, я не видел этого парня пять... нет, шесть лет.

— Видишь? — сказала Джоан. — Я же говорила тебе, что Нед где-то здесь.

— Нед, — сказал Темпл, — постарайся вспомнить. Где ты был до того, как проснулся и сказал мне, что вода превратилась в клей?

— Скажи, что такое происходит? — пробормотал Каммингс. — Ты был здесь со мной. Ты должен знать.

— Но Ральфа не было с тобой, — сказала Джоан. — Он был здесь с нами. Он пропал из виду и вернулся снова, но он отсутствовал не больше минуты.

— Нет, Джоан, — заметил Темпл. — Это не совсем верно. Я был с ним, но я поднялся к звездам. Я чувствовал, что шел по лестнице вверх... Затем я спустился обратно. Но меня не было здесь до того, как я начал подниматься.

— Нет, ты был, — настаивала Джоан — Я зажгла спичку и увидела тебя.

— Но как я мог быть одновременно в двух местах?

— Моррисон не говорил ничего о... о встрече с собой вчера?

— Ральф, Ральф, я вспоминаю, — донесся из темноты голос Неда. — Мы были на *Утренней* звезде. Мы плыли по Ориноко. Ральф, ты здесь?

Ральф был там, но он ничего не сказал. Он только сел на край койки и уставился на Каммингса. Солнце освещало кабину, и он мог разглядеть мутную коричневую реку. Облокотившись на койку, он мог протянуть руку и довольно легко зачерпнуть немного воды. Но он попросил Неда сделать это, потому что почувствовал утомление; от каждого движения ему хотелось спать.

Судно оказалось одним из плоскодонных пароходов с гребными колесами с обеих сторон; их палуба располагалась так низко над уровнем воды, что потоки могли хлынуть в открытые иллюминаторы.

И все это казалось довольно интересным. Темпл был моложе на пятнадцать лет, он не получил еще свое наследство. Лежа в лучах прохладного бразильского рассвета и глядя на воду, он думал, что стал самым удачливым парнем на свете.

На нижних уровнях тропического леса, в мутной коричневой воде таилось нечто, поднимающее человека к звездам.

Звезды. Меняющиеся звезды — где-то там, над ним.

Ральф резко вздохнул. Нед пялился на него так, будто у него внезапно выросли невероятных размеров.

— Ральф, ты выглядишь ужасно, — прохрипел он. — Ты выглядишь на двадцать лет старше.

— Я старше, — сказал он.

— Что?

— Нед, это путешествие, в которое мы отправились после того, как закончили учиться, сразу после того, как ты получил первую работу. Ты пытался убедить меня тоже заняться инженерным делом.

Он взглянул прямо на Каммингса.

— Нед, Прошлой ночью мы распили бутылку портвейна. Сейчас мы оба проснулись, у нас легкое похмелье. Ты спросил меня, насколько высоко мы поднялись. Я сказал, что это можно узнать, зачерпнув немного воды и попробовав ее. Вода в Ориноко соленая — ровно на двести миль от устья.

— Я знаю, — сказал Нед. — Я только что сказал тебе, что река...

— Не думай о том, что я говорил тебе. Это неважно. Нед, мы не распивали ту бутылку портвейна прошлой ночью. Это было не прошлой ночью. Это было несколько лет назад. Ты еще ходишь в колледж, а я нет. Я гораздо старше.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — дрогнувшим голосом сказал Нед.

— Нед, одумайся. Разве ты не помнишь, что произошло в Музее ремесел и наук?

— Я никогда не слышал о таком месте.

— Но ты только что разговаривал с Джоан. Ты говорил с Джоан из темноты.

— Джоан? Я... да, имя знакомое. У меня есть ощущение, что если бы она заговорила со мной, я бы узнал ее.

— Ты не помнишь, как я покинул тебя и двинулся вверх к звездам? — Темпл ткнул пальцем ввысь.

— Ты... ты поднимался наверх и видел звезды?

— Да, и спустился назад в темноту. Я разговаривал с тобой, и ты отвечал мне. Сейчас я пытаюсь заговорить громче и попытаться пообщаться с Джоан. Джоан, — позвал он. — Джоан, ты слышишь меня?

— Дорогой, где ты?

— Мы в лодке, плывем на веслах по реке Ориноко — в Южной Америке, — добавил он на тот случай, если она не поняла его.

— Дорогой, поднимись снова к звездам. Ты можешь или нет?

— Нет. Не вижу больше никаких лестниц.

— Но я поднималась, дорогой. Только что. Ральф, мы находимся в центре нового странного звездного скопления. Все звезды совершенно иные.

Темпл едва слышал ее. Он смотрел в иллюминатор на что-то черное и неуклюжее, вылетевшее из тропического леса и направившееся к кораблю.

Это была не птица, но летающая рептилия — перепончатые крылья выглядели — он затаил дыхание — в точности как у птеродактиля!

Кто-то в темноте закричал:

— О, не позволяй ему прикасаться ко мне. Держи его, держи его подальше от меня.

Темпл выпрямился, его сердце готово было выскочить из груди. Одна из школьниц лежала на полу, и что-то призрачное и огромное склонилось над ней. Огромное существо, покрытое панцирем, напоминало ужасного водяного жука.

Темпл отчаянно сцепился с ним. Последовал протяжный, жалобный вопль, и существо рассыпалось у него в руках.

Зажглась спичка, и появилась Джоан; она пыталась отыскать его, щурила глаза и морщила лоб.

Темпл взглянул на неизвестное существо. Оно исчезло. Можно сказать, что на полу остался какой-то след —

будто объект растворился в слабой вспышке света. Вот и все — и ничего больше.

Но он сжимал в объятиях школьницу, и ее одноклассницы окружали его.

— Не удивительно, что ты вернулся, — почти прошипела Джоан. Она отступила от него на шаг. Ее глаза сверкали.

Спичка погасла.

Темпл нетерпеливо разжал руки спасенной девушки, которой, наверное, было лет восемнадцать.

— Джоан, я очнулся, стоя на четвереньках в темноте. Я слышал, как закричала молодая леди, и увидел что-то...

— Увидел? Я ничего не видела.

— Но здесь что-то было... — всхлипнула девушка. — Он спас мне жизнь.

Темпл нашарил в полумраке стул, а потом сел.

— Джоан, думаю, что смогу объяснить тебе все, — сказал он.

— Ральф Темпл, я не хочу слушать, — донеслось из темноты.

— Вы должны выслушать, — вздохнула школьница. — Я выслушаю. Что это было, Ральф?

— *Ральф*, — мрачно повторила Джоан.

— Джоан, послушай меня. Знаешь, что происходит, когда путешествуешь со скоростью света?

— Знаю. У большинства глупых детей есть романтические мечты о человеке, достаточно старом, чтобы приходиться им дедушкой.

— Джоан, мне тридцать семь, — напомнил ей Темпл. — И я не становлюсь старше. Нед стал на пятнадцать лет моложе, и я в любой момент могу оказаться подростком. Думаю, нам следует выяснить, где мы находимся. Всех нас могут подстергать сюрпризы.

— Ты имеешь в виду, Нед вернулся вспять во времени? Но если мы просто путешествовали со скоростью света, мы просто не менялись бы. Мы бы даже не сдвинулись с того места... оттуда, где мы есть. Но мы куда-то движемся. Мы, вероятнее всего, двигаемся со скоростью, превышающей скорость света. Мы должны... Нет, подожди минутку.

Она на мгновение умолкла, а затем продолжила.

— У меня были проблемы с физикой в Вассаре, но я, кажется, помню, что только время на Земле может стоять на месте. Если ты двигался со скоростью света, а потом посмотрел обратно на Землю — тогда тебе показалось бы, что все осталось неподвижным. Если ты двигался быстрее, на Земле *ничего не происходило*.

— Это правда, — сказал Темпл. — Люди, которые не задумываются об этом, представляют себе, что события будут повторяться маленькими рывками. Доберись до головы, так сказать, а затем расслабь в первую очередь ноги. На самом деле события будут *не совершаться* непрерывно, они раскрутятся назад, пока вся история не повторится в обратном порядке.

— Но только на Земле, — напомнила ему Джоан. — Мы могли заметить это обратное движение только в том случае, если отдалялись от Земли со скоростью, превосходящей скорость света. И мы могли двигаться по кругу и стареть, наблюдая за этим процессом, если бы мы путешествовали в машине времени. Наше движение не будет относительным относительно машины. Это звучит как тавтология, но так вы сможете понять, о чем я говорю.

— Я понял, о чем ты говоришь, — сказал Темпл. — И, не осознавая того, ты приближаешься к сути нашего затруднительного положения. Мы не знаем, на что могла быть похожа реальность в высшем измерении, которое мы не способны воспринять нашими ограниченными

чувствами, зрением, осязанием и слухом, но кажется маловероятным, что машина времени может просто отдалиться от земли со скоростью света. Если это так, то она была бы просто космическим кораблем. Превысив скорость света, она могла бы стать только нитью в пространстве-времени, и даже тогда обратное движение энтропии не отбросило бы нас назад в наше прошлое на Земле. Мы просто оказались в подвешенном состоянии где-то у предела континуума, или, если тебе уютно, вне звездной Вселенной.

— К чему ты клонишь, Ральф?

— Вот к чему. Я верю, что Моррисон выражался образно, когда говорил о путешествии со скоростью света. Я верю, что мы находимся в подвешенном состоянии, если вести речь о физической Вселенной обеспокоена, но движемся в пяти-, а возможно, и в шестимерном времени; этот маршрут охватывает практически всё.

— Я думаю, мы слишком увлеклись. Думаю, в нашей ситуации важны все временные модели, возникшие в физической вселенной в результате движения в космосе, и вдобавок множество других моделей.

— Я думаю, мы внутри Вселенной и за ее пределами, и мы вернулись во вчера и направляемся в завтра. Я думаю, мы находимся в перевернутом мире шиворот-навыворот, где может случиться что угодно.

— Ральф!

— Да, я был в двух местах одновременно, и я поднялся по лестнице, которая появляется и исчезает, и посмотрел на меняющиеся звезды. И хотя Нед вернулся в прошлое, это прошлое – ненормальное во многих отношениях. В первую очередь, оно развивается в направлении будущего, а такого развития не произошло бы, если бы удалялись от этой реальности в одном определенном направлении. С другой стороны, что-то изменило молекулярный состав воды за бортом лодки, и я уви-

дел нечто, похожее на птеродактиля, вылетающее из тропического леса. С третьей стороны: хотя я могу вернуться обратно туда, где сейчас находится Нед, я не могу стать моложе, когда двигаюсь назад, и помню то, что он забыл. С четвертой — мы можем разговаривать друг с другом сквозь время, а если тебе известно хоть что-то об акустике, то мне не нужно объяснять, что в обычных обстоятельствах такое невозможно. С пятой — существо, которое только что пришло *извне*, расслоилось, когда я схватил его, и нельзя...

Темпл отпрянул в сторону, едва сдержав крик. К нему сквозь темноту приближалось другое существо, слабо светящееся — оно напоминало огромную вошь.

***

— Хотели бы вы обрести двадцать пальцев вместо десяти? — спросил Темпл. — Хотели бы вы обернуться и увидеть себя — вчера?

— Хм... — пробормотал старик, поглаживая тонкую бороду. — Что ты говоришь, мальчик?

— Дедуля, я не юноша. Мне будет сорок четыре в середине лета. Но я был мальчишкой, зеленым парнем двадцати двух лет, когда получил этот шрам.

Пока я говорил, Темпл протянул свою руку и раскрыл ладонь, покрытую багровыми складками.

— Да, я и сам когда-то был молод, сынок, — сказал старик, и в его взгляде отобразилось благородство, которого не было там минуту назад.

Темпл поднял удочку и наклонился вперед. Он видел, как плавают рыбы. Другие рыбаки то и дело вытаскивали их, но у него не клевало уже несколько часов.

Синеватый свет, казалось, окутал его, когда он смотрел в глаза старику.

— На той планете слишком много жизни, дедушка.
— сказал он. — Она заполнила пустоты и открытые места и скопилась в море.

Старик кивнул, его мутный взгляд устремился на оранжево-красный поплавок, качавшийся на волнах.

— Третья планета от солнца, говоришь, в системе из девяти планет?

— Все верно, дедуля. Девять планет — одна очень маленькая, четыре немного больше или немного меньше, три почти огромные, и одна больше всех остальных вместе взятых. Одна из тех огромных был окружена широкими плоскими кольцами — двумя светящимися и одним дымным, разделенными темными полосами.

— Была похожая планета в системе Ругол, — сказал старик.

— Я знаю. Но эта система располагалась близко к центру известной вселенной и имела вполне обычное солнце. Плотность, размер и излучение вполне обычные.

— Хм-м-м.

— Но третья планета была необычной, дедушка. Она в некоторых отношениях была примечательнее планеты с кольцами. Это было, как, хотя — ну, знаете, что происходит, когда вы чрезмерно удобряете садовый участок?

Старик кивнул.

— Я всегда любил цветы, — сказал он.

— Мы думаем, что знаем, что такое паразиты, но — это не так. Мы совсем ничего не знаем. У нас в Камизе есть несколько растений, которые высасывают соки из других растений, несколько животных, которые охотятся на других животных. Но на другой планете — *тьфу!*
— Он наклонился и сплюнул в воду. — На той планете слишком много жизни, дедуля, но здесь есть и многое другое. Мужество, которое остается даже тогда, когда

уже нет для него причин; человеческая мысль, которая переживает мозг, породивший ее.

Темпл обвел внимательным взглядом горизонт, его пальцы сжали легкую удочку.

— Дедуля, я думаю, нам нужно принять теорию о том, что жизнь развивается параллельно — во всей Вселенной Звезд, — сказал он. — До изобретения машин времени-пространства мы думали, что наше солнце с пятью планетами — это звездная аномалия, но сейчас мы знаем, что существуют и другие планетные системы, разбросанные по всему пространству; существуют другие удивительные миры, в которых есть жизнь. Синяя звезда, которая согревает Камиз, это не просто жизнедатель. У гигантских красных звезд на грани пространства тоже есть свои Камизы, свои неприветливые внешние планеты, и есть звезды размерами не больше планет, с такими маленькими спутниками, что...

— Через пятнадцать минут мне надо сматывать удочки, — прервал старик. — Дочь злится, когда я опаздываю к ужину.

— Что ж, мы погрузились в этот континуум и всерьез взялись за нелегкое дело; мы двигались то назад, то вперед. Остается только пожелать, чтобы машины времени-пространства никогда не изобрели, — сказал Темпл. — Мы вышли на мрачные, холодные равнины континента, похожего по форме на раздувшийся вопросительный знак. Мы сразу установили электростатические геодезические приборы и в общих чертах определили особенности этого мира — все появилось на наших экранах.

Чуть к юго-востоку от нас была длинная, прямая река, впадающая в неглубокий залив, а немного к северо-западу располагались пять больших озер, которые выглядели на экране, как колбасы, нанизанные на проволоку.

Но, конечно же, маленькие холодные внутренние планеты во всей Вселенной примерно одинаковы, и вообще рельеф не сильно отличается от.... В общем, такой же.

Он пожал плечами и махнул рукой в сторону фермерских земель, простиравшихся у него за спиной.

— Сколько человек с тобой было? — спросил старик.

— Нас было пятнадцать, дедушка. Мы отправились в экспедицию; в ней участвовали представители всех естественных наук.

— Межзвездные исследования, да?

— Верно, дедушка. Теперь исследовательская служба обходится без меня уже тринадцать лет, но в те дни я был подающим надежды юнцом и знал о теории поля больше своего начальника.

— Когда-то я был монополистом на рынке, — сказал старик. — А теперь они даже не вспоминают меня, когда встречаются на улице.

— Исследовательская служба меня помнит меня, — ответил Темпл. — Но я унаследовал пятьдесят тысяч несколько лет назад и решил стать джентльменом на покое. После кризиса я решил вернуться, но — черт! — шесть тысяч молодых выскочек выстроились впереди меня.

— Если все тщательно планировать, то человек может прожить на очень небольшую сумму, — заметил его собеседник.

Темпл кивнул:

— Я научился экономить. Но вернемся к маленькой внутренней планете. Там все было покрыто илом, в котором зарождалась жизнь. Эта субстанция напоминала желе и принимала различные формы...

— Ты мог бы описать это покороче, сынок? Моя дочь очень беспокоится, когда я опаздываю на...

— Ну, представь буфет, наполненный старинными безделушками. Буфет — это скелет какого-то животного, умершего сто тысяч лет. Безделушка — это здание, построенное из октаэдров, икосаэдра, додекаэдра и так далее. Мы даже обнаружили несколько усеченных кубов. На всякий случай поясню, что усеченный куб — тридцативосьмигранник, в каждом углу которого четыре треугольника и один квадрат. Шесть граней относятся собственно к кубу, восемь — к коаксиальному октаэдру, а оставшиеся двадцать четыре — неправильной геометрической формы.

— Ой, сынок. Я никогда специально не изучал математику.

— Вот что я хочу сказать, дедуля — эта илистая, примитивная жизнь, казалось бы, должна существовать по законам кристаллизации. Мы нашли кристаллографические оси координат, когда изучали материал, но, конечно, более сложные многогранники могли сбить с толку любого специалиста. Сложный пример кристаллического нароста — это ромбоэндрический скаленоэдр.

— Его-то я и буду есть сегодня на ужин, парень, если ты не остановишься.

— Итак, я убежден, что материал был жив в протоплазматическом смысле; там обнаружилась похожая на гантель форма жизни, которая бродила, как корненожка, а также длинные ленты из слизи, которые перемещались по многогранникам, перетекая в разные стороны. Большинство многогранников, казалось, были объединены, и, конечно, они растворялись, возвращаясь обратно в слизистое состояние. Если бы не ваша дочь, я мог бы рассуждать об этом часами — очень уж странная форма жизни появилась. Это жизнь, которая поддерживала себя, пожирая более сложные формы, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Ты имеешь в виду, что она перестраивалась в нечто сложное, потом ей надоедало, что ее заживо едят, и она растворялась обратно в слизь.

— Примерно так, — сказал Темпл.

— Но, сынок, почему ее съедали не до конца?

Темпл пожал плечами.

— Возможно, эта форма воспроизводилась за счет поглощения солнечной радиации”, — сказал он, — Любая догадка так же хороша, как моя.

— Ты говорил, сынок...

— Итак, когда мы наткнулись на огромный сморщенный цилиндр, то подумали сначала, что это просто скелет одного из древних позвоночных, которые когда-то бродили по планете — просто еще один буфет с редкостями. Джоан была уверена в этом, что она начала соскабливать палкой желеобразное покрытие, и...

— Джоан? — переспросил старик.

— Она была нашим геологом. Глупое маленькое создание. Сладкая маленькая блондинка.

— Когда мне было двадцать лет, — сказал старик, — мне нравились блондинки, брюнетки и шатенки. Но разве она могла бы попасть в экспедиционную службу, если бы не была достаточно сообразительной?

— О, она была достаточно сообразительной, когда забывала, что она — женщина. Но когда она случайно об этом вспоминала, ее IQ куда-то исчезал...

— Ты говорил...

— Джоан очистила поверхность многогранника и обнажила сморщенную поверхность сверкающего металла — и тут она прыгнула в мои объятия и крепко прижалась ко мне. Я и сам очень испугался. Цилиндр был размером вчетверо меньше нашей машины для перемещений, и на его вершине появилась маленькая ручка. На первый взгляд этот объект казался достаточно большим и мог вместить пять или шесть человек, ес-

ли их тесно прижать. Да, он в самом деле был достаточно велик. Трудно представить, сколько там места внутри цилиндра, для этого требовалось глаза и не провести воображаемую линию параллельную окружности. Я имею в виду, что нужно было построить еще один воображаемый цилиндр.

— Сынок, моя дочь...

Темпл кивнул:

— Вы просили меня поторопиться, так что я пропущу рассказ о наших ощущениях и сосредоточусь на том, что произошло внутри цилиндра.

— Ручка повернулась, да?

— Мы подергали за нее. Послышалось жужжание, и вершина цилиндра распахнулась, открыв путь в чернильную черноту, разделенную лентами из слизи. В общем, слизь просачивалась в цилиндр, и мы могли слышать, как ее капли падают вокруг нас в темноте. Я пошел первым, и Джоан пошла за мной.

Я прошел восемь или десять футов по полу, который, казалось, выскальзывал из-под меня, а затем я вытянул руку в сторону. Мне показалось, что стена ползла под моей ладонью, и я захотел развернуться и выйти — но тут слизь начала свертываться вокруг моего запястья. Через мгновение оказалось, что я не мог пошевелиться. Я услышал, как Джоан закричала, но не мог пошевелить ни единым мускулом.

Вверху надо мной разлилось сияние. Казалось, оно стекало на меня с чего-то, напоминавшего клавиши гигантского пианино.

Я посмотрел вверх, и что-то холодное задело меня, а свет стал ярче.

Моя голова начала кружиться, и на минуту я почувствовал, как будто воздух выдавили у меня из легких. Я опустился на колени и начал подниматься к свету. Хотя мне казалось, что подо мной — ведущая вверх лестница,

но это могла быть просто гофрированный металлический скат, покрытый тонким слоем слизи.

Я полз очень долго. Чем выше я поднимался, тем ярче становился свет, и внезапно он запылал вокруг меня — и я оказался уже не один.

Она сидела на высоком деревянном стуле, сжимая тряпичную куклу, дедуля — маленькая девочка не старше шести лет, с кудрявыми темно-рыжими волосами и ямочками на обеих щеках. Она, казалось, была в яслях. За ней я увидел стену, на которой были изображения животных, а над ней — бледно-зеленый просвет; она рыдала, как будто ее сердце разбито.

Дедуля, я узнал ее, несмотря на слепящий свет и ямочки, и на то, что ее ноги едва касались пола. Она была нашим сладеньким геологом, девочкой, которая прыгнула в мои объятия меньше пяти минут назад.

У нее были волосы, губы и глаза Джоан, и когда она закончила плакать и взглянула на меня, то отблеск узнавания зажегся в ее взгляде — и сердце замерло у меня в груди.

Дедушка, ничто уже не могло меня удивить после этого, но все равно было страшно — оказаться в совершенно ином месте, окруженном совершенно глухими стенами, в лучах зеленого света, который струился на меня из какой-то перевернутой воронки сверху; она блестела как зеркало и непрерывно двигалась.

Когда я взглянул вниз, то пережил еще одно потрясение. У меня обнаружилось четыре ноги, две повернуты в одну сторону, а две другие — в противоположную. Хуже всего было то, что моя обувь стала совершенно прозрачной, и я смог увидеть все свои двадцать пальцев.

Я начал шевелить ими — сначала на одной ноге, затем на другой; мое сердце неистово билось. Я все еще рассматривал их, когда свет погас, и стала заметна

длинная блестящая панель с маленькими кнопками и рычагами.

Последовала пауза. Темпл откашлялся.

— Дедуля, та панель выглядела так же, как контрольная панель в машине Моррисона для путешествий по измерениям — большой недоделанной машины, которая стояла в Музее ремесел и наук четверть века назад.

— Но, сынок, как это могло быть? — ахнул старик.

— Дедуля, я не знаю, если — ну, вы помните, что я говорил о жизни, которая развивается по параллельным линиям где-то во Вселенной?

Старик сдвинул брови:

— Возможно, с жизнью все так и есть, сынок. Но ведь это продукты человеческой цивилизации, сложные изобретения...

— А почему бы и нет?

— Я скажу тебе, почему нет, сынок. Примитивные человеческие общества не становятся сложными и не увеличивают количество механических устройств путем естественного отбора. Но даже если они все было так — шансы на то, что на двух планетах, не говоря уже о миллионе планет, эти устройства окажутся абсолютно одинаковыми, можно выразить только цифрой с несколькими нулями после запятой.

— Дедуля, я чувствую, что ты не прав. Кажется, во вселенной работает динамический блок, который отсекает большинство из этих нулей. Ты можешь назвать это «законом элиминативной рекуррентности» или как тебе понравится, чтобы включить сюда не только биологическую эволюцию, но и все — от протеиновых молекул до... ну, джипов и музеев ремесел и наук.

— Я не совсем...

— Ну, возможно, уравнение поможет вам понять, к чему я веду. Скопление белковых молекул из теплых

древних морей любой прохладной внутренней планеты плюс миллиард лет времени равно машине Моррисона в Музее Ремесел и Наук.

Челюсть старика отвисла:

— Но, сынок, это просто еще один способ сказать: зарождение жизни в любой точке Вселенной приводит к тебе и мне, сидящим здесь.

— Сейчас — да.

— Минуту, сынок. Мне хотелось бы кое-что уточнить. Как тебя зовут?

— Что?

— Как твое имя, сынок?

— Ральф Темпл.

— Все верно. А я — Нед Камингс. Ты можешь сказать, что есть миллион Недов Каммингсов и Ральфов Темплов, верно так, на миллионах обитаемых миров?

— Ну, я сказал, что панель внутри того цилиндра была очень похожа на панель машины Моррисона. Но у меня возникло странное чувство, что расстояние между переключателями было чуть больше, чем там; металл чуть темнее...

— Как ты можешь такое утверждать, сынок? Ты видел машину Моррисона?

— Да, дедушка. Я провел целый день в Музее ремесел и наук четверть века назад. Дедушка, Моррисон был гениальным человеком. Он жил, чтобы собрать этот джип, на котором мы могли бы теперь пробиться сквозь время вплоть до шестого измерения.

Старик вытаращил глаза:

— Ты знал Моррисона?

— Да, дедушка. Мы вместе ходили в колледж.

— Понимаю. Сынок, ты не ответил на мой вопрос.

— Ну, если точно, то я... не знаю. Возможны отклонения и несоответствия. На других планетах мы могли не участвовать в идентичных последовательностях со-

бытий и между нами могли не сложиться те же самые связи. То, что я увидел внутри этого цилиндра, убеждает меня: параллели, о которых я говорил, могут быть похожи и не похожи друг на друга, как некоторые кристаллические скопления. То есть можно получить идентичные скопления, другие будут немного отличаться друг от друга, а третьи, так сказать, окажутся совсем разными.

Наши точные копии могут появиться на двадцати тысячах миров, а неточные – на полумиллионе. Машина Моррисона может быть воспроизведена с черной, серой и даже розовой панелью управления. Мы можем сидеть и рыбачить на планетах Зволле и Аазон, а на планете Себек вы можете быть моим прадедушкой. Вам следует помнить, что сходство может быть просто ошеломляющим. В том случае, если мы будем придерживаться аналогии со скоплением кристаллов.

— Почему бы и нет, сынок.

— Итак, сходство моделей внутри этого цилиндра зашло очень далеко. Кто-то на той маленькой внутренней планете, какой-нибудь другой Моррисон, собрал свою машину. Дедуля, эта панель была настроена на путешествие в шестое измерение и обратно по внутренним и внешним границам пяти— и четырехмерного пространства.

Дедуля, наш Моррисон потратил полтора часа, чтобы мне объяснить эту траекторию. Она должна была стать его величайшим достижением, гениальнейшей из шести альтернативных траекторий. В шестом измерении, дедуля. Вверх и по кругу – и прежде чем успеешь понять, ты уже вернулся обратно.

— Ты имеешь в виду, что машина была настроена на путешествие туда и обратно.

— На путешествие туда и обратно, дедуля. Но как только я увидел эту панель, то понял: что-то пошло не так и Странность проявляется в каждой операции.

— Странность?

Темпл кивнул:

— Наш Моррисон называл это странностью, как будто живое существо. Он показал мне лампу, дедушка — маленькую зеленую лампочку на панели управления.

Темпл откашлялся:

— Дедуля, тебе следует помнить, что никто не знал о высших измерениях времени больше нашего Моррисона. Он вычислил свойства времени, замкнутого на самое себя, с помощью занятных маленьких ламповых приборов, которые выглядели как миниатюрные копии машины.

Он ...он нашел другое имя для Странности, дедуля. Он называл ее «Измерением неразумности». Он думал, что смог бы отправить машину по кругу, туда и обратно, не причинив вреда находящимся внутри людям.

Но, конечно, он не был в этом уверен. Его машина не была закончена, и я сомневаюсь, что это когда-нибудь случится. Его записи, графики и чертежи занимают наших лучших ученых уже четверть века.

Дедуля, Моррисон сказал мне, что лампа — тщательно отрегулированный синхроноскоп. Пока он цел, заверил меня Моррисон, траектория сохраняется, и машина движется в шестом измерения. Странность могла деформировать пространственно-временные рамки внутри машины, но на самом деле не уничтожала их. До тех пор пока лампа цела, искаженные схемы будут восстанавливаться — и пассажиры вернутся в двадцатый век в Камиз живыми и невредимыми. «Но если лампу разбить, Ральф, машина вернется на миллион лет в будущее, и пассажиры обратятся в прах, и мне не хотелось бы зайти внутрь и оказаться на одной планете со Странностью».

Всякий раз, закрывая глаза и мысленно возвращаясь в тот день в музей, я слышал, как наш Моррисон дока-

зывал свою правоту. Он планировал использовать трех или четырех человек в качестве морских свинок, точно так же, как это сделал другой Моррисон.

Дедушка, стоя на коленях в другой машине Моррисона, глядя вниз на панель управления другого Моррисона, я с ужасом понял, что кристаллическая жизнь, заполнившая пустоты и открытые пространства и просочившаяся в море, была частью странности. Это не она проникла в машину. Она прибыла из шестого измерения и вытекла из машины в стерильный мир.

Дедушка, на этой панели управления зеленая лампочка уже не горела. На этой панели лампочка была разбита! Я покрылся холодным потом, увидев это – и внезапно я оказался уже не один в темноте. Ко мне прижималась Джоан, которую я недавно потерял. Джоан, которая уже не была маленькой девочкой.

«Я везде искала тебя», — рыдала она. — «Во тьме, в непроглядной тьме...»

Дедуля, я обнял рыдающую крохотную блондинку и поцеловал ее.

Полагаю, это означало: я был рад, что она вернулась. Человеку сложно понять, как может быть холодно в одиночестве – в настоящем одиночестве.

Мы крепко держались друг за друга и пытались поскорее отыскать какое-то решение, которое позволило бы нам зажечь маленькую свечу надежды. И тут в темноте зазвучали голоса.

Вокруг разносился слабый музыкальный шепот.

«Уходите, уходите быстро. Бегите. Спасайтесь — уходите, уходите. Спасайтесь, мы поможем вам. Еще есть время. Спасайтесь, уходите — бегите».

Джоан ахнула, у меня по спине поползли мурашки.

«Мы одно целое, и нас много, и мы поможем вам».

Слабый стон сорвался с губ Джоан, и темнота, казалось, сомкнулась, более плотно охватив нас.

Что-то прямо перед нами обретало форму, дедуля. Это напоминало сияющее колесо. Мы могли увидеть спицы, но сама окружность диска была скрыта туманной дымкой, а втулку отделяла от нас пленка, вызывавшая непонятный ужас.

Пока мы смотрели, колесо пульсировало и светлело, и внезапно его окружность превратилась в цепочку лиц, сплетенных языками пламени. Грустные, спокойные лица, дедуля, двенадцати молодых девушек, лет от шестнадцати до двадцати. Они двигались кругами, от них исходило странное свечение. Они двигались кругами — словно работала солнечная мельница.

Дедуля, это колесо затмило все кошмары моего детства, но по-настоящему застыла моя кровь от вида лиц, появившихся во втулке колеса. Оттуда на нас смотрели наши собственные лица. Лицо Джоан, мое лицо и лицо молодого человека, который немного напоминал тебя, дедуля. Он едва вышел из детского возраста, и его волосы были черны как смоль, но чем-то... он напомнил мне тебя.

— О, Боже! — произнес старик.

— Внезапно снова слышались голоса: «Встаньте, возьмитесь за руки и пройдите восемь шагов вперед. Еще есть время».

Дедуля, мы были вынуждены... Мы должны были подчиниться. Маленькая, влажная рука Джоан сжала мою руку, и наши ноги затряслись.

Дрожа всем телом, мы сделали восемь шагов. В одно мгновение темнота рассеялась, и мы оказались на высокой белой скале, откуда открывался вид на спокойное море. Когда мы взглянули вниз, на воду, то смогли увидеть разбитые купола, башенки и смятые массы обломков; когда мы взглянули на небо, оно показалось немыслимо древним. И солнце стало серым диском, который, казалось, вот-вот рассыплется в пепел.

Вокруг царило ужасное опустошение, но глядеть вниз было особенно тяжело, потому что море оказалось неглубоким на мили, и мы сразу смогли понять, что в век изобретений этот мир перешагнул черту, уничтожив все достижения человечества .

Взглянув вниз, я вспомнил «Город на море» Эдгара Аллана По:

Здесь храмы и дворцы, и башни,
Изъеденные силой дней,
В своей неподвижности всегдашней,
В нагроможденности теней,
Ничем на наши не похожи.
Крутом, где ветер не дохнет,
В своем невозмутимом ложе,
Застыла гладь утрюмых вод.

Может быть, город когда-то стоял на высоком горном пике, и время сравнивало его с землей. Я никогда не узнал, почему сцена вокруг нас вдруг переменилась, и мы оказались посреди великой крепости, дедуля. Огромные пестрые змеи свисали с веток над головой, и запах гниющей растительности распространялся в тяжелом воздухе.

«Поверните направо и сделайте четыре шага назад», — прогудели голоса.

Мы автоматически повиновались. Уровень, кажется, повисился, и мы стояли на другой скале, глядя на другое море. Но теперь над волнами не было города.казалось, мы смотрели на какой-то живописный ландшафт юрского периода. На ледяных отмелях росли полярные лилии, а прямо под нами лениво барахтались существа с длинными шеями, похожие на ящериц.

«Сейчас вы передвигаетесь по стабильному временному курсу, — прогудели голоса. — Мы помогаем вам.

Не разжимайте рук и сделайте шесть коротких шагов вперед».

Мы автоматически повиновались. Через несколько секунд скала исчезла, и они появились вокруг нас — машины, дедуля. Дюжины огромных, сверкающих человекоподобных машин, которые стояли, уставившись на нас с каким-то презрением.

«Поверните налево — резко», — прогудели голоса. — «Идите прямо. Здесь есть силы, которые могут уничтожить вас. Вы должны идти прямо».

Грубые роботы отступили. Дрожа от волнения, мы двигались к туманному сиянию, которое пульсировало и усиливалось до тех пор, пока, казалось, не заполнило все пространство вокруг нас.

«Пройдите прямо. Вернитесь в свой мир. Вернитесь — вернитесь».

Голоса становились слабее, но мы все еще могли их слышать, дедуля. Свет стал невыносимо ярким, и когда мы пустились бежать — голоса стали жалобными, умоляющими, музыкальными.

«Вы не должны здесь оставаться. Вы должны вернуться обратно в свой мир. Будет смещение пластов, ибо на равнинах и горах жизнь чужда Зембле. Она чужда, чужда — и напряжение возрастает...»

— Зембле? — перебил старик.

— Зембле, дедуля — странное имя. Очень сложное название.

— И голоса повторяли: «Прощайте и удачи. Вы не должны здесь оставаться. Возвращайтесь в собственный мир. Возвращайтесь, возвращайтесь. Прощайте и удачи».

— Дедуля, сияние внезапно начало слепить, и мы почувствовали, что падаем.

Темпл отложил удочку, наклонился вперед и снова вытянул руку.

— Видишь этот шрам, дедуля?

— Ты мне его показывал раньше, сынок.

— Что ж, это был мой свадебный подарок ей.

Челюсть старика отвисла.

— Твой свадебный подарок...

— Вместо того чтобы держаться за руки, мы проделали невеселую операцию. Нам пришлось это сделать. Мы не могли провести остаток нашей жизни, держась за руки, не так ли?

Челюсть деда отвисла еще ниже:

— Так ты с катушек слетел... Я мог бы догадаться...

Темпл улыбнулся.

— Дедуля, когда мы оказались за пределами цилиндра на серой твердой поверхности, окруженные этой странной кристаллической жизнью, признаюсь, я тоже так подумал. На мгновение я усомнился в собственном здравомыслии. Но когда наши ноги затряслись — мой разум как будто стократно расширился. Ибо, когда Джоан попыталась вытащить свою руку из моей руки и не смогла освободиться, только очень здравомыслящий человек воспринял бы это спокойно. Ты понимаешь, о чем я?

Присмотревшись и обнаружив, что наши ладони спаяны «дикими талантами» внутри Измерения Неразумности, я не стал заходить слишком далеко. Я знал, что нам повезло и что небольшая операция — это все, что нам понадобится.

— Святые небеса!

— Она была всего лишь маленьким существом, дедуля. Но когда ты держишь женщину за руку день за днем, неделю за неделей — в нашей машине не было никаких врачей — то задумываешься о пустяках, на которые до этого не обращал внимания. Я начал с того, что перестал замечать ее недостатки, а кончил тем, что попросил ее выйти за меня замуж.

Дедуля, это случилось на двенадцатую неделю. А потом я начал думать. Возьмем две пары людей, дедуля. Одна пара является точной копией другой пары. Они выглядят, думают и чувствуют одинаково, и между ними нет ни малейших различий. Действительно ли это четыре человека — или всего двое?

— Сынок, я не могу ответить. Я не Гегель.

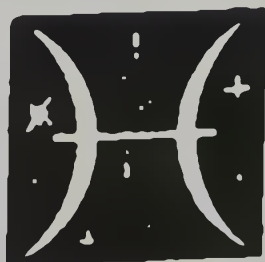
— Что ж, уже двадцать два года, дедуля, мы с Джоан пытались вернуть то счастье, которое потеряли поблизости от центра известной Вселенной — на холодной маленькой внутренней планете под названием Зембла. И я каким-то образом понял, дедуля, что люди, которых мы видели в центре этого колеса, надеялись, что мы так поступим.

У меня возникло чувство, что это колесо... ну, мужество, которое остается даже тогда, когда уже нет для него причин; человеческая мысль, которая переживает мозг, породивший ее.

Дедуля, во Вселенной, может быть, миллион Джоан Харвейс и Ральфов Темплов, и некоторые из нас способны зайти далеко. Но здесь, на Камизе, мы с Джоан вернули все утраченное, восстановили все разрушенное, склеили все, что не клеилось. Мы могли быть подопытными свинками Моррисона на Зембле, но на Камизе...

— Жаль, что я не видел никаких равнин, — сказал старик, медленно поднимаясь на ноги. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Я понимаю, что ты имеешь в виду, парень.

— Передайте это вашей дочери, — сказал Темпл, вытаскивая связку пойманных рыб из ручья. — Я поймаю еще. Джоан ждет меня не раньше чем через час.

Содержание

МИР ВЫЖИВШИХ 5

РАССКАЗЫ

СПИРАЛЬНЫЙ РАЗУМ 173

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЕЙ НОГ 203

ПАРЕНЬ НА МЕСТЕ 233

ДИКАРЬ..... 238

НЕБЕСНАЯ ЛОВУШКА..... 252

ВИЛЛИ 273

ЧЁРНАЯ ТВАРЬ 293

ОБРЕТЁННОЕ ЗНАНИЕ 304

Фрэнк Белнап Лонг

Собрание сочинений

Т. 1. Тварь из бездны времён. Рассказы

Т. 2. Мир выживших. Рассказы

Т. 3. Дерево ведьм. Рассказы

Т. 4. Путешествие во тьму.

...И родятся другие

Т. 5. Три лика времени. Рассказы

Т. 6. Чужаки в Новой Англии.

...И пришел робот

Т. 7. Это странное завтра. Рассказы

Т. 8. Темное наследие. Рассказы

Т. 9. Дорога к темной башне. Рассказы

Т. 10. Ведьмин огонь. Рассказы

Дополнительные тома:

Марс-моя цель. Рассказы

Ночь волка. Рассказы

Готовится к изданию

Фрэнк Белнап Лонг

Дерево ведьм

Дом ведьмы стоит на острове более двухсот лет.

Местные жители избегают его и боятся.

Ведь дом может оказаться живым...

Джоан Ронсон приезжает на остров, чтобы отыскать пропавшую сестру. И узнает, что старые легенды стали реальностью. В мире творятся странные вещи и оживают древние боги. Зло уже рядом...

На кого падет тень Дерева ведьм?

Роман, в свое время вышедший в серии «дамской готики», очень далёк от канонов жанра — в этой книге почти нет романтики и слишком много ужаса...

В сборник также включены рассказы Лонга; один из них относится к циклу о Тиндалосе.

На правах рукописи

Отпечатано в типографии «Пегана-пресс»

Голод и Жажда правят миром. Рыбы умирают в отравленных водах, звери исчезают, Земля меняется на глазах. Отчаяние охватывает людей - и семена жизни вот-вот сплывут, а мир достанется неведомым врагам. Осталось совсем немного... Но всегда найдется человек, готовый противостоять неизбежному, готовый сразиться с посланниками Смерти и верящий в победу...

По мнению критиков, это один из лучших романов Фр.Б. Лонга - мрачный, жестокий, зловещий. Он создан в жанровых рамках НФ, но проникнут поистине нездешним ужасом. В книгу также включены избранные рассказы писателя.

